

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2023. Том 7. № 3
Сквозной номер выпуска – 27

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (с 01.11.2022). Категория К2. Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зеленукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блиикова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. 108 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 25.09.2023. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 13,1. Тираж 1000 экз. Заказ 23253. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2023, vol. 7, no. 3

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 27

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (from November 1, 2022). Category K2.
Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”

(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Baranovichi State University (Baranavichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7, no. 3. 108 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate III no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 25.09.2023. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 13,5. Conv. pr. sheet 13,1. Copies printed 1000. Order no. 23253. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2023.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Волков И.А.* Выявление общественно значимых интересов для разработки проекта нормативного правового акта в эпоху цифровизации: воздействие на динамику правоотношений 363
- Киселев А.С., Горбунова К.А.* Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации 370

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Дроздов Д.Е.* Представитель власти в уголовном праве 379
- Золотов Г.Б.* Проблемы определения норм материального права в охране музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности 386
- Золотова В.Б.* Значение психологического портрета в раскрытии неочевидных преступлений 395
- Золоторев В.Г., Щедрина Ю.В.* Роль судебных решений в преодолении неопределенности нормативного регулирования увольнения за прогул 404
- Кравченко Н.В., Труфанова А.Ю.* Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации 413
- Огнерубов Н.А.* Особенности специального субъекта и объективной стороны в составе неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью 422

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона 434
- Цветков Ю.А.* Тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела (эмпирический анализ) 441

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Колоткина О.А., Ягофарова И.Д.* Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования 450

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

- Царева Е.А.* Проект учреждения объединенного типа по положениям Концепции развития УИС до 2030 года 458

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2023, vol. 7, no. 3 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

- Ilya A. Volkov*, Identification of social significant interests for draft regulatory legal act development in the digitalization era: impact on legal relations' dynamics 363
- Alexander S. Kiselev, Ksenia A. Gorbunova*, Crimes' forensic characteristics features in the computer information field 370

SUBSTANTIVE LAW

- Denis E. Drozdov*, Representative of the authorities in criminal law 379
- Gennady B. Zolotov*, Problems in determining substantive law norms to protect museum objects and collections as intellectual property 386
- Valeriya B. Zolotova*, Theoretical specifics of safeguarding materials from additional professional education pro-grammes as intellectual property objects 395
- Vasily G. Zolotorev., Julia V. Shchedrina*, The role of court decisions in overcoming the uncertainty of legal regulation of dismissal for absenteeism 404
- Natalia V. Kravchenko, Aleksandra Y. Trufanova*, Legal regulation of the bioprinting process: problems and development prospects in the Russian Federation 413
- Nikolai A. Ognerubov*, Special subject and objective side peculiarities in the corpus delicti of non-assistance to patient, which caused by negligence the death or serious harm to health infliction 422

PROCEDURAL LAW

- Vladimir A. Gavrilenko*, Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Italian Republic's legislation analysis 434
- Yuri A. Tsvetkov*, Law enforcement trends at the stage of initiating a criminal case (empirical analysis) 441

NATIONAL SECURITY

- Oksana A. Kolotkina, Inara D. Yagofarova*, Comprehensive child safety is a new type of national security in the strategic planning system 450

REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

- Elena A. Tsareva*, The project of a united type institution according to the provisions of the Concept for the penitentiary system development until 2030 458
-

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-363-369>

Шифр научной специальности 5.1.1

Выявление общественно значимых интересов для разработки проекта нормативного правового акта в эпоху цифровизации: воздействие на динамику правоотношений

© **ВОЛКОВ Илья Анатольевич**,

преподаватель кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-5627-5802>, jus-volkov@yandex.ru

Аннотация

Развитие применяемых в правотворческом процессе технологий, связанных с выявлением общественно значимых социальных интересов, возможно с поэтапным, последовательным развитием научных представлений о них, а также соответствующим цели достижения эффективности правотворческих решений уровнем правовой регламентации вопросов практического применения технологий. Интерес рассмотрен как детерминант трансформации правового регулирования в различных сферах общественной жизни. В рамках исследования проанализированы некоторые технологические решения по закреплению рассматриваемых в работе интересов, вопросы их правовой обеспеченности, а также совершенствования процедуры участия граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов в сети Интернет. Сделан вывод о том, что развитие искусственного интеллекта имеет перспективу трансформировать сложившиеся подходы к анализу источников, из которых законодательный орган может извлекать информацию о соответствующих интересах с целью их дальнейшего правового опосредования. Наряду с этим, констатируется, что участие человека (носителя знаний, ценностей) как администратора процессов по выявлению интересов является не только рациональным в силу необходимости постоянного и углубленного совершенствования цифровых технологий, но и с целью нивелирования рисков искажения интересов, злоупотребления правом.

Ключевые слова

интересы в праве, общественно значимые интересы, принципы правотворчества, социальные факторы правотворчества, цифровизация правотворчества, искусственный интеллект в праве

Для цитирования

Волков И.А. Выявление общественно значимых интересов для разработки проекта нормативного правового акта в эпоху цифровизации: воздействие на динамику правоотношений // Актуальные

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-363-369>

Identification of social significant interests for draft regulatory legal act development in the digitalization era: impact on legal relations' dynamics

© Илья А. VOLKOV,

Lecturer of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5627-5802>, jusvolkov@yandex.ru

Abstract

The development of technologies used in the law-making process related to significant social interests' identification is possible with the gradual, consistent development of scientific ideas about them, as well as the technologies' practical application issues' legal regulation level corresponding to the achieving law-making decisions' effectiveness goal. Interest is considered as a legal regulation's transformation determinant in public life various spheres. The research analyzes some technological solutions to consolidate the interests considered in the work, their legal security issues, as well as improving the procedure for citizens' participation in the discussion of draft regulatory legal acts on the Internet. It is concluded that the artificial intelligence development has the prospect of transforming the existing approaches to the sources' analysis from which the legislature can extract information about relevant interests in order to further their legal mediation. Along with this, it is stated that the participation of a person (a carrier of knowledge, values) as a processes' administrator for identifying interests, it is not only rational due to the need for constant and of digital technologies' in-depth improvement, but also in order to level the interests' distortion risks, law abuse.

Keywords

interests in law, social significant interests, law-making principles, law-making social factors, law-making digitalization, artificial intelligence in law

For citation

Volkov, I.A. (2023). Identification of social significant interests for draft regulatory legal act development in the digitalization era: impact on legal relations' dynamics. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 363-369 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-363-369>

Введение

Для того чтобы добиться плодотворных правотворческих решений, рационально не упускать из фокуса внимания подходы, связанные с анализом существующей социальной обстановки, выявлением потребностей в правовом регулировании. Невозможно не замечать стремительный ход технологического прогресса, предопределяющего цифровизацию правотворчества, вектор которого видится в закреплении общественно значимых социальных интересов. Таким образом, видится, что выработка новых исследовательских стратегий представляется несостоятельной без междисциплинарного подхода, направленного на изучение правовой

регламентации процедуры участия граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов наравне с его цифровым обеспечением. Это предопределяет целесообразность рассмотрения интересов в контексте их социально-интерактивной природы, влияния на динамику правоотношений, а также наиболее значимых технологических решений, касающихся выявления общественно значимых социальных интересов, их нормативного правового обеспечения.

Целью исследования влияния общественно значимых социальных интересов на процесс разработки проекта нормативного правового акта в эпоху цифровизации, динамику правоотношений является обоснова-

ние позиции о значении интереса в процессе правообразования, а также выявление проблем, стоящих на пути к качественной реализации форм выявления отношения общественности к правотворческим инициативам.

Методологическую основу исследования составляют такие общенаучные методы познания, как логический, системный, функциональный, аксиологический. Среди частнонаучных методов – метод конкретно-социологических исследований, статистический метод. Вопросы совершенствования имеющейся процедуры участия граждан в правотворческом процессе в нормативном правовом и технологическом аспектах рассматриваются в русле метода моделирования.

Результаты исследования

1. Интересы как детерминанты трансформации правового регулирования в различных сферах общественной жизни. Исследования советского периода, охватывающие «социальный фактор» законодательства, не только не потеряли своей значимости, но и спустя длительное время продемонстрировали верный вектор для выбора мероприятий организационного и правового характера, позволяющих повысить значимость социальных факторов, актуальных и в настоящее время как на федеральном, так и на региональном уровне.

В работе «Исследование социальных факторов законодательной деятельности союзных республик» С.В. Поленина, О.А. Гаврилов, Н.П. Колдаева, Е.В. Куманин, В.А. Леванский подчеркивали, что «в их числе (прим. авт. – мероприятия) улучшение учета общественного мнения на всех этапах законодательной деятельности <...>, повышение информированности населения о работе над законопроектом на стадии его разработки <...>, повышение организационных начал использования современной электронно-вычислительной техники в законодательной деятельности» [1, с. 57].

Указанные мероприятия невозможно рассматривать в отрыве от интересов, которые имеют особое значение для процесса образования права. Как отмечает Л.А. Морозова: «Общественно значимые интересы закрепляются в законах и других нормативных правовых актах, играют важную роль в процессе правообразования и в реализации пра-

ва» [2, с. 170]. Видится, что жизнеспособность правовых норм немыслима без поиска социальных оснований права, в том числе по изучению общественно значимых, социальных интересов. Как верно замечает В.В. Трофимов: «социально-правовое взаимодействие продуцирует юридически значимые социальные интересы и соответственно «призывает» на помощь все новые и новые правовые средства для их упорядочения <...>» [3, с. 40].

При возникновении норм права появляются новые, ранее не известные законодательству юридические факты (правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие), оказывающие воздействие на динамику правоотношения. Так, О.А. Красавчиков к предпосылкам и основаниям гражданских правоотношений наряду с фактической основой возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений, а также правосубъектными предпосылками отнесил нормативные предпосылки [4, с. 5].

Таким образом, именно процесс социального взаимодействия, отправной точкой которого является интерес, детерминирует трансформацию правового регулирования в различных сферах общественной жизни, воздействует на динамику правоотношений. Привлечение к правотворческому (законотворческому) процессу граждан и совершенствование форм выявления отношения последних к правотворческим инициативам реализуемы при понимании того, что государство и общество – это не дихотомичная пара, а стороны открытого диалога. Как верно замечено В.Д. Зорькиным, «одним из условий формирования новой – гибкой и эффективной – регулятивности является социальная приемлемость будущего. Его созвучие стремлениям, чаяниям, настроениям общества» [5, с. 11].

Так, какие решения, соответствующие духу времени, могут выступить эффективными средствами на пути к закреплению общественно значимых социальных интересов, стать созвучными стремлениям и настроениям общества? Кроме того, с учетом стремительного развития технологий подлежат ли переосмыслению подходы к анализу источников, из которых законодательный орган может извлекать информацию о соответствующих интересах с целью их даль-

нейшего правового опосредования? Попытаемся ответить на эти вопросы.

2. О некоторых технологических решениях на пути к закреплению общественно значимых социальных интересов в праве. Век информационных технологий, тренд на алгоритмизацию права (в перспективе создание гибрида права и преобразование правовых норм в алгоритмы), тренд на цифровизацию правотворчества предоставляют почву для совершенствования процедуры участия граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов.

На пути к реализации форм выявления отношения общественности к правотворческим инициативам были сделаны некоторые шаги. Среди имеющихся решений, позволяющих идентифицировать общественно значимые социальные интересы в рамках гражданских законодательных инициатив, можно выделить площадку «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru/>), на которой размещено 21 253 инициативы. Так, в соответствии с пунктом 24 Правил рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183, «по результатам рассмотрения общественной инициативы экспертная рабочая группа в срок, не превышающий двух месяцев, готовит экспертное заключение и решение о разработке соответствующего нормативного правового акта и (или) принятии иных мер по реализации инициативы, которые подписываются председателем соответствующей экспертной рабочей группы, о чем уведомляет уполномоченную некоммерческую организацию в электронном виде»¹.

Отдельного внимания заслуживает действующий на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851² федеральный портал проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/>), представляющий собой официальный сайт для размещения информации о

подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. Это решение предоставляет возможность пользователю, пройдя процедуру регистрации и авторизации, оставить мнение к проекту нормативного правового акта. За 6 месяцев 2023 г. размещено 9 474 проектов нормативных правовых актов³. Среди примеров, наиболее комментируемых к концу июня 2023 г., можно выделить проекты, связанные с утверждением требований к содержанию животных в местах, используемых для торговли животными; требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием. Большая часть проектов ведомственных нормативных правовых актов, размещенных на данном портале, остается без внимания со стороны пользователей, поскольку вопросы, подлежащие правовому обеспечению, являются специфическими. Поэтому видится верным солидаризоваться с позицией, сложившейся в литературе, по обособлению на сайте <https://regulation.gov.ru> рубрики для обсуждения значимых проектов [6]. Однако выделение самостоятельной рубрики для обсуждения подобных проектов не должно подменять собой процедуру размещения пользователями комментариев под иными проектами ведомственных нормативных правовых актов.

Представляется, что развитие и совершенствование имеющейся модели в сторону возможности совместного обсуждения участниками интернет-сообщества отдельных положений проекта нормативного правового акта, моделирования совместными усилиями его авторских версий, их оценки и комментирования другими пользователями, заинтересованными в качестве правотворческого решения, является перспективным направлением, нуждающимся во внимании со стороны законодателя. Речь идет о выявлении общественного мнения по множеству проблемных вопросов, создании условий для учета в правотворческой деятельности социальных факторов, признанных в обществе ценностей. Вместе с тем следует понимать, что внедрение

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 36. Ст. 4902.

³ Статистика проектов // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 27.06.2023).

указанных технологий не гарантирует одномоментной реализации принципов демократизма и гласности правотворческого процесса.

Опыт одного из проектов проиллюстрирован в работе В.В. Бурова, Е.Д. Патаракина, Б.Б. Ярмахова «Использование технологий краудсорсинга в законотворческой деятельности» на примере Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7]. В основу проекта были положены принципы открытости и доступности процедуры – для использования всего функционала сетевого ресурса необходима регистрация и заполнение профиля. Текст нормативного правового акта выступает в качестве конструктора, с которым взаимодействуют все пользователи (лица с различными интересами, обладающие опытом по вопросам, которые составляют предмет правового регулирования законодательного проекта) и имеют возможность оценки, обсуждения, изменения каждого пункта, а также создания собственного альтернативного варианта нормативного регулирования. Наряду с этим преимуществом проекта можно назвать внедрение обобщенного, совокупного варианта законопроекта из числа версий, которые получили высокую оценку сообщества.

Совершенно очевидно, что для того, чтобы пилотные проекты перестали быть таковыми, необходим выход на уровень правовой упорядоченности. О.В. Белянская и А.А. Чомаев в своем исследовании актуализируют проблему регламентации вопросов практического применения технологий в отдельных видах юридической деятельности [8, с. 493-494]. Выводы, изложенные в данной работе, применимы в том числе и для цифровизации правотворчества. В первую очередь, по нашему мнению, следует начать с закрепления обязанности по размещению проектов нормативных правовых актов и результатов их обсуждения не только на федеральные органы исполнительной власти, а на федеральные органы государственной власти, обозначив перечень небезосновательных исключений из общего списка. Впоследствии свое нормативное закрепление должны получить принципы открытости, доступности процедуры обсуждения проектов нормативных правовых актов, а

также механизм совместного обсуждения участниками интернет-сообщества отдельных положений проекта нормативного правового акта, моделирования совместными усилиями его авторских версий, широкого информирования граждан о планировании правотворческой (нормотворческой) деятельности органов государственной власти (с использованием различного рода площадок, например, государственных организаций телерадиовещания, информационных ресурсов органов публичной власти Российской Федерации).

Кроме того, современный мир подчеркивает правдивость следующего тезиса – при развитии технологий и трансформации общественных отношений не следует забывать о гибкости при нормативном закреплении правил применения технологий в правотворчестве.

3. Переосмысление подходов к анализу источников, из которых законодательный орган может извлекать информацию о соответствующих интересах с целью их дальнейшего правового опосредования. Напомним, что интерес представляет собой ключевое звено в процессе принятия юридически значимого решения, являясь составляющей правовой активности субъекта, выступает основой правотворчества. Благодаря выявлению общественно значимых интересов законодатель верным образом может выстраивать юридическое прогнозирование, определять отношение граждан к тем или иным правотворческим решениям.

Идентификация общественно значимых социальных интересов осуществляется из перечня источников, ориентиры которого были заданы в учебном пособии под редакцией В.М. Сырых. Авторы издания к подобным источникам относят следующие: «письма и обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления; публикации в печати, выступления по радио, телевидению; материалы обсуждений проектов законов и иных нормативно-правовых актов; материалы судебной и иной правоприменительной практики <...> [9, с. 104].

Видится, что развитие искусственного интеллекта имеет перспективу трансформировать сложившиеся подходы к анализу вышеназванных источников в пользу алго-

ритмизации. Подчеркнем, что использование возможностей искусственного интеллекта мы не рассматриваем сквозь призму отношений «робот – законодатель», поскольку правотворческий процесс представляет собой вид социального творчества. В текущих политико-правовых и технологических реалиях у робота-законодателя отсутствуют необходимые для принятия значимых для общества решений морально-этические качества, понимание таких юридических категорий как справедливость, разумность, добросовестность.

Тем не менее, эффективность цифровых технологий может быть выражена в обработке огромных объемов значимой для правотворческого органа информации из поименованных выше источников. Так, сбор и анализ предложений, обращений широкого круга заинтересованных граждан, размещенных в сети Интернет, а также иных материалов представляет повышенный практический интерес для выявления общественно значимых социальных интересов. Ресурс искусственного интеллекта позволит не только упорядочить соответствующие интересы, соотнести их с социальными факторами, но и осуществлять прогнозирование последствий, например, в результате анализа материалов обсуждений проектов нормативных правовых актов, материалов судебной и иной правоприменительной практики.

Процесс приспособления искусственного интеллекта к нуждам граждан, обращающимся к органам публичной власти, уже не является громким заголовком и постепенно входит в отечественную практику. В 2021 г. в тестовом режиме функционировала нейросеть, определявшая по ключевым словам и речевым оборотам приоритетность рассмотрения обращений граждан⁴. Интернет-портал

⁴ В России создана нейросеть для анализа писем чиновникам // Российская газета. 2021. 2 нояб. URL: <https://rg.ru/2021/11/02/v-rossii-sozdana-nejrosetdliia-analiza-pisem-chinovnikam.html> (дата обращения: 27.06.2023).

Список источников

1. Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П. и др. Исследование социальных факторов законодательной деятельности союзных республик // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 3. С. 51-58. <https://elibrary.ru/uashef>
2. Морозова Л.А. Теория государства и права. 4-е изд. М.: Эксмо, 2010. 510 с. <https://elibrary.ru/qrptlb>

Российской газеты сообщает, что на этом ее предназначение не заканчивалось – нейросеть обобщала сообщения о сложившихся проблемах конкретного региона.

Представляется, что участие человека (носителя знаний, ценностей) как администратора процессов по выявлению общественно значимых социальных интересов является не только рациональным в силу необходимости постоянного и углубленного совершенствования цифровых технологий, но и с целью нивелирования рисков искажения интересов, злоупотребления правом. Это согласуется с тем, на что указывает Ю.А. Тихомиров, подчеркивая, что «побудительной основой (*прим. авт.* – законов, иных правовых актов) могут быть как правильно понятые социальные интересы, так и «подмена» интересов, их своего рода замена узкогрупповыми или эгоистическими интересами» [10, с. 98].

Заключение

Безусловно, рассмотренные нами вопросы являются лишь постановкой проблем, каждая из которых требует самостоятельного исследования. Процесс социального взаимодействия, отправной точкой которого является интерес, детерминирует трансформацию правового регулирования в различных сферах общественной жизни, воздействует на динамику правоотношений. Использование технологических решений не только позволяет привлекать заинтересованных лиц к подготовке проектов нормативных правовых актов, но и может в целом заменить существующие представления об обработке огромных объемов значимой для правотворческого органа информации. Социальный характер данных процессов обуславливает необходимость последующего научного дискурса и выхода на уровень правовой упорядоченности апробированных, обоснованных форм взаимодействия участников интернет-сообщества в контексте учета их интересов в правотворческой деятельности.

3. Трофимов В.В. Социально-интерактивная природа правовых интересов и их роль в формировании элементов материи права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 36-49. <https://elibrary.ru/wjtfoz>
4. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. 184 с. <https://elibrary.ru/hsjham>
5. Зорькин В.Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. № 10 (178). С. 7-16. <https://elibrary.ru/opphcl>
6. Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66-70. <https://elibrary.ru/udodrr>
7. Буров В.В., Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Использование технологий краудсорсинга в законодательной деятельности // Бизнес-информатика. 2011. № 2 (16). С. 12-19. <https://elibrary.ru/nxcwzt>
8. Белянская О.В., Чомаев А.А. Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 488-495. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495>, <https://elibrary.ru/qkiymw>
9. Сырых В.М., Зенков В.Н., Глазырин В.В. и др. Социология права. 3-е изд. М.: Юстицинформ, 2004. 458 с.
10. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с. <https://elibrary.ru/qljiwx>

References

1. Polenina S.V., Gavrilov O.A., Koldaeva N.P. et al. (1981). The study of social factors of the union republics' legislative activities. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence], no. 3, pp. 51-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uashef>
2. Morozova L.A. (2010). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and law]. Moscow, Eksmo Publ., 510 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrpitlb>
3. Trofimov V.V. (2016). The socio-interactive nature of legally protected interest and its role in the process of the formation of the elements of law matter. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, no. 2, pp. 36-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjtfoz>
4. Krasavchikov O.A. (1958). *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in Soviet Civil Law]. Moscow, 184 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hsjham>
5. Zor'kin V.D. (2011). Pravovoe budushchee Rossii [The legal future of Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 10 (178), pp. 7-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opphcl>
6. Dzidzoev R.M., Tamaev A.M. (2015). Social (public) discussion of legislative and other normative legal draft acts in the open government format. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 8, pp. 66-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/udodrr>
7. Burov V.V., Patarakin E.D., Yarmakhov B.B. (2011). Using crowdsourcing technologies in legislative activity. *Biznes-informatika = Business Informatics*, no. 2 (16), pp. 12-19. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxcwzt>
8. Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. (2022). The impact of digitalization on the process of legal activity. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 488-495. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495>, <https://elibrary.ru/qkiymw>
9. Syrykh V.M., Zenkov V.N., Glazyrin V.V. et al. (2004). *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Moscow, Justicinform Publ., 458 p. (In Russ.)
10. Tikhomirov Yu.A. (2010). *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow, Formula of Law Publ., 398 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qljiwx>

Поступила в редакцию / Received 20.07.2023

Поступила после рецензирования / Revised 13.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>

Шифр научной специальности 5.1.4

Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации

© КИСЕЛЕВ Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. Радио, 10А; старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский просп., 49, <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

© ГОРБУНОВА Ксения Анатольевна,

делопроизводитель кафедры предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, <https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>, gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

Аннотация

Цель работы состоит в выявлении основных особенностей криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку это имеет огромное значение в современном мире, так как компьютерные преступления становятся все более распространенными и угрожают безопасности информации, объектам критической инфраструктуры, личной жизни и финансов граждан, организаций и всего государства. Проанализирован терминологический аппарат, изучены классификации современных киберпреступников, определены основные подходы к совершению преступлений в сфере компьютерной информации. В исследовании были использованы следующие методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный метод, диалектический и материалистический методы, формально-юридический метод. Изучение и анализ криминалистической характеристики позволяет определить наиболее распространенные способы совершения подобных преступлений, разработать эффективные меры противодействия. Установлено, что основной сложностью при расследовании данных преступлений является сложный технологический характер и порядок их совершения. Многие преступники постоянно совершенствуют свои навыки, наиболее квалифицированные из них стараются быть осторожными, разрабатывают собственные контрмеры против правоохранительных органов, используя шифры, специальные программы удаленного доступа, чтобы максимально затруднить как сбор доказательств, так и розыскные мероприятия. Помимо прочего, сложность привлечения киберпреступников осложняется в том случае, если злоумышленники находятся в другом государстве, а на международное сотрудничество в сфере правопорядка и общественной безопасности со многими западными странами на сегодняшний день, к сожалению, рассчитывать не приходится.

Ключевые слова

киберпреступления, киберпреступность, компьютерная информация, преступления в сфере компьютерной информации, криминалистика, криминалистическая характеристика

Для цитирования

Киселев А.С., Горбунова К.А. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 370-378. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>

Crimes' forensic characteristics features in the computer information field

© **Alexander S. KISELEV**,

PhD (Law), Associate Professor of Civil Law Department, State University of Education, 10A Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation; Senior Research Scholar of Research and Expertise Center, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

© **Ksenia A. GORBUNOVA**,

Filing Clerk of Entrepreneurial Law Department, Management and Law, State University of Education, 10A Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>, gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

Abstract

The purpose of the research is to identify the main crimes' forensic characteristics features in the computer information field, inasmuch it makes a great importance in the modern world, as computer crimes are becoming more widespread and threaten the information security, critical infrastructure, personal life and citizens' finances, organizations and the entire state. The terminological apparatus is analyzed, the classifications of modern cybercriminals are studied, the main approaches to the commission of crimes in the field of computer information are determined. The following methods are used in the research: analysis and synthesis, induction and deduction, system method, dialectical and materialistic methods, formal legal method. The study and analysis of the forensic characteristics allows us to determine the most common ways of committing such crimes, to develop effective counteraction measures. It is established that the main difficulty in the investigation of these crimes is the complex technological nature and the order of their commission. Many criminals are constantly improving their skills, the most qualified of them try to be careful, develop their own countermeasures against law enforcement agencies, using ciphers, special remote access programs to make it as difficult as possible to collect evidence and search activities. Among other things, the difficulty of cybercriminals holding liable is complicated if intruders are located in another state, and unfortunately, one cannot count on international cooperation in the field of law and order and public security with many Western countries today.

Keywords

cybercrime, cybercriminality, computer information, crimes in the computer information field, forensic, forensic characteristics

For citation

Kiselev, A.S., & Gorbunova, K.A. (2023). Crimes' forensic characteristics features in the computer information field. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 370-378 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>

Введение. Постановка проблемы

Сегодня наше общество живет в период, когда человечество находится на границе новой научно-технической революции, где основными движущими силами являются достижения микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, но-

вых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т. п. Очевидно, главенствующим фактором всех этих изменений стало развитие информационных технологий, создание на их основе компьютерной техники, сетей и их активное проникновение во все сферы

человеческой жизни. К сожалению, технологический прогресс позволяет правонарушителям использовать новые информационно-коммуникационные технологии с целью совершения противоправных деяний, совершенствовать методы организации преступной деятельности. Именно поэтому при проведении криминалистической характеристика преступлений в сфере компьютерной информации следует учитывать тип личности современных киберпреступников, понимать всю цепочку преступных действий в сети Интернет, что позволит установить причинно-следственные связи, добыть электронные (цифровые) доказательства, разыскать подозреваемого и привлечь к ответственности.

В российской и зарубежной литературе сегодня появляется немало научных работ, посвященных искомой тематике, выделим некоторые из них: А.А. Файзуллина в своих трудах в целом исследует криминалистическую характеристику преступлений в условиях вызовов современного мира; работы С.А. Григорян, Ю.В. Белевитиной и Н.В. Мартыновой акцентируются вокруг личности киберпреступника, его основных психологических характеристик. Отдельно стоит отметить монографическое исследование М.В. Жижиной и Д.В. Завьяловой, посвященное особенностям расследования киберпреступлений в России и за рубежом. Иностранные исследователи Ж.Л. Рише, Ю. С. Чанг и П. Грабоски обращают особое внимание на совершенствование процессов расследования киберпреступлений, создание безопасного киберпространства [1–2]. В целом, бесспорно, что внимание отечественных и зарубежных юристов-теоретиков, криминалистов-практиков приковано к проблемным вопросам характеристики и расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Результаты исследования

1. О подходах к толкованию термина «киберпространство». Е.П. Ищенко высказывает тезис о том, что «отличительная черта нашего времени – это окончательное стирание границ и различий между реальностью и виртуальностью, между миром вещей и миром информации, между деятельностью онлайн и офлайн, между социальной средой

и киберсредой» [3, с. 377]. Вне всякого сомнения, с активным развитием информационных технологий жизнь человека претерпела колоссальные изменения.

Примечательно, что появление словосочетания «кибернетическое пространство» связано далеко не с наукой, впервые этот термин употребил в 1982 г. Уильям Гибсон в своем научно-фантастическом произведении [4, р. 30]. Под киберпространством У. Гибсоном понималась виртуальная среда, существующая внутри компьютерных сетей, с которой может взаимодействовать человек. Писатель поднимал многие социальные, психологические и философские вопросы существования человека в условиях высоких технологий, многие из которых актуальны до сих пор и изучаются научным сообществом. Несмотря на то, что в наши дни общепринятое определение киберпространства отсутствует, его, тем не менее, активно используют в юридической и криминалистической литературе как интуитивно понятное. Это произошло во многом благодаря фантастическим романам, образам в поп-культуре, и самое главное – идеям, которые активно распространялись учеными различных областей.

Например, в теории оперативно-розыскной деятельности принято рассматривать киберпространство как виртуальную среду реализации общественных отношений, которая связывает информационное и физическое пространство и образуется в результате сложных взаимодействий пользователей сети Интернет посредством информационных ресурсов.

Киберпространство – это термин, который обозначает совокупность информационных технологий, сетей и Интернета. Это виртуальное пространство, которое создается и развивается посредством инструментария информационных технологий путем взаимодействия участников этого пространства. В киберпространстве существуют различные виды информации, обмен которой между пользователями происходит в реальном времени. В киберпространстве возможно как сотрудничество, так и конкуренция между участниками, оно затрагивает все аспекты нашей жизни от экономики и политики до культуры и развлечений.

2. Об элементах криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации. По мнению А.А. Файзуллиной, «криминалистическую характеристику следует рассматривать в качестве информационной модели, представляющей описание существенных признаков противоправного деяния, важных с точки зрения его раскрытия и расследования» [5, с. 141].

Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации включает в себя следующие элементы: личность и мотивацию преступника, место, время и способ совершения преступления. Стоит обратить внимание, что одной из главных особенностей является техническая составляющая данного вида преступления.

Вполне очевидно, что личность преступника является основным элементом в криминалистической характеристике преступлений в сфере компьютерной информации. Существует некое общепринятое представление, отождествляющее киберпреступника с хакером – молодой гений в области компьютерных технологий, способный проникнуть в информационную сеть преступным путем.

Такие авторы, как С.А. Григорян, Ю.В. Белевитина, Н.В. Мартынова и многие другие представляют свои собственные классификации личности киберпреступников, в качестве критериев выделяя их опыт и навыки, технические устройства, которыми они оперируют, степень общественно опасных последствий, цели и мотивы [6–8]. Это наталкивает на мысль, что единую классификацию киберпреступников создать в принципе не представляется возможным, вполне вероятно в большей степени из-за того, что ежедневно возникают новые технологии, которые открывают возможности как обычным пользователям, так и лицам, которые могут использовать эти технологии в противоправных целях.

Изучение личности киберпреступника является актуальным ввиду значительной компьютеризации общественных отношений [9, с. 115]. По уровню навыков и умений киберпреступников разделяют на следующие группы: «с разным уровнем развития навыков в сфере информационных технологий, которые не ведут систематическую преступ-

ную деятельность; без развитых навыков в сфере информационных технологий или со средним их уровнем, которые ведут систематическую преступную деятельность, часто состоят в преступных группировках; с высоким уровнем навыков в сфере информационных технологий, которые ведут систематическую преступную деятельность» [10, с. 28].

Ученые исследуют и выделяют отдельные группы киберпреступников в зависимости от их целей и мотивов:

1) фризеры – лица, которые нацелены на незаконное получение доступа к различным информационным системам, сайтам, аккаунтам, могут выполнять чей-то заказ или заниматься взломом ради развлечения и совершенствования своих навыков;

2) кибертеррористы – одни из наиболее опасных киберпреступников, используют кибератаки для дестабилизации и повреждения объектов национальной безопасности, например, государственных организаций и критической инфраструктуры [11, с. 57];

3) крэкеры – проникают в компьютерные системы несанкционированно, используя программное обеспечение, которое позволяет им осуществлять такое вторжение [10, с. 30-31];

4) вирусмэйкеры или вредоносчики – создают вредоносные компьютерные программы, такие как вирусы, троянские программы и т. д. Они используют эти программы для получения доступа к информации или для порчи информационной системы, помимо этого могут продавать свои «продукты» другим людям в даркнете;

5) фишеры или фишингеры – занимаются мошенническими действиями с использованием электронной почты, социальных сетей и других средств коммуникации [12, с. 139]. Их цель – получить доступ к личной информации и деньгам жертв, убеждая их предоставить свои данные;

6) кардеры – осуществляют кражи финансовых данных с помощью взлома банковских систем и интернет-магазинов. Они могут получать доступ к банковским счетам, номерам кредитных карт и другим платежным данным;

7) бот-мастера – используют ботнеты (группы зараженных компьютеров) для проведения кибератак. Они могут получить дос-

туп к компьютерам других людей и использовать эти сети для распространения вредоносного ПО, атак на сайты и т. д.

Далее рассмотрим способ совершения преступления в сфере компьютерной информации. В.Б. Вехов указывает, что «под способом совершения преступления в криминалистике обычно понимают объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, который оставляет различного рода характерные следы, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления» [13, с. 12-13].

В свое время, когда компьютеры только начинали появляться и существовали обособленно, они, как правило, располагались в крупных научных, государственных и коммерческих организациях. Хакерам было не просто воздействовать на объекты, которые не имеют доступа в Интернет. Но в настоящее время преступления в сфере компьютерной информации уже вышли за пределы виртуального мира. Некоторые вирусы могут не просто воздействовать на информационные системы, а непосредственно влиять на наш материальный мир.

По мнению некоторых ученых, «компьютерный вирус Stuxnet (The Stuxnet Worm) был разработан в первом десятилетии XXI века для атаки на ядерную промышленность Ирана и представляет собой вредоносное программное обеспечение, изначально созданное для промышленных систем управления или группы аналогичных систем, используемых, например, в электростанциях или в газопроводах» [14, с. 721]. Он был обнаружен в июне 2010 г. и вызвал широкий интерес у общественности и СМИ в связи с тем, что его разработка и использование были связаны с государственными структурами США и Израиля.

Вирус Stuxnet был специально создан для внедрения в контроллеры Siemens, которые используются на ядерных заводах Ирана. Его целью было изменение режимов ра-

боты оборудования и осуществление направленных операций, что должно было привести к серьезным повреждениям или поломкам оборудования. Предполагается, что целью атаки было замедлить или остановить программу ядерной энергетики Ирана. Вирус Stuxnet был чрезвычайно сложен, требовал значительной экспертизы целей воздействия для его создания. Он использовал несколько уязвимых мест в операционной системе Windows, которые были неизвестны тогда еще разработчикам антивирусного и защитного ПО (далее – ПО). Stuxnet сыграл важную роль в истории компьютерной безопасности, так как показал, насколько сильно может быть опасен компьютерный вирус, особенно если он используется для реализации политических целей.

В целом, сложно привести исчерпывающий список способов совершения компьютерных преступлений, поскольку их содержание может включать самые разнообразные действия, в зависимости от изобретательности, технического обеспечения, мотива, интеллектуальных способностей преступника и преступной «квалификации». Некоторые из них включают:

- 1) создание вирусов и вредоносного ПО: злоумышленники могут разработать и распространять вредоносные программы, такие как вирусы, черви, трояны и шпионское ПО, которые могут захватывать контроль над компьютерами пользователей;
- 2) фишинг и социальную инженерию;
- 3) взлом сетей;
- 4) кражу личных данных;
- 5) кибершпионаж;
- 6) кибертерроризм (атаку на критическую информационную инфраструктуру или захват компьютерных систем).

С развитием технологий и Интернета появляются новые угрозы, и злоумышленники постоянно совершенствуют свои методы. Как отмечают специалисты, «к современным способам несанкционированного доступа к компьютерной информации, хранящейся на смартфоне, можно отнести, например, изготовление «искусственных» отпечатков пальцев для аутентификации в системе смартфона. Программные способы совершения преступлений в сфере компьютерной информации включают в себя как

создание, распространение и эксплуатацию вредоносного программного обеспечения, так и модификацию узаконенного ПО и даже прямое использование такого ПО в случае, если оно удовлетворяет требованиям злоумышленника и способствует реализации его замысла» [10, с. 33].

Согласно статье 273 УК РФ, вредоносные программы представляют собой компьютерную информацию или компьютерную программу, способную нелегально удалить, заблокировать, изменить или украсть цифровую информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации.

Приведем пример из судебной практики. Так, приговором Павловского районного суда (Воронежская область) установлено, что у г-н К. возник умысел, направленный на использование вредоносной компьютерной программы, заведомо предназначенной для нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

В соответствии со статьей 73 УПК РФ в процессе расследования преступлений в сфере компьютерной информации следователи были обязаны устанавливать место совершения преступления, которое, с точки зрения криминалистики, является элементом обстановки. В ходе следствия данные были получены.

На неустановленном следствием интернет-ресурсе, находясь по месту своего проживания, а далее у родителей, г-н К. скопировал из неустановленного следствием источника на свою персональную электронно-вычислительную машину файлы вредоносной компьютерной программы, предназначенной для нейтрализации средств защиты компьютерной информации¹. Данный пример наглядно отражает тот факт, что при необходимости вычислить злоумышленника, особенно неопытного, для правоохранительных органов не составляет труда. Для квалификации преступления не требуется выяснение, где и каким образом злоумышленник «скачал» вредоносное ПО.

Выяснение обстановки совершения преступления является важным звеном при рас-

следовании любого уголовного преступления, в том числе преступлений в сфере компьютерной информации, которые имеют свою специфику. Стоит отметить, что следствию бывает достаточно сложно установить место и время совершения преступления [10, с. 43]. Эти сведения крайне важны для установления причинно-следственных связей и причастности обвиняемого к совершению противоправных деяний. Это обусловлено тем, что рассматриваемый вид противоправных деяний совершается в виртуальном пространстве, в котором жертвами преступников могут стать не только обычные люди, но и целые государства. В этой связи подход определения места совершения преступления в сфере компьютерной информации является специфическим.

Если обратиться к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37, то в нем имеются разъяснения, что местом совершения киберпреступления является то, откуда преступник действовал². Так, если преступник использует сервисы VPN, то процесс установления места совершения преступления сильно осложняется. Более того, ввиду текущей международной политической обстановки, возможность передачи лиц, подозреваемых в совершении преступлений в отношении граждан нашей страны, зарубежными правоохранителями ставится под сомнение.

Процесс установления времени совершения преступления в сфере компьютерной информации также имеет свои особенности. Как отмечает В.В. Поляков, «...работа некоторых программ связана со временем, установленным на компьютере, и при желании преступник может его изменить на любое удобное ему время. Установление точного времени совершения преступления является непростой задачей, разрешение которой не всегда возможно, в том числе в связи с отсутствием его синхронизации с эталоном»

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. 2022. № 294.

¹ Приговор Павловского районного суда от 25.11.2020 № 1-40/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/KL22CmxCcxU/> (дата обращения: 20.03.2023).

[15, с. 114]. Соответственно, киберпреступления могут быть совершены в любое время суток. Киберпреступники могут оперировать как днем, так и ночью, в зависимости от своих потребностей и целей, а также технических возможностей.

3. Особенности преступлений в сфере компьютерной информации. Таким образом, на основе изученной информации мы можем выделить следующие особенности преступлений в сфере компьютерной информации.

1. Виртуальный характер. Преступления в сфере компьютерной информации совершаются в виртуальном пространстве, в котором изначально отсутствуют физические объекты.

2. В большинстве случаев требуется компьютерная экспертиза. Она включает изучение жестких дисков, сетевых протоколов, программного обеспечения и других аспектов компьютерных систем.

3. Сложность квалификации и разнообразие преступлений. Преступления в сфере компьютерной информации могут включать в себя хакерство, распространение вредоносного ПО, кибермошенничество, нарушение авторских прав и другие виды преступлений, которые предусмотрены главой 28 Уголовного кодекса РФ. Более того, киберпреступники зачастую совершают ряд противоправных деяний с помощью информационно-телекоммуникационных технологий (к примеру, с целью мошеннических действий происходит взлом баз данных), в результате чего возникают проблемы при определении состава преступления и при поиске доказательств по каждому конкретному случаю.

4. Глобальность. В отличие от традиционных преступлений, преступления в сфере компьютерной информации могут быть совершены из любой точки мира и направлены против людей, организаций и целых государств (как в случае с атакой на объекты критической инфраструктуры Ирана). Это существенным образом затрудняет розыскные действия органов следствия.

5. Специализация. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации требует наличия специализированных компетенций сотрудников правоохранительных органов. Это связано с быстрым

развитием информационных технологий и постоянно меняющимися методами совершения данного вида преступлений.

6. Электронные доказательства. В качестве доказательств в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации часто используются электронные следы (или электронно-цифровые следы), такие как записи логов, электронная почта, сетевые данные и т. д. Это требует специального подхода к их сбору, анализу и представлению в суде.

7. Профилактика. Во многом противодействие киберпреступникам сводится к превентивным действиям, к которым относятся такие меры профилактики, как обучение компьютерной грамотности, проведение информационных компаний с населением о рисках в цифровом пространстве и способах защиты от мошенников и других преступников, совершающих преступления в киберпространстве, и т. д.

Заключение

Установлено, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации представляет собой сбор информации о личности преступника, способе, месте и времени, мотивах и целях, технологиях и программах, которые использовались для совершения преступления. Особую роль играют знания и навыки следователей в сфере информационно-коммуникационных технологий, поскольку от их корректных и своевременных действий зависит весь процесс расследования.

Изучение и анализ криминалистической характеристики позволяет определить наиболее распространенные способы совершения подобных преступлений, разработать эффективные меры противодействия. Многие преступники постоянно совершенствуют свои навыки, наиболее квалифицированные из них стараются быть осторожными, разрабатывают собственные контрмеры против правоохранительных органов, используя шифры, специальные программы удаленного доступа, чтобы максимально затруднить как сбор доказательств, так и розыскные мероприятия.

В целом криминалистическая характеристика помогает оптимизировать процесс расследования и использовать практические

методы и современные средства криминалистики для раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации. Основная сложность при расследовании данных преступлений – это сложный технологический характер и порядок их совершения. Именно

выявление всех этапов и методов совершения преступлений в сфере компьютерной информации являются значимыми для проведения дальнейших научных исследований в этой сфере.

Список источников

1. *Richet J.L.* How Cybercriminal Communities Grow and Change: A study of communities Engaged in advertising fraud // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 174. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121282>
2. *Chang L.Y.C., Grabosky P.* Cybercrime and Establishing a Secure Cyberworld // *The Handbook of Security*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 321-339. https://doi.org/10.1007/978-1-349-67284-4_15
3. *Ищенко Е.П.* О технологии искусственного интеллекта в криминалистике // 30 лет юридической науки КубГАУ: сб. науч. трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. В.Д. Зеленского. Краснодар: Кубан. гос. аграрный ун-т им. И.Т. Трубилина, 2021. С. 375-380. <https://elibrary.ru/xgjjgm>
4. *Henthorne T.* William Gibson: A Literary Companion. Jefferson: McFarland & Company, 2011. 176 p.
5. *Файзуллина А.А.* К вопросу о соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «следственная ситуация» // *Инновационная наука*. 2017. № 2-2. С. 140-142. <https://elibrary.ru/xvsiqn>
6. *Григорян С.А.* Особенности личности современного «киберпреступника» // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 8 (147). С. 103-106. <https://elibrary.ru/seyfyc>
7. *Белевитина Ю.В.* Криминологический портрет личности киберпреступника в современной России // *Инновационная наука*. 2022. № 12-2. С. 61-64. <https://elibrary.ru/xcfqlv>
8. *Мартынова Н.В.* Некоторые аспекты криминологической характеристики личности киберпреступника // *Студенческий вестник*. 2022. № 17-5 (209). С. 7-10. <https://elibrary.ru/jgqysk>
9. *Сулейманов Р.Т., Атик Х.Б.* Общая характеристика личности киберпреступника // *Научный электронный журнал Меридиан*. 2021. № 4 (57). С. 114-116. <https://elibrary.ru/dbwcer>
10. *Жижина М.В., Завьялова Д.В.* Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах. М.: Проспект, 2023. 136 с. <https://elibrary.ru/oimenm>
11. *Попова С.В., Агафонова М.С., Машиш А.А.* Угрозы экономической безопасности в концепции войн шестого поколения // *Цифровая и отраслевая экономика*. 2020. № 4 (21). С. 55-63. <https://elibrary.ru/seuuiy>
12. *Могунова М.М.* Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 4 (135). С. 135-141. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10110>, <https://elibrary.ru/hfbjrg>
13. *Вехов В.Б.* Компьютерные преступления. Способы совершения, методики расследования. М.: Право и Закон, 1996. 182 с. <https://elibrary.ru/yqclwu>
14. *Клебанов Л.Р., Полубинская С.В.* Компьютерные технологии в совершении преступлений диверсионной и террористической направленности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2020. Т. 24. № 3. С. 717-734. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-717-734>, <https://elibrary.ru/isbbpl>
15. *Поляков В.В.* Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации как элемент криминалистической характеристики // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 2-1 (78). С. 114-116. <https://elibrary.ru/rapmrx>

References

1. *Richet J.L.* (2022). How Cybercriminal Communities Grow and Change: A study of communities Engaged in advertising fraud. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 174. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121282>
2. *Chang L.Y.C., Grabosky P.* (2014). Cybercrime and Establishing a Secure Cyberworld. *The Handbook of Security*. London, Palgrave Macmillan Publ., pp. 321-339. https://doi.org/10.1007/978-1-349-67284-4_15
3. *Ishchenko E.P.* (2021). About artificial intelligence technology in criminology. In: *Zelenskii V.D.* (ed.). *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarod-*

- nym uchastiem «30 let yuridicheskoi nauki KubGAU» [Collection of Scientific Papers based on Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “30 Years of Kuban State Agrarian University Legal Science”]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., pp. 375-380. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xgjggm>*
4. Henthorne T. (2011). *William Gibson: A Literary Companion*. Jefferson, McFarland & Company Publ., 176 p.
 5. Faizullina A.A. (2017). K voprosu o sootnoshenii ponyatii «kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii» i «sledstvennaya situatsiya» [On the question of the relationship between the concepts of “criminalistic characteristics of crimes” and “investigative situation”]. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, no. 2-2, pp. 140-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvsiqn>
 6. Grigoryan S.A. (2022). Osobennosti lichnosti sovremennogo «kiberprestupnika» [Personality features of a modern “cybercriminal”]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], no. 8 (147), pp. 103-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/seyfyc>
 7. Belevitina Yu.V. (2022). Criminological portrait of the personality of a cybercriminal in modern Russia. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, no. 12-2, pp. 61-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xcfqlv>
 8. Martynova N.V. (2022). Nekotorye aspekty kriminologicheskoi kharakteristiki lichnosti kiberprestupnika [Some aspects of criminological characteristics of a cybercriminal's personality]. *Studencheskii vestnik* [Student Bulletin], no. 17-5 (209), pp. 7-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jgqysk>
 9. Suleimanov R.T., Atik Kh.B. (2021). Obshchaya kharakteristika lichnosti kiberprestupnika [General characteristics of the cybercriminal's personality]. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal Meridian* [Scientific Electronic Journal Meridian], no. 4 (57), pp. 114-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dbwceer>
 10. Zhizhina M.V., Zav'yalova D.V. (2023). *Rassledovanie prestuplenii v sfere komp'yuternoï informatsii v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh* [Investigation of Crimes in the Field of Computer Information in the Russian Federation and Foreign Countries]. Moscow, Prospekt Publ., 136 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oimenm>
 11. Popova S.V., Agafonova M.S., Mashin A.A. (2020). Threats to economic security in the sixth generation wars concept. *Tsifrovaya i otraslevaya ekonomika = Digital and Industry Economy*, no. 4 (21), pp. 55-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/seuuiy>
 12. Mogunova M.M. (2020). Technology of implementation and legal regulation of illegal possession of personal banking data (phishing). *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, no. 4 (135), pp. 135-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10110>, <https://elibrary.ru/hfbjrg>
 13. Vekhov V.B. (1996). *Komp'yuternye prestupleniya. Sposoby soversheniya, metodiki rassledovaniya* [Computer Crimes. Ways of Commission, Methods of Investigation]. Moscow, Law and Legislation Publ., 182 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqclwu>
 14. Klebanov L.R., Polubinskaya S.V. (2020). Computer technologies for committing sabotage and terrorism. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, vol. 24, no. 3, pp. 717-734. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-717-734>, <https://elibrary.ru/isbbpl>
 15. Polyakov V.V. (2013). The situation of crime in the computer information sphere as a part of criminalistic characteristic. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, no. 2-1 (78), pp. 114-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rapmrx>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 23.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 18.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-379-385>

Шифр научной специальности 5.1.4

Представитель власти в уголовном праве

© ДРОЗДОВ Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», Российская Федерация, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26, <https://orcid.org/0000-0003-2712-6415>, xaab@mail.ru

Аннотация

Исследовано понятие представителя власти в уголовном праве Российской Федерации. Являясь ключевым для значительного количества преступлений, понимание его сущности, содержания, специфических признаков устраняет проблемы в процессе квалификации общественно опасных деяний. Дефиниция проанализирована с учетом сформировавшегося в России судебного толкования, содержащегося в ряде постановлений Пленумов Верховного суда РФ. Структурированы особенности, предпосылки и закономерности трансформации понятия в уголовном законодательстве с учетом метода историзма. Исследованы и обобщены различные научные подходы, в ходе которых установлены специфические отличия. Предложено авторское определение с указанием ключевых признаков, в числе которых законность исполнения обязанностей, пределы осуществления властных полномочий, порождение правовых последствий. Обоснован подход к двойственному пониманию представителя власти. В преступлениях, предусмотренных главой 30 УК РФ (против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), проявляется сущность представителя власти как функции. Для составов преступлений, регламентированных главой 32 УК РФ (против порядка управления), представитель власти определяется как должностное лицо. Понимание представителя власти как функции и как должностного лица устраняет существующие в доктрине и судебной практике противоречия, поскольку в одном случае представитель власти выступает субъектом преступления, в другом специальным потерпевшим.

Ключевые слова

должностное лицо, должностные обязанности, должностное лицо правоохранительного органа, должностное лицо контролирующего органа, властные полномочия, государственный орган, служебная зависимость, преступления против порядка управления, представитель власти

Для цитирования

Дроздов Д.Е. Представитель власти в уголовном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 379-385. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-379-385>

Representative of the authorities in criminal law

© Denis E. DROZDOV,

PhD (Law), Associate Professor of Jurisprudence Department, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, 26 Stepan Razin St., Kaluga, 248023, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2712-6415>, xaab@mail.ru

Abstract

The representative of the authorities concept in the criminal law of the Russian Federation is researched. Being key for a significant number of crimes, understanding its essence, content, and specific features eliminates problems in the process of qualifying socially dangerous acts. The definition is analyzed taking into account the judicial interpretation that has emerged in Russia, contained in a number of the Russian Federation Supreme Court Plenums' decisions. The features, prerequisites and the concept transformation patterns in criminal legislation are structured, taking into account the method of historicism. Various scientific approaches are studied and summarized, during which specific differences are established. The author's definition is proposed, indicating key features, including the legality of the performance of duties, the limits of the exercise of power, and the generation of legal consequences. The approach to the dual understanding of a representative of the authorities is substantiated. The crimes provided for in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation (against state power, the interests of public service and service in local government bodies) reveal the essence of a representative of the authorities as a function. For crimes regulated by Chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation (against the order of management), a representative of the authorities is defined as an official. Understanding a representative of the authorities as a function and as an official eliminates the contradictions existing in doctrine and judicial practice, since in one case the representative of the authorities acts as a subject of a crime, in another as a special victim.

Keywords

office holder, office duties, law enforcement official, supervisory official, authoritative powers, government agency, subordination, crime against administrative order, representative of the authorities

For citation

Drozдов, D.E. (2023). Representative of the authorities in criminal law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 379-385 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-379-385>

Введение

Эффективность уголовной политики государства складывается из результатов взаимосвязанной деятельности должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями. Сфера деятельности, легитимное наделение правами и обязанностями, разного содержания и объема, определяют специфику правового статуса, что обуславливает их видовое многообразие. В уголовно-правовых отношениях такие лица, в зависимости от роли в механизме совершения конкретного преступления, могут выступать в качестве жертвы или субъекта преступления. Оба проявления опасны для социально-значимых, охраняемых законом общественных отношений, поскольку в случае причинения вреда определенному лицу вред при-

чиняется государству в лице соответствующего государственного органа. При совершении преступления должностным лицом общественная опасность проявляется не только в наступивших негативных последствиях, находящихся в причинно-следственной связи с деянием, но и в угрозе причинения вреда государству, от имени которого действовало должностное лицо. Наиболее важными полномочиями властного характера наделены представители власти. Понятие в уголовном праве является ключевым не только для преступлений против порядка управления, но и деяний, ответственность за которые установлена главой 32 УК РФ. Его законодательная регламентация содержится в примечании к статье 318 УК РФ. Буквальный анализ нормы права позволяет выде-

лить в определении самостоятельные структурные элементы. В законе указано, что представитель власти – это должностное лицо. В первом случае правоохранительного органа, во втором – контролирующего, в третьем – иное должностное лицо, однако, обладающее специфическими полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, при условии, что полномочия основаны на положениях действующих нормативных правовых актов¹. От точного определения его сущности и признаков зависит квалификация совершенного деяния, а следовательно, законность и эффективность деятельности государственного аппарата в целом и правоохранительной системы, в частности.

На современном этапе развития уголовного права вызывают трудности и серьезные проблемы в следственной и судебной практике в определении признаков представителя власти. При этом, как отмечают отдельные ученые, судебная практика зачастую противоречива [1]. Нормами особенной части УК РФ к категории должностных лиц отнесены лица, осуществляющие функции представителя власти либо на постоянной основе, либо в определенный период времени, либо в случае наделения специальными полномочиями². Из системного анализа нормы права, содержащейся в примечании к статье 285 УК РФ, следует, что применительно к преступлениям, перечисленным в главе 30 УК РФ, представитель власти теряет свою самостоятельность как уголовно-правовое понятие и выступает как функция. Несовершенство нормативного определения основано на нарушении основного логического запрета определять понятие через подобное [2].

Такой подход часто используется в судебной практике, где неоднократно указывалось на важность определения признаков без указания на них. Вместе с тем использование примечания к статье 285 УК РФ ограничено главой 30 УК РФ, в связи с чем его распространение на другие составы преступлений противоречит требованию действующего

законодательства, не допускающего аналогии в уголовно-правовых отношениях.

Результаты исследования

Пленум Верховного суда РФ рассматривает представителя власти в призме функционального содержания (функции), уточняя и конкретизируя их через полномочия в пределах традиционного разделения власти на ветви. Иные лица также определены представителями власти при условии, что относятся к правоохранительным или контролирующим органам, обладают легитимными распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости или правомочны на принятие решений, обязательных для исполнения. Содержание функции должностного лица по специальному полномочию аналогично осуществлению функций представителя власти, исполнению организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций однократно или в промежутке времени в случае наделения полномочиями в законном порядке или изданием акта правоприменения³.

Правовая позиция Верховного суда РФ, изложенная в анализируемом постановлении, исходя из его названия и толкования пункта 1, распространяется только на две статьи УК РФ (285 и 286) и в этом случае не противоречит положениям, содержащимся в примечании к статье 318 УК РФ. Анализ постановления Пленума Верховного суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» не позволяет в должной мере выделить признаки представителя власти в преступлениях против порядка управления. В части 1 пункта 10 дублируется примечание к статье 318 УК РФ. В части 2 этого пункта указывается на необходимость определения сотрудника правоохранительного или контролирующего органа как представителя власти, что не раскрывает содержания последнего. Однако в пункте 12

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Там же.

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2009. № 12.

содержится указание на законный характер деятельности представителя власти, то есть определены признаки: исполнение должностных обязанностей в соответствии с законом и в пределах полномочий⁴. Изложенное предопределяет необходимость использования системно-структурного подхода в выявлении признаков исследуемого понятия с использованием метода историзма.

Истоки понимания представителя власти, как функции, нашли свое отражение в примечании к статье 170 УК РСФСР⁵. Однако за более чем 20 лет до его введения в действие А.Н. Трайнин выделял их в качестве особой группы должностных лиц, обоснованно указывая, что каждый представитель власти является должностным лицом. По его мнению, различия в их правовом статусе позволяли однозначно утверждать, что не все должностные лица являются представителями власти, что соответствует в полной мере современной судебной практике и научной доктрине. К последним он относил должностных лиц государственного аппарата, представляющих органы власти – депутатов, сотрудников НКВД, работников следственно-прокурорских и судебных органов и других [3, с. 308]. Схожим образом В.Д. Меньшагин относил к представителям власти должностных лиц, представляющих органы государственной власти, в том числе, которые временно выполняют функции представителя власти по поручению соответствующего органа государственной власти [4, с. 383]. Такой подход не потерял актуальности до настоящего времени и соответствует требованиям уголовного закона.

В 1969 г. В.Ф. Кириченко на основании положений действующего в то время УК РСФСР рассматривал представителя власти как функцию, которую реализует работник органа государственной власти (государственного управления), обладающий правом отдавать распоряжения или совершать служеб-

ные действия обязательные для исполнения гражданами или организациями, создающие для них права и обязанности [5, с. 416]. Им были выделены признаки, характеризующие представителя власти как лицо, обладающее властными полномочиями, в виде права или обязанности, обязательными для исполнения гражданами и организациями. В 1980 г. Б.В. Здравомыслов указывал, что представитель власти – это лицо, обладающее властными полномочиями, которые обязательны для исполнения гражданами как находящимися, так и не находящимися в его ведомственном подчинении. Было обоснованно определено, что для представителей власти характерно наделение властными полномочиями, правом совершения действий, влекущих правовые последствия и не связанность действий рамками определенного ведомства [4, с. 327], однако в более поздних исследованиях он конкретизировал вывод и отнес к лицам, осуществляющим функции представителя власти, работников государственных органов, наделенных правом (в пределах компетенции) предъявлять требования либо принимать решения, имеющие характер обязательных для гражданами и организаций. При этом выделялись три характерных черты: властность полномочий; право совершать действия и принимать решения, являющиеся обязательными для исполнения гражданами и организациями; распространение действий на участников, не находящихся в ведомственной или иной зависимости [6, с. 390]. Вместе с тем содержание и специфические признаки, характеризующие представителя власти, несмотря на то, оценивается он как лицо или функция, в его исследованиях остаются в большей мере идентичными.

Н.И. Ветров утверждал, что представители власти осуществляют функции не только федеральной государственной власти, но и субъектов РФ, а также властные полномочия органов местного самоуправления, временно или по специальному полномочию [7, с. 392], тем самым акцентируя внимание на представителе власти как лице, находящемся на определенном уровне государственной или муниципальной власти. Система построения органов государственной власти с распределением по уровням, соответствен-

⁴ См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2023 № 14 // // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2023. № 8.

⁵ См.: Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

но, предполагает разный объем правомочий представителей власти. В.И. Динека полагает, что реализация представителями власти своих полномочий, предусмотренных действующим законодательством, происходит путем вступления в правовые общественные отношения с элементами властности, где они являются субъектами, представляющими государственные интересы. Полномочия на принятие решений выходят за пределы ведомства и распространяются на неподчиненных граждан и организаций. Отличительной чертой является возможность принуждать участников общественных отношений к законопослушному поведению при помощи применения различных методов управления [8]. Представитель власти рассматривается как должностное лицо, что в полной мере соответствует требованиям действующего уголовного законодательства.

В научных исследованиях, затрагивающих преступления против порядка управления, сформировался единый подход к пониманию представителя власти как должностного лица. С.А. Яковлева определяет представителя власти в качестве должностного лица государственного органа при наличии дополнительных условий (легитимность полномочий, отсутствие подчиненности, юридическая ответственность) [9, с. 24]. Юридическая ответственность является излишним признаком, который не отражает специфические черты представителя власти, поскольку под нее в уголовном праве подпадают и иные физические лица, совершившие общественно-опасное деяние. Поскольку органы государственной власти включают в себя органы законодательной, исполнительной и судебной власти, предложение рассмотреть представителя власти как должностное лицо государственного органа является дискуссионным и требующим уточнения в силу прямого противоречия приложению в статье 318 УК РФ.

По мнению И.Е. Сулеймановой, представителем власти также признается должностное лицо. В качестве специфичных признаков выделены легитимность полномочий, конкретизированная во времени; их властный характер; отсутствие подчиненности и служебной зависимости. В частности, это

работники правоохранительных и контролирующих органов, в чем она солидарна с законодателем, а также представители общественных объединений правоохранительной направленности, исполняющие значимые для государства обязанности по поддержанию правопорядка, при наличии специального поручения [10, с. 14]. Противоречащее действующему законодательству понимание сущности исследуемой категории не основано на нормах уголовного закона, в связи с чем отнесение представителя общественного формирования, исполняющего определенные обязанности, к представителям власти допустимо только после внесения изменений в действующий УК РФ. Перечень должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов определен высшей судебной инстанцией со ссылкой на ряд федеральных законов⁶, а также широко освещен в научной доктрине.

О.П. Грибунов выделяет характерные черты представителя власти. Основываясь на положениях УК РФ, определяет пять признаков (должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа; исполнение полномочий от имени государства; их публичный и распорядительный характер; наличие профессиональной или выборной должности; допускаемая возможность отсутствия подчиненных лиц) [11, с. 100]. В целом соглашаясь с его точкой зрения, представляется неоправданным выделение таких признаков, как возможность отсутствия подчиненных по службе, что не влияет на правовую природу и содержание понятия представителя власти в уголовном праве, а следовательно, теряет значимость в процессе правоприменительной деятельности, определенной рамками уголовно-правовых отношений.

Н.К. Рудый полагает, что представитель власти – это лицо, осуществляющее законодательную, исполнительную или судебную власть, либо работники государственных, местных, надзорных или контролирующих органов при наличии законных распоряди-

⁶ См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2023 № 14 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2023. № 8.

тельных полномочий в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости или обладающих правом принятия решений, обязательных для исполнения гражданами, организациями независимо от их ведомственной подчиненности [12, с. 24]. Указание на обязательность исполнения принятых решений физическими и юридическими лицами отражает сущность деятельности представителя власти, поскольку распространяется на граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства и юридических лиц, не зависимо от форм собственности. Однако требует уточнения позиция в части видового многообразия работников, поскольку они, одновременно представляя государственные органы, могут являться работниками контрольных или надзорных органов.

Заключение

Таким образом, существование двух концептуально разных подходов к понятию

представитель власти в уголовном праве как должностного лица, и как функции при наличии уточнения устраняет противоречия в действующем законодательстве. Применительно к составам преступлений, перечисленных в главе 30 УК РФ, признаки представителя власти определяются через функции. В преступлениях, предусмотренных главой 32 УК РФ, представитель власти рассматривается как должностное лицо.

С учетом выявленных и проанализированных признаков в их взаимной связи представителями власти в преступлениях против порядка управления являются должностные лица, осуществляющие легитимные публичные полномочия в отношении физических или юридических лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, обязательные для исполнения и порождающие правовые последствия путем применения различных методов управления.

Список источников

1. Воробьева С.В., Волков И.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 206-215. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-206-215>, <https://elibrary.ru/sdrbzi>
2. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: представитель власти // Законность. 2010. № 5 (907). С. 18-22. <https://elibrary.ru/muufst>
3. Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Исаев М.М. и др. Уголовное право. 2-е изд. М., 1939. 330 с.
4. Анашкин Г.З., Ахметшин Х.М., Бородин С.В. и др. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юрид. лит., 1980. 416 с.
5. Уголовное право (Общая и особенная части) / под ред. Н.И. Загородникова. М.: Юрид. лит., 1969. 527 с.
6. Здравомыслов Б.В., Караулов В.Ф., Кладков А.В. и др. Уголовное право Российской Федерации. 2-е изд. М.: Юристъ, 2001. 550 с.
7. Уголовное право: особенная часть / под ред. Н.И. Ветрова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 527 с.
8. Динка В.И. Особенности правового положения должностного лица и представителя власти // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 46-50. <https://elibrary.ru/xsraup>
9. Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 29 с.
10. Сулейманова И.Е. Насильственные преступления против представителей власти в сфере порядка управления: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015. 204 с.
11. Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 224 с.
12. Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 39 с.

References

1. Vorob'eva S.V., Volkov I.A. (2020). Certain problems of crimes qualification related to abuse and excess of authority. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 4, no. 14, pp. 206-215. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-206-215>, <https://elibrary.ru/sdrbzi>

2. Brilliantov A.V., Yani P.S. (2010). A public officer: public authorities. *Zakonnost' = Zakonnost Journal*, no. 5 (907), pp. 18-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/muufst>
3. Gertsenzon A.A., Durmanov N.D., Isaev M.M. et al. (1939). *Ugolovnoe pravo*. [Criminal Law]. Moscow, 330 p. (In Russ.)
4. Anashkin G.Z., Akhmetshin Kh.M., Borodin S.V. et al. (1980). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, Legal Literature Publ., 416 p. (In Russ.)
5. Zagorodnikov N.I. (ed.). (1969). *Ugolovnoe pravo (Obshchaya i osobennaya chast')* [Criminal Law (General and Special Parts)]. Moscow, Legal Literature Publ., 527 p. (In Russ.)
6. Zdravomyslov B.V., Karaulov V.F., Kladkov A.V. et al. (2001). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii*. [Criminal Law of the Russian Federation]. Moscow, Yurist Publ., 550 p. (In Russ.)
7. Vetrov N.I. (ed.). (2000). *Ugolovnoe pravo: osobennaya chast'* [Criminal Law: Special Part]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 527 p. (In Russ.)
8. Dineka V.I. (2017). Features of the legal status of the official and authority. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, no. 4, pp. 46-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsraup>
9. Yakovleva S.A. (2003). *Ugolovno-pravovaya otsenka nasiliya v otnoshenii predstavatelya vlasti v svyazi s ispolneniem im dolzhnostnykh obyazannostei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal-Legal Assessment of Violence Against a Representative of the Authorities in Connection with Official Duties Performance. PhD (Law) diss. abstr.]. Kazan, 29 p. (In Russ.)
10. Suleimanova I.E. (2015). *Nasil'stvennye prestupleniya protiv predstavitelei vlasti v sfere poryadka upravleniya: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Violent Crimes Against Representative of the Authorities in the Sphere of Administrative Procedure: Criminal Law and Criminological Research. PhD (Law) diss.]. Ufa, 204 p. (In Russ.)
11. Gribunov O.P. (2003). *Ugolovnaya otvetstvennost' za primenenie nasiliya v otnoshenii predstavatelya vlasti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for the Use of Violence Against a Representative of the Authorities. PhD (Law) diss.]. St. Petersburg, 224 p. (In Russ.)
12. Rudyi N.K. (2009). *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya, posyagayushchie na sluzhebnyuyu deyatelnost' i lichnost' predstavitelei vlasti: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran SNG: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Crimes Against the Order of Management, Encroaching on the Representative of the Authorities' Official Activity and Personality: a Comparative Analysis of the Legislation of Russia and "Commonwealth of Independent States" Countries. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 39 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 17.06.2023

Поступила после рецензирования / Revised 19.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.77

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-386-394>

Шифр научной специальности 5.1.3

Проблемы определения норм материального права в охране музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности

© **ЗОЛОТОВ Геннадий Борисович**,

аспирант, преподаватель кафедры управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 55а, <https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>, zolotov1753@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена происходящей коммерциализацией и расширением пределов использования произведений искусства и других музейных предметов, а также музейных коллекций в контексте обеспечения прав и законных интересов музеев как правообладателей соответствующих объектов интеллектуальной собственности. Это предопределило изучение особенностей участия музеев в гражданских правоотношениях с учетом правового режима музейных предметов и музейных коллекций как цели настоящего исследования. В качестве задач определено установление гражданско-правового положения музея как субъекта соответствующих правоотношений, характеристика гражданского оборота музейных предметов и музейных коллекций и источников их правового регулирования, анализ практики применения норм действующего законодательства по вопросу использования музейных предметов. Теоретической основой работы послужили труды представителей цивилистической науки последних лет, предмет которых затрагивает общественные отношения, связанные с охраной музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности. Нормативную основу составили положения законодательства о культуре, музейного законодательства, законодательства об интеллектуальной собственности. Эмпирической основой выступили материалы судебных дел по спорам об использовании музейных предметов и коллекций в коммерческих целях.

Ключевые слова

интеллектуальная собственность, музейное дело, музейные предметы и коллекции, воспроизведение произведений искусства, Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации

Для цитирования

Золотов Г.Б. Проблемы определения норм материального права в охране музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 386-394. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-386-394>

Problems in determining substantive law norms to protect museum objects and collections as intellectual property

© Gennady B. ZOLOTOV,

Post-Graduate Student, Lecturer of Innovation Management and Intellectual Property Commercialization Department, Russian State Academy of Intellectual Property, 55a Miklukho Maklaya St., Moscow, 117279, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>, zolotov1753@yandex.ru

Abstract

The importance of the research is conditioned by the ongoing commercialization and expansion of masterpiece and museum objects use limits, as well as museum collections in the context of ensuring the rights and legitimate interests of museums as corresponding intellectual property objects' right holders. This predetermined the study of museums' participation peculiarities in civil legal relations taking into account the legal regime of museum objects and museum collections as the purpose of this research. The tasks include the establishment of the museum's civil legal status as a relevant legal relations subject, civil turnover characterization of museum objects and museum collections and their legal regulation sources, current legislation norms' application practice analysis on the use of museum objects. The theoretical basis of the research is provided by civilization science representatives' works of recent years, the subject of which affects public relations connected with the museum objects and museum collections protection as intellectual property objects. The normative basis is formed by the legislation provisions on culture, museum legislation, legislation on intellectual property. The empirical basis is the materials of court cases on disputes on the museum objects use and collections for commercial purposes.

Keywords

intellectual property, museum affairs, museum objects and collections, masterpieces' reproduction, State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation

For citation

Zolotov, G.B. (2023). Problems in determining substantive law norms to protect museum objects and collections as intellectual property. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 386-394 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-386-394>

Введение

Современное развитие социально-экономических отношений предопределяет разнообразие нормативно-правового регулирования в рамках отраслевого воздействия и межотраслевых взаимосвязей отдельных правовых институтов и процессов, что особенно прослеживается в сфере культуры, где основная гуманистическая просветительская направленность должна находиться в гармоничной внутренней системе с тенденциями и условиями коммерциализации объектов культуры и искусства, сохраняя должный уровень защиты прав и законных интересов учреждений культуры. Одним из традиционных социокультурных центров общества являются музеи, призванные обеспечивать и стимулировать запрос общества к первоисточникам культуры, искусства, истории, науки в контексте прошлого, настоящего и будущего. Однако это не исключает участия

музеев и их фондов в гражданском обороте, в том числе в случаях неправомерного использования в свободном доступе изображений музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в государственном и негосударственном доступе, возможности распоряжения музеями исключительным правом на произведения искусства, права на которые не перешли в общественное достояние.

Заявленная актуальность обусловила цель настоящего исследования – определить особенности участия музеев в гражданских правоотношениях с учетом правового режима музейных предметов и музейных коллекций. Это предопределило такие задачи, как установить гражданско-правовое положение музея как субъекта соответствующих правоотношений, охарактеризовать гражданский оборот музейных предметов и музейных коллекций и источники их правового регулирования, проанализировать практику

применения норм действующего законодательства по вопросу использования музейных предметов.

Заявленная тематика поднималась в отдельных работах, связанных с изучением теоретических и практических вопросов участия музеев в гражданских правоотношениях и оборота музейных предметов и коллекций [1–4]. В последнее время проблема определения правового положения музеев как субъектов исключительных прав получила развитие в работах В.Д. Бурдовой [5–7]. Несмотря на это, вопросы определения норм материального права в охране музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности требуют дополнительного и систематического изучения как с точки зрения теории права и цивилистики, так и исходя из сложившейся практики правоприменения. Особенно востребованным это представляется в условиях расширения форм и способов использования произведений культуры в новых формах посредством осмысления привычных образов, право на воспроизведение которых принадлежит музеям. Эти тенденции обусловлены коммерциализацией социально-культурных явлений и процессов, распространением использования знакомых объектов в качестве отсылок, внедрением произведений культуры в маркетинговые механизмы и цифровые технологии.

Результаты исследования

Музеи являются одной из разновидностей учреждений культуры. Эта организационно-правовая форма установлена в Федеральном законе от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и предопределяет закрепление имущества за музеем на праве оперативного управления, в отношении которого осуществляет в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества права владения, пользование и распоряжение им. Учитывая вытекающие из нормативных актов цели и задачи музеев, музей в общем виде представляет собой «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и му-

зейных коллекций»¹, что также подчеркивается в юридической науке в контексте характеристики правового статуса музеев [1].

Нормативные основы взаимоотношений музеев как организаций культуры с организациями иных областей деятельности, в том числе правомочия музеев на воспроизведение музейных предметов и музейных коллекций в коммерческой деятельности, определены в статье 53 Основ законодательства Российской Федерации о культуре².

Согласно статье 36 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» «передача прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в музеях в Российской Федерации, осуществляется музеями в порядке, установленном собственником музейных предметов и музейных коллекций»³.

Вместе с этим «производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев»⁴. Кроме того, следить за неправомерным коммерческим использованием предметов искусства наряду с музеями могут также их владельцы. Данное обстоятельство констати-

¹ О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2591.

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

³ О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2591.

⁴ Там же.

руется в юридической науке [3, с. 454; 5] и подтверждается в судебной практике⁵.

Согласно существующему музейному законодательству, музей как собственник произведения искусства имеет право разрешить использование его изображения в коммерческих целях, а автор и его наследники, обладающие исключительными правами на произведение, воплощенное в соответствующем произведении искусства, вправе разрешить или запретить использование изображения на основе норм законодательства об интеллектуальной собственности.

Характеризуя гражданский оборот музейных предметов и музейных коллекций, следует определить источники правового регулирования соответствующих правоотношений. С одной стороны, это положения и нормы законодательства о культуре, в том числе специального законодательного акта – Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»⁶, а также в отдельных случаях положения Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁷. С другой стороны – это гражданское законодательство, включая положения Гражданского кодекса РФ⁸, в том числе части четвертой, состоящего из раздела

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.06.2014 по делу № А40-28447/2013. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2591.

⁷ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»⁹.

В рекомендациях Минкультуры России о порядке использования объектов изобразительного искусства в рамках действующего законодательства об интеллектуальной собственности признается, что «нормы части четвертой ГК РФ и нормы музейного законодательства РФ регулируют различные сферы правоотношений. Судебная практика разграничивает использование произведения как объекта, включенного в состав Музейного фонда РФ, и объекта исключительных авторских прав, указывая на применимость в каждом случае различных норм права»¹⁰.

Как верно отмечается в литературе, «усиление противоречий между нормами музейного законодательства и законодательства в сфере интеллектуальной собственности, когда особо ценные произведения искусства рассматриваются и как объекты авторского права, и одновременно как музейные экспонаты, происходит на фоне предъявления музейными организациями исков о неправомерном использовании изображений музейных предметов в коммерческой деятельности со ссылкой на приоритет норм музейного законодательства» [5].

В доктрине сложилось мнение, что соглашение между музеем и третьим лицом об использовании изображений из музейной коллекции в коммерческих целях представляет собой обременение самой коллекции в случае передачи ее из одного музея в другой [4, с. 136].

В случаях передачи музейной коллекции смена собственника не требует ограничения прав музея. Это связано с тем, что до тех пор, пока музейная коллекция входит в состав музейного фонда, права музея действуют независимо от того, находится ли экземпляр коллекции в другом музее. Таким образом, право на обнародование музейных коллекций реализуется в непосредственной

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 29.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

¹⁰ О направлении Рекомендаций о порядке использования объектов изобразительного искусства в рамках действующего законодательства об интеллектуальной собственности: письмо Минкультуры России от 15.02.2019 № 472-05-07. Доступ из СПС Гарант.

связи с существующими основаниями, порядком и условиями гражданского оборота.

Например, когда музей передает произведение искусства другому музею для временного использования при организации различных выставок, то это произведение, как правило, используется на некоммерческой основе в соответствии с нормами музейного права. Договоры между музеями, а также другими лицами, которым могут быть переданы права на опубликование музейных предметов об использовании аналогов произведений искусства в коммерческих целях, предусматривают не использование самих произведений искусства, а использование аналогов.

Отдельного внимания требуют условия использования музейных предметов до и после перехода соответствующих произведений искусства в общественное достояние.

В.Д. Бурдова обоснованно отмечает, что «музеи могут быть субъектами исключительных прав в отношении произведений искусства – музейных предметов, до момента их перехода в общественное достояние и только в рамках договорных конструкций» [5]. Если исключительное право не перешло к музею, то он не может использовать изображение музейного предмета в коммерческих целях или передавать право на его использование без разрешения автора (правообладателя). В отношении произведений, перешедших в общественное достояние, музеи не обладают исключительными правами, но им принадлежат имущественные права на результаты воспроизведения музейного предмета и на любые производные произведения.

Показательным и уже хрестоматийным примером из практики по вопросу исключительных прав музеев на произведения искусства является дело по иску ФГБУК «Эрмитаж» к ИП Й. о запрете использовать в предпринимательской деятельности без соответствующего разрешения изображения картины Т. Гейнсборо «Портрет дамы в голубом (Герцогиня де Бофор)»¹¹. Ответчик использовал соответствующее произведение в своей предпринимательской деятельности путем использования картины в черно-белом ис-

полнении в качестве эмблемы дизайнерского магазина одежды ответчика как онлайн в сети Интернет, так и непосредственно в магазине. Изначально суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, что было оставлено в силе судом апелляционной инстанции. Однако Постановлением Суда по интеллектуальным правам указанные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Ставропольского края как суд первой инстанции. По итогам нового рассмотрения требования Истца были удовлетворены судом первой инстанции, решение суда первой инстанции было оставлено в силе судом апелляционной инстанции, а в последующем и судом кассационной инстанции.

При повторном рассмотрении суды уточнили правовое положение музея и особенности правового режима картины Т. Гейнсборо в условиях заявленных исковых требований.

При новом рассмотрении судами была отдельно дана оценка такому факту, как признание картины «Портрет дамы в голубом (Герцогиня де Бофор)» в качестве предмета культуры и истории, что определяет это произведение в качестве части историко-культурного наследия народов Российской Федерации и его переход в федеральную собственность в результате национализации. Особенности правового режима картины и сути заявленных требований конкретизировали применяемые нормы материального права – «поскольку предметом спора является требование о запрете коммерческого использования воспроизведения объекта из состава Музейного фонда РФ, а не о защите исключительных авторских прав, нормы об авторском праве не применимы к спорным правоотношениям»¹². Именно нормы музейного законодательства в их системной взаимосвязи были определены судами как нормы материального права, подлежащие применению, что легло в основу правовой квалификации позиции ответчика и мотивировку ее отклонения судами.

Во-первых, установление норм, подлежащих применению, исключило учет правовой позиции ответчика о нарушении исключительных прав художника – гражданина

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.03.2015 по делу № А63-18468/2012. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.05.2023).

¹² Там же.

Англии – на картину, написанную не на территории России, хранителем которой является Эрмитаж. Во-вторых, в этом же контексте судами отмечается, что ответчиком не учитывается, что право собственности, в том числе на предметы искусства, не ставится в зависимость от места происхождения (производства, создания) объекта прав, таким образом, довод ответчика не соответствует статье 1227 ГК РФ, которая устанавливает, что интеллектуальные права не зависят от права собственности на вещь. В-третьих, предоставление прав на использование третьими лицами в коммерческих целях воспроизведенных объектов, включенных в состав Музейного фонда РФ, не является государственной услугой, в связи с чем к данным правоотношениям не могут быть применены положения Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Здесь судами также отмечается, что «отсутствие утвержденного регламента заключения договоров на передачу третьим лицам прав на использование в коммерческих целях воспроизведенных объектов из состава Музейного фонда РФ не исключает реализации установленного действующим законодательством полномочия музея и не может являться основанием для произвольного использования воспроизведенных этих объектов»¹³.

Окончательный результат дела вызвал дискуссии и не получил однозначной поддержки как в науке, так и у регулятора сферы культуры.

Так, указанный подход существенно ограничивает использование изображений произведений искусства в предпринимательской деятельности, что неизбежно происходит в условиях социального спроса на эксплуатацию известных объектов как одного из проявлений постмодерна в современной культуре и обществе посредством аллюзий и расширения интертекстуальности [8–10]. Поэтому справедливым и обоснованным представляется тезис М.Ю. Козловой, Д.В. Кожемякина и О.А. Сергачевой о том, что

¹³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.03.2015 по делу № А63-18468/2012. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.05.2023).

примененное в деле Эрмитажа против Й. толкование норм материального права не признает переосмысление классических образов, что «приводит к исключению культурных объектов из естественного процесса развития культуры» [4, с. 152].

В свою очередь, Министерство культуры Российской Федерации в своих разъяснениях считает необходимым «совокупное применение положений музейного законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности к музейному предмету как к материальной ценности и как к объекту авторского права»¹⁴.

Однако данное дело не может служить полноценным прецедентом и образцом для разрешения аналогичных споров. Во-первых, следует учитывать, что в рассмотренном деле судом путем проведения экспертизы было установлено именно воспроизведение, а не переработка¹⁵. Во-вторых, судом было установлено, что картина Т. Гейнсборо «Портрет дамы в голубом (Герцогиня де Бофор)» является предметом культуры и истории, частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации, и ее переход в федеральную собственность, что также требует отдельного выяснения в спорах, которые могут возникнуть относительно распоряжения правами на произведения искусства в коммерческих целях.

Решение по делу Эрмитажа против Й. может послужить основой для теоретического осмысления пределов охраны музейных предметов и музейных коллекций в условиях цифровизации и с учетом создания дополнительных мер по охране объектов, представляющих особую ценность. В этом ключе следует обратиться к практике функционирования существующего и постоянно пополняющегося музеями Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, размещенного в сети «Интернет».

¹⁴ О направлении Рекомендаций о порядке использования объектов изобразительного искусства в рамках действующего законодательства об интеллектуальной собственности: письмо Минкультуры России от 15.02.2019 № 472-05-07. Доступ из СПС Гарант.

¹⁵ Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 12.05.2014 № А63-18468/2012. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.05.2023).

Объекты, включенные в Государственный каталог, являются общедоступными для граждан и организаций, что может способствовать музеям в распространении сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, но, одновременно с этим, может также использоваться для несанкционированного копирования и тиражирования изображений в коммерческих целях путем прямого воспроизведения.

Ведение Государственного каталога Музейного фонда РФ осуществляется Минкультуры России. Установленный правовой режим предусматривает, что обработка, хранение, использование и предоставление содержащейся в Государственном каталоге информации должны осуществляться с соблюдением требований, установленных законодательством о государственной и иной охраняемой законом тайне, законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации и законодательством в области персональных данных¹⁶. При этом сам факт включения произведения искусства в Государственный каталог обеспечивает применение способов защиты, предусмотренных и музейным законодательством, как в указанном деле Эрмитажа против Й., так и в делах о взыскании убытков в связи с неправомерным использованием в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов¹⁷.

Заключение

В правоотношениях, связанных с использованием культурных и иных произведений как объектов интеллектуальной собственности, музеи фактически являются самостоятельными субъектами, обладающими правом на воспроизведение музейных пред-

метов и коллекций. При этом, исходя из сложившейся практики правоприменения, данное право находится на стыке музейного законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности. Охрана музейных предметов и коллекций обеспечена дополнительными нормами законодательства о музейном деле, которые, исходя из правовых позиций судов, следует применять отдельно от норм авторского права. Граница допустимости заключается в установлении воспроизводства и степени переработки произведений, являющихся музейным предметом или частью музейной коллекции. Но подход, заключающийся в разграничении музейного законодательства и авторского права, сложившийся в судебной практике, не разделяется доктриной и уполномоченным регулятором сферы культуры. Однако даже в условиях системного толкования норм этих отраслей законодательства возможность использования произведений искусства и других музейных предметов как объектов интеллектуальной собственности возможна при наличии соответствующего согласия правообладателя.

Отдельного внимания заслуживает такое обстоятельство, как переход произведения в общественное достояние. Если произведение не перешло в общественное достояние, музей может стать обладателем исключительного права на произведение только на основании соответствующего договора с автором (правообладателем) произведения, а если произведение признано общественным достоянием, то, по общему правилу, произведение, перешедшее в общественное достояние, может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. Но музейные предметы и коллекции с их включением в Государственный каталог приобретают специальные формы охраны, предусмотренные музейным законодательством, нивелируя переход соответствующих объектов в состояние общественного достояния и являясь фактическим основанием для применения этих норм и их отграничения от положений авторского права. С другой стороны, само включение музейных предметов в Государственный каталог расширяет возможности и условия их

¹⁶ Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации: приказ Минкультуры России от 01.12.2017 № 2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. 09 нояб. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹⁷ См. например: Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 22.08.2019 по делу № А56-72721/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.05.2023); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2014 № 09АП-44673/14. Доступ из СПС Гарант; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.07.2022 № 13АП-13642/22 по делу № А56-94394/2021. Доступ из СПС Гарант.

займствования, правомерность которого вызывает необходимость принятия мер по ох-

ране произведений искусства как объектов интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Шамугия Н.М. Гражданская правосубъектность музеев как организаций культуры // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 2. С. 54-63. <https://elibrary.ru/kvhvaz>
2. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Вопросы охраны, защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности в музейной сфере (на примере Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3 (62). С. 207-210. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-3-207-210>, <https://elibrary.ru/orqmni>
3. Бакаева А.Г. Спорные вопросы оборота культурных ценностей как объекта интеллектуальной собственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 454-458. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-4-454-458>, <https://elibrary.ru/yfnjcx>
4. Козлова М.Ю., Кожемякин Д.В., Сергачева О.А. Квазиисключительные права на музейные объекты в цифровую эпоху // Право цифровой экономики – 2022 (18). М.: Статут, 2022. С. 129-153.
5. Бурдова В.Д. Музеи как субъекты исключительных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. 21 июля. URL: <http://ipcmagazine.ru/asp/museums-as-subjects-of-exclusive-rights?ysclid=lmgxrcme7f624234666> (дата обращения: 23.07.2023)
6. Бурдова В.Д. Дуализм правовой природы музейных прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41. № 2. С. 54-59. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14447>, <https://elibrary.ru/nvwnrp>
7. Бурдова В.Д. Воспроизведение музейных предметов в цифровой среде: NFT и вопросы права. Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. 1 Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Казань: Изд-во «Познание» Казан. инновац. ун-та, 2022. Т. 3. С. 6-12. <https://elibrary.ru/uhztpu>
8. Борзило О.С. Игра с классикой в культуре постмодерна // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 10-12. <https://elibrary.ru/zxnvhp>
9. Синельникова О.В., Глушкова А.И. Интертекстуальность как трансляция прошлого в художественной культуре постмодерна // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 139-146. <https://elibrary.ru/bfdfuv>
10. Кириллова Н.Б. Концепт постмодерна как явление культурного полифонизма // Приволжский научный вестник. 2013. № 11 (27). С. 155-162. <https://elibrary.ru/mgtbn>

Reference

1. Shamugiya N.M. (2009). Civil capacity of museums as organizations of culture. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, no. 2, pp. 54-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvhvaz>
2. Mukhametzyanova-Duggal R.M. (2021). Issues of protection, protection and commercialization of intellectual property in the museum sphere (on the example of the museum of archeology and ethnography of the Institute of Ethnological Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences). *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 11-3 (62), pp. 207-210. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-3-207-210>, <https://elibrary.ru/orqmni>
3. Bakaeva A.G. (2016). Spornye voprosy oborota kul'turnykh tsennostei kak ob'ekta intellektual'noi sobstvennosti [Disputable issues of turnover of cultural property as an object of intellectual property]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, vol. 16, no. 4, pp. 454-458. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-4-454-458>, <https://elibrary.ru/yfnjcx>
4. Kozlova M.Yu., Kozhemyakin D.V., Sergacheva O.A. (2022). Kvaziisklyuchitel'nye prava na muzeinye ob'ekty v tsifrovuyu epokhu [Quasi-exclusive rights to museum objects in the digital age]. *Pravo tsifrovoi ekonomiki – 2022 (18)* [The Law of the Digital Economy – 2022 (18)]. Moscow, Statut Publ., pp. 129-153. (In Russ.)
5. Burdova V.D. (2023). Muzei kak sub'ekty iskl'yuchitel'nykh prav [Museums as subjects of exclusive rights]. *Zhurnal Suda po intellektual'nykh pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. July 21. (In Russ.) Available at: <http://ipcmagazine.ru/asp/museums-as-subjects-of-exclusive-rights?ysclid=lmgxrcme7f624234666> (accessed: 23.07.2023)

6. Burdova V.D. (2022). Dualism of the legal nature of museum rights. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*, vol. 41, no. 2, pp. 54-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14447>, <https://elibrary.ru/nvwnrp>
7. Burdova V.D. (2022). Vosproizvedenie muzeinykh predmetov v tsifrovoi srede: NFT i voprosy prava [Reproduction of museum objects in the digital environment: NFT and legal issues]. *Sbornik nauchnykh trudov 1 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovye tekhnologii i pravo»: v 6 t.* [Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”: in 6 vols.]. Kazan, Publishing house “Poznanie” of Kazan Innovative University, vol. 3, pp. 6-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uhztpu>
8. Borzilo O.S. (2017). Playing with the classics in postmodern culture. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, no. 3 (16), pp. 10-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxnvhp>
9. Sinel'nikova O.V., Glushkova A.I. (2019). Intertextuality as the stream of the past in the artistic culture of the postmodern. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*, no. 46, pp. 139-146. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bfdfuv>
10. Kirillova N.B. (2013). The concept of postmodern as a phenomenon of cultural polyphony. *Privolzhskii nauchnyi vestnik = Volga Region Scientific Bulletin*, no. 11 (27), pp. 155-162. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rngtbn>

Поступила в редакцию / Received 11.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 18.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.778

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-395-403>

Шифр научной специальности 5.1.3

Теоретические особенности охраны материалов программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности

© ЗОЛотова Валерия Борисовна,

аспирант, и.о. декана, начальник международного центра повышения квалификации и переподготовки кадров факультета дополнительного образования, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 55а, <https://orcid.org/0009-0003-7872-2281>, v.zolotova@rgiis.ru

Аннотация

Актуальность заявленной темы обусловлена широким развитием и распространением дополнительного профессионального образования, формированием и функционированием рынка образовательных услуг, что повышает риски и угрозы неправомерного использования образовательного контента как объекта (права на ИС) интеллектуальной собственности. Цель работы заключается в выявлении и определении теоретических особенностей охраны материалов программ дополнительного профессионального образования. Определены такие задачи, как выявление базовых категорий, анализ сложившейся практики рассмотрения судебных споров, связанных с охраной образовательных материалов как объектов интеллектуальной собственности, а также определение установленных законодательством мер по охране образовательного контента программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности. Посредством изучения эмпирических данных, в первую очередь, выраженных в материалах судебной практики, предпринята попытка обобщить и систематизировать теоретические вопросы правового регулирования охраны программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности в сфере образования. Сделан вывод, что обучающие материалы подпадают под определение произведения, а с учетом их свойств, выраженных в средствах визуализации посредством, в большинстве случаев, презентаций и видеокурсов при наличии признаков самостоятельности и самодостаточности, обучающие материалы программ дополнительного профессионального образования признаются составными произведениями.

Ключевые слова

программы дополнительного профессионального образования, образовательный контент, интеллектуальная собственность, авторские права, материалы образовательной программы

Для цитирования

Золотова В.Б. Теоретические особенности охраны материалов программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 395-403. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-395-403>

Theoretical specifics of safeguarding materials from additional professional education programmes as intellectual property objects

© Valeriya B. ZOLOTOVA,

Post-Graduate Student, Acting Dean, Head of the International Centre for Professional Development and Staff Retraining of Further Education Faculty, Russian State Academy of Intellectual Property, 55a Miklukho Maklaya St., Moscow, 117279, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-7872-2281>, v.zolotova@rgiis.ru

Abstract

The importance of the topic is due to the wide advancing and dissemination of additional professional education, the development and functioning of educational services market, which increases the educational content misuse's risks and threats as an intellectual property object (IP rights). The purpose of the research is to identify and determine the theoretical features of additional professional education programs' materials' protection. Such tasks as basic categories identification, analysis of the court disputes' current practice related to educational materials protection as intellectual property objects, as well as the measures definition established by law to protect the additional professional education programs' educational content as intellectual property objects are defined. Through the study of empirical data, primarily expressed in the materials of judicial practice, an attempt is made to generalize and systematize additional professional education programs' protection legal regulation theoretical issues as intellectual property objects in the field of education. It is concluded that training materials fall under the definition of a work, and taking into account their properties expressed in the means of visualization through, in most cases, presentations and video courses with the independence signs presence and self-sufficiency, additional professional education programs training materials are recognized as composite works.

Keywords

additional professional education programs, educational content, intellectual property, copyrights, educational program materials

For citation

Zolotova, V.B. (2023). Theoretical specifics of safeguarding materials from additional professional education programmes as intellectual property objects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 395-403 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-395-403>

Введение

Интеллектуальный потенциал системы образования является движущей силой в решении инновационных задач и достижении научного прогресса в государстве. В этом контексте особое значение имеет интеллектуальная собственность в образовательных учреждениях, поскольку именно они выполняют одну из важнейших публично значимых функций – обеспечивают условия для получения определенного уровня образования, а следовательно, способствуют выработке такого производительного ресурса, как человеческий капитал. Одновременно с этим в условиях современной смены парадигмы социальной мобильности и доступности образовательных продуктов, их соци-

ально-экономической ценности на краткосрочной дистанции, включая такой аспект, как коммерциализация, и возникшей диверсификацией рынка труда, многообразии форм получения дополнительного образования, технологической доступности распространения аудиовизуальных материалов и изображений, составляющих образовательный контент, значительно повышается риск неправомерного использования материалов образовательного характера. Это требует выработки новых подходов к охране материалов программ дополнительного профессионального образования (ДПО) интеллектуальной собственности, в том числе их копирования или переработки в рамках реализации программ дополнительного образова-

ния (ДО), которые могут реализовываться более широким кругом лиц и посредством более доступной формализованной процедуры, чем это происходит в специализированных образовательных учреждениях.

Обозначенная актуальность предопределила цель настоящего исследования – выявить и определить теоретические особенности охраны материалов программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности в сфере образования, включая такие задачи, как выявление базовых категорий в контексте настоящего исследования, анализ сложившейся практики рассмотрения судебных споров, связанных с охраной образовательных материалов как объектов интеллектуальной собственности, а также определение установленных законодательством мер по охране образовательного контента программ ДПО как объектов интеллектуальной собственности.

Отдельные вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью в образовательных учреждениях, освещались в недавних научных публикациях, например, Л.Н. Борисоглебской, Я.О. Лебедевой, В.А. Диких, С.Ю. Кочерги, А.П. Чурсиной [1–4]. На диссертационном и монографическом уровне проблема правовой охраны и распоряжения правами на интеллектуальную собственность на рынке образовательных услуг находила свое отражение в исследованиях М.А. Антоновой, С.В. Матюшенко, М.В. Соломатовой [5–7]. С учетом того, что на современном этапе перед образовательными учреждениями стоит задача по поддержанию интеллектуального потенциала, повышению значимости и востребованности результатов интеллектуальной собственности, а также с учетом сохраняющихся проблем гражданско-правового регулирования в этой области ввиду цифровизации общественных отношений считаем, что изучение теоретических проблем охраны материалов программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности является востребованным и своевременным.

Результаты исследования

Прежде чем определить и рассмотреть теоретические вопросы правового регулиро-

вания охраны программ дополнительного профессионального образования как объектов интеллектуальной собственности в сфере образования, требуется остановиться на уточнении характера и перечня объектов интеллектуальной собственности образовательных учреждений, особенно высших учебных заведений. Так, в научной литературе выделяются следующие результаты интеллектуальной деятельности вузов: «образовательные продукты», объективированные в различных формах (в частности, учебные программы и учебные материалы, языковые курсы, курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки), и их учебно-методическое обеспечение (в частности, учебники, методические материалы, учебные пособия, образовательный контент); результаты инновационной деятельности вуза (в частности, научные разработки, ноу-хау); объекты, созданные с использованием информационных технологий (в частности, электронные публикации, интернет-сайты, презентации, дизайн-макеты, эскизы, 3D-модели, иллюстрации, анимации); PR- и рекламные технологии; конфиденциальная (служебная) информация вуза (в частности, личные данные сотрудников, сведения о научных разработках); услуги, не связанные с образовательной и научной деятельностью вуза (в частности, туристические, медицинские, переводческие услуги) [5, с. 8]. Обратим внимание на то, что зачастую эти объекты интеллектуальной собственности становятся ключевыми элементами в судебных решениях, выносимых по случаю споров между вузами и научно-педагогическими работниками, между студентами и образовательными учреждениями, между авторами произведений, имеющих отношение к деятельности вузов, и проч.¹

Проблемы создания и использования объектов интеллектуальной собственности

¹ См. подробнее: Решение Кировского районного суда г. Томска от 3.11.2016 по делу № 2-2803/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BEIQRaF7pb5/> (дата обращения: 02.04.2023); Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 5.06.2018 по делу № 2-1316/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tk3CSHIEJ3Uv/> (дата обращения: 02.04.2023); Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 21.08.2019 по делу № 2-2796/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AuoL2jixa56l/> (дата обращения: 02.04.2023).

образовательных учреждений высшего образования являются достаточно актуальными в настоящее время, поэтому в политике вузов крайне важным является выстраивание эффективной системы управления и продвижения объектов интеллектуальной собственности. В доктрине система управления правами на результаты интеллектуальной деятельности вуза как «синтез соответствующей организационной структуры, разработанной вузом политики в сфере использования и охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также локальных нормативных актов, определяющих функции и полномочия отдельных звеньев управляющей системы в данной сфере» [5, с. 7]. При этом сегодня коммерциализация и охрана интеллектуальной собственности выступают в качестве важнейших атрибутов в сфере интеллектуальной собственности вуза. Объект интеллектуальной собственности может иметь коммерческую значимость только при наличии подтверждения исключительных прав на его использование (патент на изобретение, полезную модель, промышленный образец, свидетельства на товарный знак и знак обслуживания, свидетельства о регистрации программы для ЭВМ или базы данных, лицензионный договор и иное) либо при наличии ноу-хау, что также рассматривается в качестве объекта правовой охраны [8, с. 39].

Считаем целесообразным в контексте нашего исследования соотнести категории «рынок образовательных услуг» и «рынок интеллектуальной собственности». Несмотря на то, что термин «образовательные услуги» исключен из законодательства об образовании, эта дефиниция сохраняет свое институциональное состояние в экономике и характеризуется в литературе как «сфера формирования спроса и предложения на образовательные услуги» [9, с. 208]. В данном случае субъектами, производящими образовательные услуги, являются все виды образовательных учреждений, а субъектами, получающими данные услуги, выступают граждане. Второе понятие определяется как «система юридических, технических и экономических отношений между покупателями и продавцами по поводу прав на использование интеллектуальной собственности,

позволяющей активизировать процессы труда, средства производства и приносить дополнительную прибыль при их применении» [10, с. 100]. Соотношение этих понятий друг с другом позволяет констатировать, что интеллектуальная собственность является неотъемлемым экономическим ресурсом на рынке образовательных услуг, способным повысить конкурентоспособность и привлекательность образовательного учреждения. Рынок образовательных услуг, в свою очередь, выступает в качестве площадки, позволяющей образовательному учреждению распоряжаться правами на интеллектуальную собственность, тем самым вовлекать ее в хозяйственный оборот, использовать с целью повышения качества имеющейся научно-исследовательской и преподавательской базы, получения прибыли.

В целом, в связи с этим, следует признать справедливым сложившееся в литературе мнение, что «объекты интеллектуальной собственности, создаваемые в образовательном учреждении, образуют его интеллектуальный капитал – элемент ресурсного портфеля образовательного центра, включающего совокупность нематериальных ресурсов, участвующих в процессах воспроизводства с целью получения дохода от создания новых благ» [11, с. 92].

Безусловно, перечень объектов интеллектуальной собственности, которые находятся в распоряжении вуза, как и любого другого образовательного учреждения, зависят, прежде всего, от самой специфики конкретного высшего образовательного учреждения, от уровня интеллектуального потенциала, имеющихся у профессорско-преподавательского состава, административных работников. Очень значимо в политике правовой охраны использования объектов интеллектуальной собственности вуза уделять внимание таким направлениям, как выработка нормативного и учебно-методического обеспечения, рекламная деятельность вуза, патентно-лицензионная деятельность, деятельность в сфере защиты конфиденциальной информации.

Основным теоретическим вопросом, вызывающим сложность принятия мер по охране программ ДПО как объектов интеллектуальной собственности на практике, является сама объективизация программ ДПО, ее

элементов в системе охраны объектов интеллектуальной собственности.

Сразу следует учитывать, что законодательство в пункте 5 статьи 1259 ГК РФ напрямую указывает, что методы, наряду с идеями, концепциями, принципами и другими объектами, авторским правом не охраняются². В контексте поставленного вопроса эта норма получила конкретизацию в пункте 80 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», где указано, что методики обучения не входят в перечень охраняемых авторским правом объектов³. То есть защита программы ДПО как комплекса идей, методик, а также принципов и концепций не допускается.

Соответственно, требуется установить структурное содержание программ ДПО, определив в нем объекты, которые обладают признаками объектов интеллектуальной собственности. Законодательством об образовании установлено, что ДПО осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ, разделяющихся на программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки. Исходя из требований, установленных Правительством РФ к организации и осуществлению образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам, в содержании первого из указанных видов программ должно быть представлено описание перечня профессиональных компетенций в рамках имеющейся квалификации, качественное изменение которых осуществляется в результате обучения, а в содержании второго – во-первых, характеристика новой квалификации и связанных с ней видов профессиональной деятельности, трудовых функций и (или) уровней квалификации, и, во-вторых, характеристика компетенций, подлежащих совершенствованию, и (или) пе-

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 29.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

³ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2019. № 7.

речь новых компетенций, формирующихся в результате освоения программы⁴.

Кроме того, структура дополнительной профессиональной программы включает цель, планируемые результаты обучения, учебный план, календарный учебный график, рабочие программы учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), организационно-педагогические условия, формы аттестации, оценочные материалы и иные компоненты⁵. Одновременно с этим установлено, что реализация программ ДПО может строиться на модульном принципе представления содержания образовательной программы и построения учебных планов, использовании различных образовательных технологий, в том числе дистанционных образовательных технологий и электронного обучения⁶.

Формализованная структура программ ДПО не лишает его авторского исключительного и уникального содержания, что, в свою очередь, требует охраны от неправомерного использования. Причем такие содержательные аспекты могут быть использованы другими лицами как в рамках других программ ДПО, так и в рамках ДО. В этом контексте программы ДПО и ДО достаточно близки по своей сущности и предназначению, в то время как программы ДО, во-первых, активно реализуются и распространяются более широким кругом субъектов, чем программы ДПО и, во-вторых, в отношении более широкого круга потенциальных обучающихся, на практике поглощающих существенную часть целевой аудитории ДПО, в том числе за счет менее формализованного подхода, чем это имеет место в программах ДПО. Причем современный рынок образовательных услуг предполагает стре-

⁴ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: приказ Министерства образования и науки РФ от 1.07.2013 № 499 (ред. от 15.11.2013) // Российская газета. 2013. № 190. 28 авг.

⁵ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁶ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: приказ Министерства образования и науки РФ от 01.07.2013 № 499 (ред. от 15.11.2013) // Российская газета. 2013. № 190. 28 авг.

мительное использование визуализированного материала, который может быть скопирован и распространен простыми техническими способами.

С учетом однородности содержательного образовательного контента программ ДПО и ДО и доступности их распространения, интересным представляется анализ практики судебных споров по охране содержания по обоим видам программ как объектов интеллектуальной собственности. Это позволит выявить предмет охраны программ ДПО, условия и границы применяемых мер.

На практике известны случаи, когда курсы полностью размещаются в открытых источниках без ограничения доступа широкого круга лиц⁷. В *подобных случаях распространено применение обеспечительных мер в виде принятия предварительных обеспечительных мер, направленных на защиту авторских и (или) смежных прав на составное (аудиовизуальное и литературное) произведение путем обязания Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора) и иных лиц прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование составного (аудиовизуального и литературного) произведения*⁸.

⁷ См. например: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.11.2020 по делу № 66-5291/2020. Доступ из СПС Гарант; Решение Московского городского суда от 06.10.2021 по делу № 3-1311/2021. Доступ из СПС Гарант; Решение Московского городского суда от 05.10.2021 по делу № 3-1259/2021. Доступ из СПС Гарант; Решение Московского городского суда от 31.08.2021 по делу № 3-1293/2021. Доступ из СПС Гарант; Решение Московского городского суда от 23.07.2020 по делу № 3-0496/2020. Доступ из СПС Гарант; Решение Московского городского суда от 29.01.2021 по делу № 3-0111/2021. Доступ из СПС Гарант.

⁸ См. например: Определение Московского городского суда от 24.11.2021 по делу № 2И-13910/2021. Доступ из СПС Гарант; Определение Московского городского суда от 24.11.2021 по делу № 2И-13906/2021. Доступ из СПС Гарант; Определение Московского городского суда от 11.10.2021 по делу № 2И-11002/2021. Доступ из СПС Гарант; Определение Московского городского суда от 06.05.2022 по делу № 2И-5846/2022. Доступ из СПС Гарант; Определение Московского городского суда от 01.11.2021 по делу № 2И-12295/2021. Доступ из СПС Гарант.

Однако указанные тенденции свойственны только при прямом копировании образовательных материалов. Ситуация осложняется в случае распространения чужих материалов, выдаваемых за свои в результате переработки. Практика показывает, что в таких случаях суды предпринимают попытки определить текстуальные и визуальные совпадения между спорными образовательными материалами, отдельно выявляя совпадающие орфографические, пунктуационные и иные ошибки, опечатки, сокращения, словесные расшифровки, написания слов с заглавной буквы, подчеркивания, выделения, авторские данные (примеры) и иные совпадающие особенности изложения текста. Подобные аспекты возможно определить только посредством назначения и проведения экспертизы, но если в каких-то случаях она возможна⁹, то при отдельных условиях, например недостаточности материалов для сравнительного анализа и высокой степени переработки, требования правообладателя об охране произведения не могут подлежать удовлетворению¹⁰.

Проведенный анализ позволил нам отметить, что программы ДПО подлежат охране как объекты интеллектуальной собственности в качестве произведений, однако мерам защиты подлежат только отдельные элементы, а именно те образовательные материалы, которые обладают свойством визуализации и не могут носить обобщающего характера, выражая концепции, идеи, методики, принципы, которые объектом авторского права не являются. Соответственно, это могут быть такие уникальные составляющие программ ДПО, как, например, слайды презентаций, видеокурсы, задания. Однако каждый из указанных элементов должен обладать необходимыми признаками для их идентификации как самостоятельного и самодостаточного произведения. В частности, в упомянутом ранее кейсе экспертная

⁹ Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 7.12.2016 по делу № 2-3486/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yyfsG94yvpHx/> (дата обращения: 02.06.2023).

¹⁰ Решение Курчатковского районного суда г. Челябинска от 13.05.2019 по делу № 2-4214/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vyi1xxOzpjY1/> (дата обращения: 02.04.2023).

организация признала, что «слайды презентации в совокупности не являются самостоятельным и самодостаточным произведением и служат наглядным материалом для устного выступления (доклада, лекции), содержание которого обеспечивает связь между текстами отдельных слайдов. Тексты слайдов в силу их краткости, тематической ограниченности и низкой смысловой и логической связанности не содержат индивидуальных признаков письменной речи автора, в связи с чем они не пригодны для решения идентификационной задачи»¹¹. Но в случае, когда слайды дословно повторяют соответствующие текстовые фрагменты первоисточника, обнаруживаются значительные по объему совпадения, повторяющиеся ошибки и особенности оформления, суды признают плагиат образовательного контента¹².

Наличие и совокупность отдельных элементов характеризуют образовательные материалы ДПО как составное произведение. При этом элементы составного произведения будут определяться как элементы одной единой системы путем установления образовательной программы в качестве их общего знаменателя.

Заключение

Обучающие материалы подпадают под определение произведения, а с учетом их свойств, выраженных в средствах визуализации посредством, в большинстве случаев, презентаций и видеокурсов, при наличии

признаков самостоятельности и самодостаточности обучающие материалы ДПО признаются составными произведениями.

Содержание программ ДПО и ДО является однородным объектом с точки зрения их охраны как объектов интеллектуальной собственности в связи с их преимущественным отождествлением при их распространении. Поэтому существующая практика охраны этих программ, а также практика рассмотрения судебных споров в отношении содержательных элементов программ ДО применима и к случаям, связанным с программами ДПО. Проведенный анализ дел по спорам о нарушении авторских прав в отношении программ ДО позволил выявить некоторые тенденции, свойственные современному состоянию дел, и отражающего условия применения материальных норм об охране авторских прав к элементам программ ДПО. Во-первых, по аналогии с материалами различных курсов, неправомерное распространение материалов программ ДПО как самостоятельных произведений может быть приостановлено в рамках принимаемых обеспечительных мер посредством обращения Роскомнадзора и иных лиц прекратить *создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование составного (аудиовизуального и литературного) произведения*. Во-вторых, основным условием признания переработки образовательного контента для его неправомерного использования как объекта интеллектуальной собственности является установление степени смешения, что на практике достигается по итогам проведения судебной экспертизы, определяющей степень самостоятельности и самодостаточности отдельных образовательных материалов.

¹¹ Решение Курчатковского районного суда г. Челябинска от 13.05.2019 по делу № 2-4214/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vyi1xxOzpjY1/> (дата обращения: 02.04.2023).

¹² Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 7.12.2016 по делу № 2-3486/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yyfsG94yvpHx/> (дата обращения: 02.04.2023).

Список источников

1. *Борисоглебская Л.Н., Лебедева Я.О.* Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности вузов в рамках взаимодействия с реальным сектором экономики // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы 21 Национ. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2022. С. 756-759. <https://elibrary.ru/mmpxtl>
2. *Диких В.А.* Оценка интеллектуальной собственности для образовательных программ с дистанционной формой обучения // Московский экономический журнал. 2020. № 2. С. 459-471. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10094>, <https://elibrary.ru/tgbdye>
3. *Кочерга С.Ю.* Перспективы механизма легализации продажи разработчиками из вузов и НИИ исключительных прав на результаты своего труда // Вестник экспертного совета. 2020. № 4 (23). С. 79-83. <https://elibrary.ru/bhjcrp>

4. Чурсина А.П. Правовые механизмы поддержки коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности вузов РФ // *Индустриальная экономика*. 2019. № 4. С. 5-7. <https://elibrary.ru/agnwyw>
5. Антонова М.А. Управление интеллектуальной собственностью на рынке образовательных услуг: на примере высшего учебного заведения: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М.: Моск. финанс.-промышл. академия, 2006. 23 с.
6. Матюшенко С.В. Философия образования: интеллектуальная собственность как педагогическое явление. Омск, 2016. 263 с.
7. Соломатова М.В. Разработка правового, организационного и экономического механизмов управления интеллектуальной собственностью технического вуза: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2007. 22 с.
8. Шульгин Д.Б., Кортков В.С. Модель системы управления интеллектуальной собственностью в вузе // *Университетское управление: практика и анализ*. 2002. № 1. С. 36-42. <https://elibrary.ru/htnkol>
9. Тряпицына А.А. Рынок образовательных услуг // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2009. № 3. С. 208-210. <https://elibrary.ru/kxicgz>
10. Балок С.И. Интеллектуальная собственность в образовании // *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2008. № 1. С. 100-102. <https://elibrary.ru/ijllmx>
11. Бобкова Е.Ю., Терехова А.А., Нелюбина Е.Г. Проблемы и перспективы развития института правового регулирования объектов интеллектуальной собственности, создаваемых в системе дополнительного профессионального образования // *Парадигма*. 2019. № 1. С. 90-95. <https://elibrary.ru/ryvhnb>

References

1. Borisoglebskaya L.N., Lebedeva Ya.O. (2022). Kommertsializatsiya rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti vuzov v ramkakh vzaimodeistviya s real'nym sektorom ekonomiki [Universities intellectual activity results' commercialization in the framework of interaction with the real sector of the economy]. In: Gerasimov V.I. (executive ed.). *Materialy 21 Natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya»* [Proceedings of the 21st National Scientific Conference with International Participation "Russia: Trends and Prospects of Development"]. Moscow, pp. 756-759. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mmpxtl>
2. Dikikh V.A. (2020). Intellectual property assessment for distance learning educational programs. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, no. 2, pp. 459-471. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10094>, <https://elibrary.ru/tgbdye>
3. Kocherga S.Yu. (2020). Prospects for the mechanism of legalizing the sale of exclusive rights to the results of their work by developers from universities and research institutes. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*, no. 4 (23), pp. 79-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bhjcrp>
4. Chursina A.P. (2019). Pravovye mekhanizmy podderzhki kommertsializatsii rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti vuzov RF [Legal mechanisms to support commercialization of intellectual activity results of higher education institutions of the Russian Federation]. *Industrial'naya ekonomika* [Industrial Economics], no. 4, pp. 5-7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/agnwyw>
5. Antonova M.A. (2006). *Upravlenie intellektual'noi sobstvennost'yu na rynke obrazovatel'nykh uslug: na primere vysshego uchebnogo zavedeniya: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk* [Intellectual Property Management in the Market of Educational Services: the Example of a Higher Educational Institution. PhD (Economics) diss. abstr.]. Moscow, Moscow Financial-Industrial Academy Publ., 23 p. (In Russ.)
6. Matyushenko S.V. (2016). *Filosofiya obrazovaniya: intellektual'naya sobstvennost' kak pedagogicheskoe yavlenie* [Philosophy of Education: Intellectual Property as a Pedagogical Phenomenon]. Omsk, 263 p. (In Russ.)
7. Solomatova M.V. (2007). *Razrabotka pravovogo, organizatsionnogo i ekonomicheskogo mekhanizmov upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu tekhnicheskogo vuza: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk* [Development of Legal, Organizational and Economic Mechanisms of Intellectual Property Management of Technical University. PhD (Economics) diss. abstr.]. Moscow, 22 p. (In Russ.)
8. Shul'gin D.B., Kortov V.S. (2002). Model' sistemy upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu v vuzе [Model of intellectual property management system in higher education institution]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = Journal University Management: Practice and Analysis*, no. 1, pp. 36-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/htnkol>
9. Tryapitsyna A.A. (2009). Educational Services Market. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestiya St. Petersburg State University of Economics*, no. 3, pp. 208-210. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kxicgz>

10. Balok S.I. (2008). Intellektual'naya sobstvennost' v obrazovanii [Intellectual property in education]. *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service], no. 1, pp. 100-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ijllmx>
11. Bobkova E.Yu., Terekhova A.A., Nelyubina E.G. (2019). Problemy i perspektivy razvitiya instituta pravovogo regulirovaniya ob"ektov intellektual'noi sobstvennosti, sozdavaemykh v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Problems and prospects of development of the institute of legal regulation of intellectual property objects created in the system of additional professional education]. *Paradigma* [Paradigm], no. 1, pp. 90-95. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ryvhnb>

Поступила в редакцию / Received 11.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 19.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.2

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-404-412>

Шифр научной специальности 5.1.3

Роль судебных решений в преодолении неопределенности нормативного регулирования увольнения за прогул

© **ЗОЛОТОРЕВ Василий Григорьевич**,

профессор кафедры теории и истории государства и права, заслуженный юрист Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 29, <https://orcid.org/0009-0007-7876-3701>, vasiliyzolotorev@yandex.ru

© **ЩЕДРИНА Юлия Владимировна**,

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 29, <https://orcid.org/0009-0001-5042-7497>, shchedrinaj@gmail.com

Аннотация

На основе текущего законодательства и судебной практики рассмотрены проблемы нормативного регулирования и позиции судов по вопросу увольнения работника по инициативе работодателя по подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации. Обоснована актуальность проведенного исследования, охарактеризована его методология (использованы такие методы исследования, как сравнительно-правовой, формально-юридический, а также анализ, синтез, системный метод). Рассмотрено определение прогула, даваемое в Трудовом кодексе Российской Федерации, выделены основные проблемы квалификации как прогул отсутствия работника на рабочем месте. Проанализированы позиции судов по вопросу, включается ли перерыв для питания и отдыха в определение времени прогула и прерывает ли данный перерыв течение непрерывного отсутствия работника на рабочем месте. Обосновано, что текущее законодательство не содержит исчерпывающего перечня причин для определения уважительности отсутствия работника на рабочем месте. На основе анализа судебной практики выделен ряд причин, которые суды признают уважительными, а также показана неоднозначность правовых позиций судов по данному вопросу. Сделан вывод, что в условиях правовой неопределенности именно суды становятся субъектом, который восполняет пробелы законодательства применительно к конкретным делам. Основные результаты исследования могут быть применены в дальнейшем в правоприменительной практике, а также при преподавании юридических дисциплин.

Ключевые слова

прогул, суд, уважительная причина, рабочее место, увольнение, работодатель, работник, Верховный суд, Конституционный суд

Для цитирования

Золоторев В.Г., Щедрина Ю.В. Роль судебных решений в преодолении неопределенности нормативного регулирования увольнения за прогул // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 404-412. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-404-412>

The role of court decisions in overcoming the uncertainty of legal regulation of dismissal for absenteeism

© Vasily G. ZOLOTOREV,

Professor of Theory and History of State and Law Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kursk State University, 29 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-7876-3701>, vasiliy.zolotorev@yandex.ru

© Julia V. SHCHEDRINA,

Dr. habil. (History), Professor of Civil Law and Process Department, Kursk State University, 29 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-5042-7497>, shchedrinaj@gmail.com

Abstract

On the basis of current legislation and judicial practice, the problems of regulatory regulation and the courts position on the issue of dismissal of an employee at the initiative of the employer under subparagraph “a” of paragraph 6 of part 1 of Chapter 81 of the Labor Code of the Russian Federation are considered. The study relevance was substantiated, its methodology was characterized (such research methods as comparative legal, formal legal, as well as analysis, synthesis, system method were used). The definition of absenteeism given in the Labor Code of the Russian Federation is considered, the main problems of qualification as absenteeism of the absence of an employee in the workplace are highlighted. The courts positions are analyzed on the issue of whether a break for meals and rest is included in the definition of absenteeism and whether this break interrupts the continuous absence of the employee from the workplace. It is substantiated that the current legislation does not contain an exhaustive list of reasons for determining the validity of an employee’s absence from the workplace. Based on the analysis of judicial practice, a number of reasons are identified that the courts recognize as valid, and the ambiguity of the legal positions of the courts on this issue is also shown. It is concluded that in conditions of legal uncertainty, it is the courts that become the subject that fills in the gaps in the legislation in relation to specific cases. The main results of the study can be applied in the future in law enforcement practice, as well as in the teaching of legal disciplines.

Keywords

absenteeism, court, admissible reason, workplace, dismissal, employer, employee, Supreme Court, Constitutional Court

For citation

Zolotorev, V.G., & Shchedrina, J.V. (2023). The role of court decisions in overcoming the uncertainty of legal regulation of dismissal for absenteeism. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 404-412 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-404-412>

Введение. Постановка проблемы

Конституция Российской Федерации в статье 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и объявляет соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства.

В целях реализации данной нормы Основной закон устанавливает ряд основополагающих принципов в сфере труда, в том числе защиту от безработицы (статья 37), что гарантируется, например, отнесением к ведению Российской Федерации установления порядка расторжения трудовых договоров, а также закреплением в статье 77 Тру-

дового кодекса Российской Федерации общих оснований прекращения трудового договора. В их число входит и увольнение работника по инициативе работодателя.

Одним из самых проблематичных оснований увольнения по статье 81 ТК РФ на практике является увольнение за прогул, что обусловливается пробельностью отечественного законодательства в части определения прогула, нормативного закрепления уважительных причин отсутствия работника на рабочем месте и т. д. (Изучение отдельных аспектов увольнения за прогул см.: [1–5]). При этом, как правило, страдает работник,

как наиболее слабая сторона трудовых отношений. Однако в вопросах увольнения за прогул важно соблюдение баланса интересов как работника, так и работодателя, поскольку злоупотребление правом позволяет себе каждая сторона трудовых отношений.

В условиях правовой неопределенности именно суды становятся субъектом, который восполняет пробелы законодательства применительно к конкретным делам. Поэтому изучение правовых позиций судов по вопросам увольнения за прогул представляется актуальным для современной науки и практики.

При написании статьи использовались такие методы исследования, как сравнительно-правовой, формально-юридический, а также анализ, синтез, системный метод.

Результаты исследования

Как уже отмечалось нами выше, применение законодательства о прогуле в связи с его пробельностью порождает проблемы при реализации на практике.

Так, устанавливая определение прогула, законодатель выделяет два критерия, при одновременном наличии которых работника можно уволить по подпункту «а» пункта б части 1 статьи 81 ТК РФ:

1) отсутствие на рабочем месте более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены) или в течение всего рабочего дня (смены) независимо от его (ее) продолжительности;

2) отсутствие уважительных причин для неявки на работу.

Несмотря на то, что законодатель предельно четко обозначил временной период, позволяющий работодателю квалифицировать отсутствие работника на рабочем месте как прогул, на практике неоднократно возникают проблемы с применением данной нормы. Связаны они с тем, что на ряде предприятий ровно через четыре часа (или меньше) с начала рабочей смены установлен перерыв для отдыха и питания (который, согласно статье 108 ТК РФ, в рабочее время не включается).

Например, режим работы сотрудника – с 9.00 до 18.00, перерыв для отдыха и питания – с 13.00 до 14.00. Сотрудник появляется на рабочем месте в 14.01. Возможно ли его уволить за прогул, поскольку он отсутствовал на рабочем месте 5 часов 1 минуту? Или,

поскольку перерыв в рабочее время не включается, следует считать, что сотрудник отсутствовал на рабочем месте ровно четыре часа?

В настоящее время судебная практика практически единодушна в том, что перерыв в определении времени прогула не включается¹, однако и течения непрерывного отсутствия работника на работе не прерывает². Соответственно, в приведенном нами примере сотрудник может быть уволен за прогул, поскольку отсутствовал на рабочем месте 4 час 1 мин.

Однако встречается и иная позиция судов. Так, СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда в своем решении от 24 апреля 2020 г. указала, что суммировать время отсутствия на рабочем месте до перерыва и после нельзя, а, соответственно, увольнение за прогул в случае, когда работник отсутствовал до обеденного перерыва 1 час 30 мин., и после перерыва – ровно 4 часа, является незаконным.

Ряд судов в своих решениях прямо отмечают, что закрепление в Правилах внутреннего трудового распорядка перерыва после 3,5 или 4 часов работы лишает работодателя возможности «применить меру дисциплинарной ответственности в виде увольнения работника за появление на работе после окончания перерыва»³.

¹ Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2019 по делу № 8Г-1109/2019[88-1098/2019]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 01.02.2021 по делу № 33-87/2021. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда от 30.06.2021 по делу № 33-4790/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

² Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 28.01.2020 по делу № 33-1949/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.06.2020 по делу № 8Г-11559/2020[88-12394/2020].

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Нижегородского областного суда от 19.12.2017 по делу № 33-15282/2017. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант. См. также: Определение Ленинградского областного суда от 16.01.2013 № 33-188/2013. Документ опубликован не

В связи с обозначенной проблемой считаем целесообразным внести изменения в подпункт «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ, дополнив соответствующий подпункт: «перерыв для отдыха и питания не включается в определение времени прогула и не прерывает течение непрерывного отсутствия работника на рабочем месте».

Также законодательство не устанавливает перечень причин, которые могут быть признаны уважительными (см. об этом также: [6]), что, по мнению Роструда, возлагает на работодателя обязанность в каждом конкретном случае устанавливать, «является ли «уважительной» причина отсутствия работника на рабочем месте»⁴. Соответственно, в каждом конкретном случае работодателю необходимо провести тщательное расследование (см.: [7, с. 332]).

Вместе с тем Конституционный суд РФ неоднократно отмечал, что «решение работодателя о признании конкретной причины отсутствия работника на работе неуважительной и, как следствие, увольнение его за прогул может быть проверено в судебном порядке»⁵. Зачастую именно суды оконча-

тельно принимают решение об уважительности причин отсутствия работника на рабочем месте.

Так, Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержденном Президиумом Верховного суда РФ 9 декабря 2020 г., к числу уважительных причин относит:

1) отсутствие работника на стационарном рабочем месте по адресу нахождения работодателя, когда работник по согласованию с работодателем выполнял свои трудовые обязанности дистанционно (даже если условие о дистанционной работе не было включено в трудовой договор) (пункт 12);

2) нахождение работника в отпуске без сохранения заработной платы по семейным обстоятельствам, если работодатель ранее согласовал с работником предоставление данного отпуска, однако не издал соответствующего приказа (пункт 14);

3) использование отпуска без сохранения заработной платы в связи с рождением ребенка работником, подавшим работодателю письменное заявление о предоставлении такого отпуска, если работодатель в нарушение предусмотренной законом обязанности отказал в его предоставлении или не оформил работнику данный отпуск в соответствии с поданным заявлением, так как право работника реализовать указанный отпуск не зависит от усмотрения работодателя (пункт 13).

И. работал в государственном учреждении – училище олимпийского резерва в должности начальника административно-хозяйственного отдела.

Приказом работодателя И. был уволен с работы за совершенный им прогул с 25 по 27 июля 2017 г. по подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ.

Не согласившись с увольнением, И. обратился в суд с иском о восстановлении на работе, ссылаясь на то, что он в указанные дни отсутствовал на работе по уважительным причинам.

24 июля 2017 г. он подал заявление работодателю о предоставлении ему отпуска в связи с рождением ребенка, которое было принято работодателем и подписано от его имени исполняющим обязанности руково-

был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 06.09.2018 по делу № 33-5541/2018. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

⁴ Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 4.12.2020 № ПГ/56975-6-1 // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: акты и комментарии для бухгалтера. 2021. № 1.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ем Юлии Григорьевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 23.06.2015 № 1243-О. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 10.03.2023). См. также: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Зайцева Александра Леонтьевича и Зайцевой Татьяны Петровны на нарушение их конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81, частью первой статьи 128, частью первой статьи 170 Трудового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 19.02.2009 № 75-О-О. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Титоренко Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 26.01.2017 № 33-О. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 10.03.2023)

дителя училища, а также считая, что работодатель обязан был предоставить ему отпуск в указанные дни.

Суды первой и апелляционной инстанции И. в иске о восстановлении на работе отказали, указав, что соглашение между И. и работодателем о предоставлении ему отпуска без содержания в связи с рождением ребенка достигнуто не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ от 22 апреля 2019 г. судебные постановления нижестоящих судов отменила, указав на неправильное применение норм материального права и с нарушением норм процессуального права⁶.

В соответствии с частью 2 статьи 128 ТК РФ определены случаи, когда работодатель обязан на основании письменного заявления работника предоставить отпуск без сохранения заработной платы (в частности, в случаях рождения ребенка, регистрации брака, смерти близких родственников) до 5 календарных дней, а также другим категориям граждан, указанных в этой норме в зависимости от льготной категории.

В подпункте «д» пункта 39 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 разъяснено, в частности, что не является прогулом использование работником дней отдыха, в случае, если работодатель в нарушение предусмотренной законом обязанности отказал в их предоставлении, и время использования работником таких дней не зависело от усмотрения работодателя⁷.

Поэтому использование И. отпуска в связи с рождением ребенка, даже если работодатель не оформил данный отпуск или отказал в его предоставлении, не может рассматриваться как прогул. При указанных обстоятельствах признать увольнение И. законным нет оснований.

К числу уважительных причин отсутствия работника на рабочем месте суды также относят:

⁶ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 22.04.2019 № 5-КГ19-21. Доступ из СПС Гарант.

⁷ О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2 // Российская газета. 2004. 8 апр. № 72.

1) обращение работника за оказанием его близким родственникам медицинской помощи.

Так, гражданка Б. работала в отделении почтовой связи в должности оператора связи.

Приказом работодателя за совершенный ею прогул в период 16 февраля с 20 часов и до 20 часов 17 февраля 2018 г. она была уволена с работы по подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ, то есть за прогул без уважительной причины.

Б., не согласившись с увольнением, обратилась в суд о восстановлении на работе, ссылаясь на то, что она с сестрой и несовершеннолетним племянником проживают одной семьей, ведут общее хозяйство. Сестра находилась на стационарном лечении с диагнозом «Инсульт».

16 февраля 2018 г. ее несовершеннолетний племянник получил серьезную травму, и она вынуждена в ее рабочую смену с ним находиться в больнице.

О случившемся она поставила в известность работодателя, и по ее просьбе другой сотрудник исполнял ее обязанности на работе. Считает, что она отсутствовала на работе по уважительной причине.

Суды первой и апелляционной инстанции в иске о восстановлении на работе Б. отказали.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ от 1 июля 2019 г. судебные постановления нижестоящих судов отменила, указав: при принятии решения об отказе в иске суды не учли тяжесть проступка, при которых он был совершен и вызван уважительной причиной, ее отношение к труду, предшествующее ее поведение, несоблюдение этих требований закона дает основание для признания увольнения с работы Б. незаконным⁸;

2) болезнь самого работника. Документом, подтверждающим данный факт, высту-

⁸ См. также: Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2020 по делу № 8Г-3996/2019[88-2186/2020-(88-4093/2019)]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 18.10.2018 по делу № 33-45651/2018. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

пает листок временной нетрудоспособности. Помимо этого, суды указывают, что документальным подтверждением факта обращения работника за медицинской помощью могут также служить справка о прохождении медицинского обследования, свидетельские показания, выписка из медицинской карты и т. д.⁹

Впрочем, в судах отсутствует единство подхода по вопросу о том, могут ли иные документы кроме листка временной нетрудоспособности удостоверить болезнь работника. Так, Президиум Санкт-Петербургского городского суда в своем постановлении от 8 мая 2018 г. указал: «справка лечебного учреждения не является освобождением от труда, лист нетрудоспособности истцу не выдавался, в связи с чем суды обоснованно пришли к выводу об отсутствии в деле доказательств уважительности у М. причин отсутствия на работе в течение полного рабочего дня» (см. также: [8])¹⁰.

Признавая болезнь уважительной причиной для отсутствия на рабочем месте, суды зачастую связывают предьявление больничного с добросовестностью работника. Так СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции указала: в случае ненадлежащего оформления листка временной нетрудоспособности при добросовестном поведении работника, увольнение за прогул недопустимо¹¹.

Вместе с тем, руководствуясь пунктом 27 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2, суды признают злоупотребление правом ситуации, когда работник хотя и действительно болел, но

⁹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Дагестан от 13.04.2018 по делу № 33-1596/2018. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда от 21.03.2019 по делу № 33-4140/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹⁰ Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 8.05.2018 44г-71/2018. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/61645/ (дата обращения: 03.02.2023).

¹¹ Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 по делу № 8Г-1091/2021[88-2556/2021]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

больничный при увольнении работодателю не представил и о причине отсутствия на работе не уведомил. В таком случае суды отказывают в удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе¹²;

3) транспортные проблемы (поломка транспортного средства, пробки, отсутствие билетов на поезд, самолет и т. д.), плохие погодные условия¹³;

4) привлечение работника в качестве лица, участвующего в деле¹⁴;

5) вызов работника в органы внутренних дел¹⁵ и т. д.

Следует согласиться с авторами, утверждающими, что в случае несоблюдения процедуры увольнения за прогул, увольнение может быть признано незаконным [9, с. 92].

Сама процедура увольнения детально прописана в ТК РФ, хотя и встречаются определенные пробелы. Поскольку увольнение за прогул выступает в качестве вида дисциплинарного взыскания за совершенный проступок, то должны применяться нормы не

¹² Определение Ленинградского областного суда от 12.01.2012 № 33-64/2012. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 6.03.2012 № 33-7091. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹³ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 30.03.2012 № 69-В12-1. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Тыва от 05.06.2013 по делу № 33-462/2013. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 12.08.2019 № 5-КГ19-98. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 16.03.2020 № 26-КГ19-13. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 по делу № 8Г-21629/2022[88-20831/2022]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹⁴ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 28.11.2018 по делу № 33-51716/2018. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Кемеровского областного суда от 08.06.2021 по делу № 33-5040/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹⁵ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 30.04.2010 № 6-В10-1. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

только статьи 84.1 ТК РФ, но и статьи 193 ТК РФ.

На практике при разрешении трудовых споров возникают вопросы, требующие правильного толкования и применения закона.

До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение по совершенному им проступку. Если в течение двух рабочих дней работником объяснение не предоставлено, то составляется соответствующий акт. Неистребование же объяснений ведет к тому, что суды признают увольнение незаконным¹⁶. Увольнение может быть признано незаконным и в том случае, если работника увольняют до истечения двух дней, данных на написание объяснений (см. об этом также: [10, с. 341]).

При этом, настаивая на письменной форме объяснения работника, ТК не требует того же для запроса работодателя, на что неоднократно обращали внимание и суды¹⁷. Между тем, во избежание возможных трудовых споров, суды рекомендуют работодателю затребовать объяснения также в письменной форме¹⁸.

Приказ работодателя о применении дисциплинарного взыскания объявляется работнику под роспись в течение трех рабочих дней со дня его издания, не считая времени отсутствия работника на работе по уважительной причине. В случае отказа работника от ознакомления с приказом под роспись составляется соответствующий акт.

Еще одним нарушением, которое иногда не учитывается при разрешении трудовых споров, является несоблюдение сроков для

применения к работнику дисциплинарных взысканий.

Так, К. работал в акционерном обществе по специальности механизатора.

10 сентября 2018 г. он был отпущен непосредственным руководителем в счет отпуска без сохранения заработной платы на футбольный матч, организованный профсоюзной организацией акционерного общества.

Приказом работодателя от 07 декабря 2018 г. трудовой договор с К. был расторгнут по подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ за прогул без уважительных причин 10 сентября 2018 г. более четырех часов подряд в течение рабочей смены.

Не согласившись с увольнением, К. обратился в суд с иском о восстановлении на работе, ссылаясь на то, что прогула не совершал, а был отпущен с работы непосредственно руководителем. Суды первой и апелляционной инстанции в иске отказали.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ своим решением от 24 августа 2020 г. судебные акты нижестоящих судов отменила и указала на ряд допущенных нарушений закона.

В соответствии с подпунктом «б» пункта 34 Постановления Пленума Верховного суда от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока, считается день, когда лицу, которому по работе подчинен работник, стало известно о совершенном проступке, независимо от того, наделено ли оно правом положения дисциплинарного взыскания.

В соответствии с подпунктом 3 пункта 4 статьи 193 ТК РФ дисциплинарное взыскание может быть применено к работнику не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни работника и пребывания в отпуске и не позднее шести месяцев со дня совершения проступка.

В данном случае мы видим, что работник отсутствовал на работе с разрешения непосредственного руководителя, то есть его отсутствие нельзя признать прогулом. Также он был уволен с работы по истечении

¹⁶ См., напр.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 17.02.2021 по делу № 33-2684/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹⁷ Пункт 2 Обзора апелляционной и кассационной практики Верховного суда Республики Тыва по гражданским делам за 2017 г. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 24.01.2013 по делу № 33-702/2013. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

¹⁸ Определение Седьмого КСОЮ от 11.10.2022 № 8Г-14752/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 17.05.2022 № 33-1148/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

месяца со дня обнаружения проступка и более шести месяцев со дня его совершения. По этим основаниям считать увольнение К. законным нет оснований¹⁹.

Заключение

Итак, увольнение работника по подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ вызывает на практике множество проблем в связи с пробельностью в отечественном законодательстве. В сложившейся си-

туации именно суды, исследуя обстоятельства дела в совокупности, становятся субъектом, который восполняет указанные пробелы применительно к конкретным делам. Однако в настоящее время в связи с тем, что де-юре судебная практика не является источником права в Российской Федерации, отсутствуют единые подходы по множеству вопросов, в частности: что же является уважительной причиной отсутствия работника на рабочем месте; прерывает ли перерыв для отдыха и питания течение непрерывного отсутствия работника на рабочем месте и т. д.

¹⁹ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 24.08.2020 № 18-КГ20-37. Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

Список источников

1. Гусакова Ю.С., Кузьминых И.В. Правовые последствия расторжения трудового договора за прогул // Уральский научный вестник. 2022. Т. 6. № 1. С. 42-46. <https://elibrary.ru/qjfkbo>
2. Дудик С.А. Установление факта «уважительная причина» при совершении работником прогула // Современные проблемы юридической науки: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Челябинск: Изд. центр Южн.-Урал. гос. ун-та, 2021. С. 143-145. <https://elibrary.ru/efgoed>
3. Мартиросян А.А. Научные и фундаментальные понятия расторжения трудового договора за прогул // IV Международный форум цивилистов: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ИП «Беспамятов Сергей Владимирович», 2021. С. 663-667. <https://elibrary.ru/oydirr>
4. Никерина Т.А. Прогул как дисциплинарный проступок // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2019. Сб. науч. тр. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 302-305. <https://elibrary.ru/zokjax>
5. Шапортов Д.А. Правомерность увольнения работника за прогул при несвоевременном закрытии больничного // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 167-170. <https://elibrary.ru/pswerw>
6. Яценко А.О., Гусева Е.Г., Рустемова К.А. Прогул как одно из оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя: теоретические и практические аспекты // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 5 (21). С. 864-870. <https://elibrary.ru/xryust>
7. Гавышева А.И. Некоторые аспекты рассмотрения трудовых споров в современных экономических условиях // Экономическая безопасность и права человека в контексте гражданского и арбитражного судопроизводства: сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. Махачкала: Изд-во ИП «Овчинников Михаил Артурович», 2021. С. 331-335. https://doi.org/10.33580/9785001289388_331, <https://elibrary.ru/rnvuwc>
8. Безина А.К., Вайман А.Б. Некоторые вопросы судебной практики, связанные с увольнением и сокращением работников // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 2 (10). С. 100-112. <https://elibrary.ru/cecjuh>
9. Чернышева Л.А. Увольнение за прогул: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 3 (69). С. 88-98. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_3_88, <https://elibrary.ru/bduarf>
10. Емельянова С.А. Актуальные проблемы увольнения работника по инициативе работодателя // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 338-347. <https://elibrary.ru/sjkoga>

References

1. Gusakova Yu.S., Kuz'minykh I.V. (2022). Pravovye posledstviya rastorzeniya trudovogo dogovora za progul [Legal consequences of termination of an employment contract for absenteeism]. *Ural'skii nauchnyi vestnik* [Ural Scientific Bulletin], vol. 6, no. 1, pp. 42-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qjfkbo>
2. Dudik S.A. (2021). Ustanovlenie fakta «uvazhitel'naya prichina» pri sovershenii rabotnikom progula [Establishing the fact of “admissible reason” when an employee commits absenteeism]. *Materialy 17 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh issledovatelei «Sovremennye problemy yuridicheskoi nauki»* [Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference of Young Re-

- searchers “Modern Problems of Legal Science”]. Chelyabinsk, Publishing Center of the South Ural State University, pp. 143-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/efgoed>
3. Martirosyan A.A. (2021). Scientific and fundamental concepts of termination of an employment contract for absenteeism. *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «4 Mezhdunarodnyi forum tsivilistov»* [Proceedings of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference “4th International Forum of Civilists”]. Rostov-on-Don, Sole Proprietorships “Bespamyatnov Sergei Vladimirovich” Publ., pp. 663-667. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oydirr>
 4. Nikerina T.A. (2019). Progul kak distsiplinarnyi prostupok [Absence as a disciplinary offense]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam 6 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2019»* [Proceedings of Scientific Papers Based on Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Science and Practice: Gatchina Readings-2019”]. Gatchina, State Institute of Economy, Finance, Rights and Technologies Publ., pp. 302-305. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zokjax>
 5. Shaportov D.A. (2021). Legality of dismissal of employee for unexcused absence in case of untimely closure of a sick leave. *Altayskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, no. 1 (33), pp. 167-170. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pswerw>
 6. Yatsenko A.O., Guseva E.G., Rustemova K.A. (2018). Progul kak odno iz osnovanii rastorzheniya trudovogo dogovora po initsiative rabotodatelia: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Absenteeism as one of the grounds for termination of an employment contract at the initiative of the employer: theoretical and practical aspects]. *Alleya nauki* [Alley of Science], vol. 7, no. 5 (21), pp. 864-870. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xryust>
 7. Gavysheva A.I. (2021). Nekotorye aspekty rassmotreniya trudovykh sporov v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Some aspects of consideration of labor disputes in modern economic conditions]. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ekonomicheskaya bezopasnost' i prava cheloveka v kontekste grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Economic Security and Human Rights in the Context of Civil and Arbitration Proceedings”]. Makhachkala, Sole Proprietorships “Ovchinnikov Mikhail Arturovich” Publ., pp. 331-335. (In Russ.) https://doi.org/10.33580/9785001289388_331, <https://elibrary.ru/rnvuw>
 8. Bezina A.K., Vaiman A.B. (2020). Some issues of judicial practice related to dismissal and layoffs. *Tsivilistika: pravo i protsess* [Civil Law: Law and Process], no. 2 (10), pp. 100-112. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ceejuh>
 9. Chernysheva L.A. (2022). Dismissal for missing work: problems of theory and practice. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, no. 3 (69), pp. 88-98. (In Russ.) https://doi.org/10.35231/18136230_2022_3_88, <https://elibrary.ru/bduarf>
 10. Emel'yanova S.A. (2022). Actual problems of dismissal of an employee at the initiative of the employer. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, no. 21, pp. 338-347. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjkoga>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 14.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.215

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-413-421>

Шифр научной специальности 5.1.3

Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации

© **КРАВЧЕНКО Наталья Владимировна**,

преподаватель кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

© **ТРУФАНОВА Александра Юрьевна**,

юрист, ООО АФ «Реут», Российская Федерация, 307048, Курская обл., Медвенский р-н, с. Верхний Реутец, ул. Домики, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

Аннотация

Актуальность данной темы обусловлена тем, что развитие медицинской инженерии достигло того уровня, когда есть возможность создать орган-прототип с помощью технологии 3D-биопринтинга. Цель настоящего исследования – провести правовой анализ реализации данной процедуры в Российской Федерации и определить пути урегулирования имеющихся противоречий. На сегодняшний день мы еще не говорим о серийном производстве биомедицинских имплантатов, вместе с тем, понимая значение 3D-биопринтинга в будущем регенеративной медицины, считаем необходимым развивать законодательное регулирование этого направления деятельности. Методологию составляют диалектический, структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ и синтез. В рамках исследования были проанализированы правовая структура правоотношений в сфере создания органов и тканей путем использования функций 3D-биопринтера, исследованы регулирование гражданского оборота напечатанных органов и тканей и проблемно-правовые аспекты практического применения технологии 3D-биопринтинга, включая связь между достижением цели создания биологических клеток и дальнейшую их трансплантацию в организм человека. Отмечено, что правовые вопросы реализации трансплантации созданных органов и тканей при технологии биопринтинга остаются неурегулированными. Их решение видится в комплексном изменении действующего законодательства, регулирующего применение процедуры 3D-биопринтинга и дальнейший оборот изделий, созданных с ее помощью.

Ключевые слова

биопринтинг, биопечать, 3D-печать, печать органов, медицинские технологии, медицина

Для цитирования

Кравченко Н.В., Труфанова А.Ю. Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 413-421. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-413-421>

Legal regulation of the bioprinting process: problems and development prospects in the Russian Federation

© Natalia V. KRAVCHENKO,

Lecturer of Civil Law Department, Southwestern State University, 94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

© Aleksandra Y. TRUFANOVA,

Lawyer, LLC Farming Firm “Reut”, Domiki St., Upper Reutets Village, Medvensky District, Kursk Region, 307048, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

Abstract

The relevance of this topic is due to the fact that the development of medical engineering has reached a level where it is possible to create a prototype organ using 3D bioprinting technology. The purpose of this study is to conduct a legal analysis of the implementation of this procedure in the Russian Federation and determine ways to resolve the existing contradictions. To date, we are not yet talking about the mass production of biomedical implants, however, understanding the importance of 3D bioprinting in the future of regenerative medicine, we consider it necessary to develop legislative regulation of this area of activity. The methodology consists of dialectical, structural, formal legal and comparative legal methods, analysis and synthesis. As part of the study, the legal structure of legal relations in the field of creating organs and tissues by using the functions of a 3D bioprinter was analyzed; their subsequent transplantation into the human body. It is noted that the legal issues of the implementation of transplantation of created organs and tissues using bioprinting technology remain unresolved. Their solution is seen in a comprehensive change in the current legislation governing the 3D bioprinting procedure use and the further products circulation created with its help.

Keywords

bioprinting, printing, 3D printing, organ printing, medical technology, medicine

For citation

Kravchenko, N.V., & Trufanova, A.Y. (2023). Legal regulation of the bioprinting process: problems and development prospects in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 413-421 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-413-421>

Введение

XXI век – время масштабного развития технологий во всех сферах жизнедеятельности. Медицина как важнейшая отрасль любого государства не стала исключением. Внедрение инновационных технологий в практическую медицину способствует увеличению продолжительности и качества жизни человека.

Однако реалии таковы, что на сегодняшний день значительная часть населения страдает от невозможности излечения болезней различной сложности. Официальная статистика свидетельствует об увеличении уровня заболеваемости. Так, в 2000 г. общее число людей, подверженных различным типам болезней, достигло 106328, а в 2021 г. –

125022 человека¹. Причиной такой ситуации являются как заболевания, лечение которых невозможно из-за недостаточной разработанности методов исцеления, так и нехватка донорских органов, если такой вид медицинского вмешательства является единственно возможным. Ожидание длится годами, порой больные и вовсе не доживают до трансплантации. По данным за 2020 г. в нашей стране в листе ожидания донорской почки состоят не менее 7000 человек, а донорского сердца – как минимум 800. Одни ученые предлагают решение этой проблемы с помощью ксенотрансплантации (пересадка человеку модифицированных органов жи-

¹ Заболеваемость населения по основным классам болезней // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 01.03.2023).

вотных), другие – биопринтинга (создание органов с помощью послойной трехмерной печати)². Однако первый вариант не может нивелировать риски передачи ксенотенной инфекции реципиенту и преодолеть видовой барьер, этические нормы [1, с. 39]. Соответственно, наиболее приемлемый способ обеспечения необходимого количества донорских органов – это использование 3D-биопrintера. При помощи этой технологии, во-первых, как отмечают А.В. Черных, Ю.В. Малеев и др., образуется полностью функциональная копия живого органа [2, с. 99], а во-вторых, по мнению Д.Е. Богданова, не порождаются фундаментальные этические вызовы [3, с. 85].

Становление биопринтинга началось с 2003 г., когда Т. Боланд с коллегами впервые описал метод биопечати, основанный на традиционной двумерной струйной технологии. Отечественные ученые шагнули дальше, разработав метод экструзионной трехмерной биопечати с помощью «строительных блоков», основой которых являются тканевые сфероиды. Прежде чем использоваться в трансплантологии, результаты биопечати большинства органов также должны пройти сложный процесс – нахождение в биореакторах. Сохранение состояния клетки в живом виде от начала создания до трансплантации пациенту является важнейшей задачей процедуры биопринтинга. Биореакторы для тканевой инженерии устроены таким образом, что клетки в них должны не только расти и нарабатывать какое-то целевое вещество: такие устройства предназначены для формирования полноценной ткани или даже целого органа [4, с. 21].

Последние международные успехи в области создания имплантатов и пересадки органов, напечатанных на 3D-принтере, свидетельствуют об интенсивном развитии этого направления медицинской сферы. В 2016 г. разработка технологии биопринтинга получила одобрение со стороны государственной структуры в США [5, с. 38]. Более того, объем мирового рынка 3D-биопечати за 2022 г.

² Биопринтинг: скоро ли в России начнут печатать донорские органы для пересадки // Фарммедпром. 2023. 4 янв. URL: <https://pharmedprom.ru/articles/bioprinting-skoro-li-v-rossii-nachnut-pechatat-donorskie-organi-dlya-peresadki/> (дата обращения 12.03.2023).

составил 2,13 млрд долларов и к 2030 г. достигнет около 8,3 млрд долларов. Прибыльность и социально значимый эффект от разработок увеличивают количество проводимых исследований. В декабре 2022 г. ракета «Союз МС-11» доставила магнитный биопри́нтер Organ.Aut российской компании 3D Bioprinting Solution на МКС. В космических условиях были проведены эксперименты по печати хрящей и щитовидной железы³.

Вместе с тем на сегодняшний день в Российской Федерации биопринтинг находится на этапе своего становления, что может быть обусловлено отсутствием адекватного правового регулирования процесса биопечати.

Результаты исследования

Прогресс в сфере биопринтинга привел к значительному разрыву между практическими достижениями и законодательным регулированием процесса создания и трансплантации органов/тканей.

На сегодняшний день в Российской Федерации действует Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», который регламентирует донорство биологического материала человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов. Его нормы не распространяются на отношения, возникающие при донорстве органов и тканей человека в целях их трансплантации, донорстве крови и ее компонентов, в том числе в научных и образовательных целях. Таким образом, очерченные законодателем пределы действия закона по донорству биологического материала/клеток человека не затрагивают процедуру биопринтинга, результатом которого является создание человеческих органов/тканей посредством использования биоматериала в качестве ресурса.

В свою очередь, Федеральный закон от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – ФЗ о трансплантации) регламентирует порядок изъятия донорских органов/тканей именно для трансплантации (от донора к ре-

³ Почему эта технология спасет сотни тысяч людей по всему миру? // Лента. 2023. 17 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/03/17/3d/> (дата обращения: 04.03.2023).

ципиенту), соответственно, правоотношения по использованию биоматериала/клеток в целях биопечати органа как для себя, так и для другого лица не охватывает. К сожалению, закон не раскрывает природу понятия «трансплантация органов и тканей», оно сформировано в доктрине как замена необратимо поврежденных тканей и органов человека собственными тканями или органами (тканями), взятыми от другого человека [6, с. 153].

Отметим наличие происходящей трансформации правового регулирования. Буквальное толкование положения статьи 2 ФЗ о трансплантации позволяет сделать вывод о том, что объектом трансплантации являются гемопоэтические стволовые клетки (их источником являются периферическая кровь, пуповинная кровь, костный мозг), органы (часть тела, фрагмент органа, имеющие определенную форму, структура, функции) и ткани (часть ткани) человека. Конкретный перечень установлен совместным приказом Минздрава России и РАН от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации». С 12 декабря 2020 г. приказом указанных ведомств от 27 октября 2020 г. № 1158н/2 этот перечень дополнен пунктом 25, в силу которого к объектам отнесены клетки, предназначенные для замещения (выполнения) присущих им функций в организме, а также биологический материал для их получения (заготовки). То есть трансплантология переходит на клеточный уровень, при этом учитывая последние достижения и риски генной инженерии, полагаем необходимым внести в ФЗ о трансплантации соответствующие изменения, исключающие двойное толкование применения уже не тканей/их частей, а их структурных элементов (клеток).

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что правоотношения по биопечати органов/тканей в настоящее время не могут быть уложены в прокрустово ложе имеющихся правовых актов. Более того, дефицит в законодательном регулировании испытывает все международное сообщество [7, с. 41].

Для широкого применения органов и тканей, созданных путем биопринтинга, требуется определить их место в системе объектов гражданских прав. В доктрине на-

личествуют несколько точек зрения относительно правовой природы биоматериалов человека. И.З. Аюшеева считает, что их можно отнести к личным неимущественным правам, которые воплощены в форме объектов объективной реальности [8, с. 94]. М.Н. Малейна признает органы и ткани человека с момента отделения от организма объектами материального мира, относящимися к понятию вещей, то есть после своего отделения от организма органы и ткани могут признаваться ограниченными в обороте вещами [9, с. 87]. В то же время Л.О. Красавчикова относит биоматериалы человека к личным неимущественным благам, поскольку, хотя они и воплощены в материальных предметах, ценность их определяется не весом или количеством, а уникальностью и неповторимостью [10, с. 101]. Н.В. Аполинская, в свою очередь, определяет биобъекты как самостоятельные уникальные объекты материального мира [11, с. 7]. В отличие от биоматериалов непосредственно самого человека, органы и ткани, созданные по технологии 3D-биопечати, имеют двойную основу. Каркас составляют гидрогель или коллаген. Биочернила представлены биологическими клетками человека, забор которых с учетом последних исследований оказывает минимальное воздействие на его физическое состояние (в отличие от изъятия органов) и культивируются в необходимом количестве посредством биопринтинга. Более того, технология биопринтинга предполагает, по большей части, исключение донорства клеток, поскольку необходимый орган будет создан из аутологичных клеток самого пациента. Соответственно, если рассмотреть такой орган через призму признаков вещного права (материальность, доступность, полезность), с учетом того, что он сочетает в себе комбинацию живой и неживой материи, создается «с нуля», применяется в здравоохранении для спасения жизни пациентов, то после его изготовления на биопринтере приобретает статус вещи.

Рассматривая положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее ФЗ об охране здоровья), приходим к выводу, что биопринтные человеческие органы можно отнести к

медицинским изделиям, так как закон причисляет к ним материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, включая специальное программное обеспечение, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека. Конечно, в дальнейшем созданный орган или ткань, которые были трансплантированы в тело человека, категорически запрещено рассматривать как вещь (медицинское изделие), но именно в период от создания органа или ткани до трансплантации данный объект может рассматриваться как имущество. После трансплантации биопринтных органа или ткани в организм человека рассматривать их как объект гражданского права считается невозможным.

Вместе с тем разрешить свободный товарооборот созданных органов полагаем нецелесообразным, поскольку возникает угроза утраты уникальности человеческого тела. В этой связи согласимся с мнением И.З. Аюшеевой о том, что появление возможности искусственно создавать органы человека порождает вопросы этического характера, связанные с пределами осуществления личных неимущественных прав на совершенствование собственного организма [12, с. 26]. В настоящее время медицинские услуги по косметической хирургии (имплантация зубов, изменение лица, маммопластика, хирургическая коррекция пола) уже вошли в нашу обыденность и могут быть выполнены по желанию пациента без наличия медицинских показаний. Что касается замены клапана сердца и суставов, установка кардиостимуляторов, то данные виды медицинского вмешательства осуществляются после обследования по назначению врача. С учетом возможных рисков незаконного и вседозволенного использования искусственных органов при тенденции развития биопринтных технологий, считаем необходимым законодательно закрепить условия и порядок их трансплантации.

Кроме этого, для определения места 3D-биопечати органов и их последующего использования в правовом поле России предлагаем разделить весь процесс от начала

разработки до трансплантации человеку на этапы, позволяющие определить характер правоотношений сторон и порядок их регулирования.

Представляется, что весь процесс биопринтинга складывается из:

1) обследования пациента;

2) создания трехмерной модели органа, печати органа с использованием принтера, помещения органа в биореактор для дозревания;

3) пересадки органа пациенту.

Первый этап представляет собой проведение мероприятий по диагностике и обследованию пациентов. В роли исполнителей могут выступать как государственные медицинские учреждения, так и частные медицинские клиники. В компетенцию таких медицинских организаций должно входить полное обследование реципиентов и доноров, так как процедура создания и дальнейшей пересадки органов имеет сложный характер. При этом такие медучреждения должны иметь профильную специализацию в сфере трансплантологии для того, чтобы при обследовании доноров и реципиентов давать высококвалифицированное заключение о назначении создания и пересадки искусственных человеческих органов.

Второй этап характеризуется деятельностью специализированных лабораторий. Для их функционирования необходимо иметь лицензию, полученную от имени государства на разрешение осуществления такой деятельности, как создание человеческих органов путем биопринтинга, а также их выращивания и хранения для дальнейшей трансплантации. С этой целью в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности необходимо будет внести изменения. (В настоящее время единственная отечественная организация, которая занимается биопринтингом – 3D Bioprinting Solution, осуществляет свою деятельность по виду «72.11 Научные исследования и разработки в области биотехнологии»).

Третий этап связан непосредственно с пересадкой изготовленного органа в организм человека. Трансплантация органов и тканей должна осуществляться с помощью операции реципиенту в медицинских учреждениях, имеющих в своем составе хирур-

гов со специализацией в сфере пересадке искусственных органов и тканей.

Уточним ряд моментов. Оказание медицинской помощи в первом и третьем этапе осуществляется в рамках высокотехнологичной медицинской помощи. Исходя из особенностей процедуры трансплантации считаем, что обязательным условием проведения диагностических мероприятий должна быть согласованность действий с медицинскими организациями, которые непосредственно будут проводить пересадку изготовленных органов. То есть изначально предусмотреть замкнутый цикл правоотношений. Во-первых, это будет способствовать максимальной защите прав пациентов при оказании медицинской помощи. Во-вторых, целеполаганием создания органов с помощью 3D-биопечати является лечение больного, соответственно, только трансплантация органа и выздоровление пациента будет являться результатом оказанной помощи. В-третьих, важно определить то, что биопринтинг человеческих органов, проводимый лабораторией, должен быть составным элементом оказания медпомощи, осуществляться только по направлению медицинской организации.

Научный руководитель лаборатории 3D Bioprinting Solution В.А. Миронов считает, что биопринтинг имеет много схожих характеристик с микропроцессорной и электронной индустрией, которые начали интенсивно развиваться лишь в результате систематического внедрения автоматизации и роботизации в производственные линии. И в этом смысле речь идет о создании не только роботизированного биопринтера, но и целой технологической линии самосборки тканей и органов, чтобы сделать «производство органов» рентабельным и прибыльным [4, с. 24]. Анализируя данное мнение, можем сделать вывод, что биопринтинг подразумевает коммерциализацию искусственных человеческих органов, но является ли это рациональным явлением для общества или в дальнейшем это может стать рынком искусственных органов? К сожалению, широкое применение технологии биопечати может повлечь за собой развитие преступности в сфере незаконного оборота таких органов, что также негативно отразится на развитии и

функционировании 3D-биопринтинга в Российской Федерации, предопределяя его стагнацию, в то время как потребность в трансплантации органов не уменьшается. Согласно статье 21 Конвенции о защите прав и достоинства человека, в связи с применением достижений биологии и медицины тело человека и его части не могут являться источником финансовой выгоды⁴. ФЗ о трансплантации также запрещает относить органы и ткани человека к объектам купли-продажи.

Соответственно, для гражданского оборота изготовленных человеческих органов необходимо устанавливать сдерживающие условия, которые обеспечат использование биопринтных органов и тканей по назначению, то есть исключительно в медицинских целях для улучшения функционирования здоровья человека. В этой связи было бы целесообразным оформлять правоотношения в форме договора подрядного типа по созданию биопринтных органов не между пациентом и лабораторией, а с обязательным участием медицинских организаций, которые проводят диагностические процедуры и пересадку органов. То есть такой договор должен быть с активной множественностью лиц. Именно такая трактовка субъектного состава данного договора позволит обеспечить целевое использование приобретаемого органа. Существенным условием должен быть непосредственно предмет – созданный лабораторией орган, в качестве обязательного условия – наличие справки-заключения из медицинского учреждения о назначенной замене органа или ткани конкретному пациенту и дальнейшей трансплантацией в определенное время. Договор должен быть заключен в письменной форме для детализации в будущем созданного органа, закрепления всех условий и установления ответственности в случае ненадлежащего качества органа или ткани. К тому же такой способ оборота органов и тканей (исключительно по запросу государства и под гарантией по-

⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19.11.1996). Доступ из СПС Консультант-Плюс.

лучения бесплатной медицинской помощи) обеспечит их сохранность и исключит возможность торговли органами.

Заключение

Для полноценного применения в клинической практике органов и тканей, изготовленных с помощью 3D-биопринтера, необходимо усовершенствовать действующие законодательство путем внесения изменений в ФЗ об охране здоровья, ФЗ о трансплантации и определить порядок, который бы урегулировал процедуру биопечати и, соответственно, применение полученных результатов. В этой связи для легализации медицинской деятельности по трансплантации биопринтных органов необходимо ФЗ об охране здоровья дополнить статьей 47.1 «Трансплантация (пересадка) органов и тканей, созданных с применением технологии 3D-биопринтинга». Детализацию самого процесса забора биоматериала, субъектный состав, ответственность сторон закрепить в ФЗ о трансплантации. Вносить постратейные изменения в настоящее время действующий закон полагаем нецелесообразным, поскольку в доктрине отмечается его несоответствие современным реалиям развития медицины [13, с. 27], следовательно, до внесения предлагаемых изменений требуется его корректировка и обновление.

Необходимо также установить место биопринтных человеческих органов и тканей в гражданском обороте. Их статус будет зависеть от среды, в которой они находятся. Так, например, в процессе биопечати и нахождения в биореакторах такие органы могут быть полноценным имуществом. Во

время трансплантации органы и ткани также можно рассматривать как материальную вещь, но после пересадки соответствующие предметы материального мира теряют свое назначение в гражданском обороте и присваиваются человеку как его индивидуальный и неотчуждаемый орган или ткань. Действующий ФЗ об охране здоровья позволяет отнести созданные с помощью 3D-принтера органы к медицинским изделиям. На сегодняшний день Перечень медицинских изделий, имплантируемых в организм человека при оказании медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утвержден Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2018 г. № 3053-р, соответственно, для легализации трансплантации органов, созданных по технологии биопечати, в него необходимо внести дополнения.

Кроме этого, сам процесс изготовления биопринтных органов возможен в рамках договоров подрядного типа с активной множественностью лиц на стороне заказчика. Такая структура договорных отношений позволит отграничить целевое использование органов и тканей от нецелевого и обеспечить отсутствие преступности в отношении их купли-продажи.

Вышеизложенные изменения в правовом регулировании позволят развивать в Российской Федерации разработку человеческих тканей и органов-заменителей для восстановления жизнедеятельности людей, страдающих различными заболеваниями.

Список источников

1. Гуляев В.А., Хубутия М.Ш., Новрузбеков М.С. и др. Ксенотрансплантация: история, проблемы и перспективы развития // Трансплантология. 2019. Т. 11. № 1. С. 37-54. <https://doi.org/10.23873/2074-0506-2019-11-1-37-54>, <https://elibrary.ru/vwwvcm>
2. Черных А.В., Малеев Ю.В., Шевцов А.Н., Волков А.В., Сундеев А.С., Малюков Н.А. Современные направления трансплантологии с использованием высокотехнологичных методик // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. 2017. Т. 10. № 2. С. 96-102. <https://doi.org/10.18499/2070-478X-2017-10-2-96-102>, <https://elibrary.ru/zfinax>
3. Богданов Д.Е. Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования // Lex Russica (Русский Закон). 2019. № 6 (151). С. 80-91. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.080-091>, <https://elibrary.ru/xdklpr>
4. Миронов В.А. Вслед за создателем. Технологии биопринтинга // Наука из первых рук. 2013. № 4 (52) С. 15-24. <https://elibrary.ru/rmyfab>

5. Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А., Мустафин А.Г., Каприн А.Д. Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати // *Гены и клетки*. 2018. Т. 13. № 3. С. 38-45. <https://doi.org/10.23868/201811031>, <https://elibrary.ru/yxdtij>
6. Силуянова И.В. Биомедицинская этика. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 358 с.
7. Шутова А.А. Юридикологический анализ понятия «3D-биопринтинг» // *Юрислингвистика*. 2022. № 26. С. 40-47. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2607](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2607), <https://elibrary.ru/zwlzls>
8. Аюшеева И.З. Проблемы правового регулирования договорных отношений в сфере создания биопринтных человеческих органов // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2019. № 6. С. 92-99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.092-099>, <https://elibrary.ru/lwvohj>
9. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с. <https://elibrary.ru/tsbmaj>
10. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 1994. 199 с. <https://elibrary.ru/aedbwy>
11. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 22 с. <https://elibrary.ru/qehaq1>
12. Аюшеева И.З. Осуществление личных неимущественных прав при создании биопринтных человеческих органов // *Lex Russica*. 2020. № 7. С. 24-33. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.024-033>, <https://elibrary.ru/huqsje>
13. Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Путило. М.: Проспект, 2019. 176 с. <https://doi.org/10.31085/9785392288281-2019-176>, <https://elibrary.ru/prnwju>

References

1. Gulyaev V.A., Khubutiya M.Sh., Novruzbekov M.S. (et al). (2019). Xenotransplantation: history, problems and development prospects. *Transplantologiya = Transplantologiya. The Russian Journal of Transplantation*, vol. 11, no. 1, pp. 37-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.23873/2074-0506-2019-11-1-37-54>, <https://elibrary.ru/vwwwcm>
2. Chernykh A.V., Maleev Yu.V., Shevtsov A.N., Volkov A.V., Sundeev A.S., Malyukov N.A. (2017). Modern trends in transplantation using high-tech methods. *Vestnik eksperimental'noi i klinicheskoi khirurgii = Journal of Experimental and Clinical Surgery*, vol. 10, no. 2, pp. 96-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.18499/2070-478X-2017-10-2-96-102>, <https://elibrary.ru/zfinax>
3. Bogdanov D.E. (2019). Bioprinting technology as a legal challenge: determining the model of legal regulation. *Lex Russica (Russkii Zakon) = Lex Russica*, no. 6 (151), pp. 80-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.080-091>, <https://elibrary.ru/xdklpr>
4. Mironov V.A. (2013). Vsled za sozdatelem tekhnologii bioprintinga [Following the creator of bioprinting technology]. *Nauka iz pervykh ruk = Science First-Hand*, no. 4 (52), pp. 15-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmyfab>
5. Khesuani Yu.Dzh., Sergeeva N.S., Mironov V.A., Mustafin A.G., Kaprin A.D. (2018). Introduction to 3D-bioprinting: the history, principles and stages. *Geny i kletki = Genes & Cells*, vol. 13, no. 3, pp. 38-45. (In Russ.) <https://doi.org/10.23868/201811031>, <https://elibrary.ru/yxdtij>
6. Siluyanov I.V. (2023). *Biomeditsinskaya etika* [Biomedical Ethics]. Moscow, Yurait Publ., 358 p. (In Russ.)
7. Shutova A.A. (2022). Legal and terminological analysis of the concept of “3D-bioprinting”. *Yurilingvistika = Legal Linguistic*, no. 26, pp. 40-47. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2607](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2607), <https://elibrary.ru/zwlzls>
8. Ayusheeva I.Z. (2019). Problems of legal regulation of contractual relations in the process of creating bio-print human organs. *Lex Russica (Russkii Zakon) = Lex Russica*, no. 6, pp. 92-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.092-099>, <https://elibrary.ru/lwvohj>
9. Maleina M.N. (2000). *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection]. Moscow, M3 Press, 242 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tsbmaj>
10. Krasavchikova L.O. (1994). *Ponyatie i sistema lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii* [The Concept and System of Personal Non-Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation]. Ekaterinburg, Ural State Law University Publ., 199 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aedbwy>

11. Apolinskaya N.V. (2009). *Biologicheskie ob"ekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Human Biological Objects in the Civil Law of the Russian Federation: PhD (Law) diss. abstr.]. Irkutsk, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qehaql>
12. Ayusheeva I.Z. (2020). Personal non-property rights arising in human organs bioprinting. *Lex Russica (Russkii Zakon) = Lex Russica*, no. 7, pp. 24-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.024-033>, <https://elibrary.ru/huqsje>
13. N.V. Putilo (executive ed.) (2019). *Pravovoe regulirovanie transplantatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Regulation of Transplantation in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 176 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392288281-2019-176>, <https://elibrary.ru/prnwju>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.04.2023

Поступила после рецензирования / Revised 06.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-422-433>

Шифр научной специальности 5.1.4

Особенности специального субъекта и объективной стороны в составе неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью

© ОГНЕРУБОВ Николай Алексеевич,

доктор медицинских наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, ScopusID: 6602859119, nickognerubov@yandex.ru

Аннотация

Актуальность представленной темы объясняется высоким социальным риском, выраженным в наступлении неблагоприятных последствий ненадлежащего выполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, особенно когда это влечет за собой тяжкий вред здоровью пациента или его смерть. Цель – установить особенности выявления надлежащего субъекта преступления неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью и причинно-следственной связи между его деянием и наступившими неблагоприятными последствиями. В качестве задач определено изучение признаков специального субъекта в рассматриваемом составе преступления, выявление условий и содержания объективной стороны, а также анализ практики рассмотрения уголовных дел и состояния судимости по части 2 статьи 124 УК РФ. Эмпирической основой послужили статистические данные о судимости по изучаемому преступлению, а также материалы судебной практики, в отношении которых автором проведен контент-анализ. По итогам работы отмечено, что ключевым критерием, отграничивающим преступления, совершенные по части 2 статьи 124 УК РФ, от преступлений по части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ, является профессионально-деструктивный (добросовестный) медицинский дефект, выраженный в уголовном законодательстве как бездействие специального субъекта без уважительных причин.

Ключевые слова

медицинский работник, криминальная ятрогения, неоказание медицинской помощи, причинение смерти или тяжкого вреда, специальный субъект, материальный состав преступления

Для цитирования

Огнерубов Н.А. Особенности специального субъекта и объективной стороны в составе неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 422-433. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-422-433>

Special subject and objective side peculiarities in the corpus delicti of non-assistance to patient, which caused by negligence the death or serious harm to health infliction

© Nikolai A. OGNERUBOV,

Dr. habil. (Medicine), PhD (Law), Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, ScopusID: 6602859119, nickognerubov@yandex.ru

Abstract

The importance of the presented topic is explained by the high social risk expressed in the occurrence of medical negligence's adverse consequences, especially when it entails serious harm to the patient's health or his death. The aim is to establish the revealing proper crime subject peculiarities of non-assistance to patient, which caused by negligence the death or serious harm to health infliction and the causal link between his act and the adverse consequences. The study of the signs of a special subject in the considered corpus delicti, objective side's conditions and containment identification, as well as the criminal cases consideration practice analysis and the criminal record status under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation are defined as tasks. The empirical basis is provided by statistical data on the criminal record for the studied crime, as well as judicial practice materials, in which the author conducted a content analysis. According to the research results it is noted that the key criterion distinguishing the crimes committed under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation from crimes under part 2 of article 109 and part 2 of article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation is professional-destructive (bona fide) medical defect expressed in the criminal legislation as special subject omission without valid reasons.

Keywords

medical worker, criminal iatrogenesis, medical non-assistance, inflicting death or serious harm, special subject, material corpus delicti

For citation

Ognerubov, N.A. (2023). Special subject and objective side peculiarities in the corpus delicti of non-assistance to patient, which caused by negligence the death or serious harm to health infliction. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 422-433 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-422-433>

Введение

Неоказание помощи больному является серьезным и существенным по своим социальным последствиям уголовно-наказуемым деянием, так как связано не только со значимым нарушением медицинским работником своих должностных и профессиональных обязанностей, что само по себе представляет особое нарушение, требующее привлечения виновных лиц к ответственности, но и с высокой степенью вероятности причинения вреда здоровью пациента. Уголовным законом установлен квалифицированный состав относительно случаев, когда неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом.

Данный состав закреплен в части 2 статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹ и предполагает в своей конструкции материальный характер объективной стороны, что требует установления причинно-следственной связи между действиями или бездействием специального субъекта по неоказанию помощи больному и наступлением неблагоприятных последствий, выраженных в причинении пациенту тяжкого вреда здоровью или наступлении смерти.

Данная тема вызывает особый интерес в научной литературе, посвященной тематике

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

медицинских преступлений [1–3], в том числе в контексте сравнительно-правового анализа уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью в результате неоказания помощи больному [4; 5].

Несмотря на это, актуальными и с теоретической, и с практической точки зрения остаются вопросы, связанные с особенностями надлежащего установления субъекта преступления и причинно-следственной связи между его действиями (точнее, как правило, бездействием) и наступившими неблагоприятными последствиями, что обусловило цель проведенного исследования. Исходя из этого, в качестве задач поставлено следующее: изучить признаки специального субъекта в рассматриваемом составе преступления, выявить условия и содержание объективной стороны, а также провести анализ практики рассмотрения уголовных дел и состояния судимости по части 2 статьи 124 УК РФ.

Необходимость проведения анализа практики рассмотрения уголовных дел и состояния судимости предопределила использование в качестве эмпирической базы исследования данные судебной статистики и материалов правоприменительной практики судов по рассмотрению соответствующих уголовных дел.

Результаты исследования

Изучение судебной статистики² по данным о судимости лиц в срезе неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть пациента или тяжкий вред его здоровью (см. подробнее табл. 1, рис. 1–2) свидетельствует об относительно небольшом количестве случаев привлечения виновных лиц к уголовной ответственности по части 2 статьи 124 УК РФ.

Однако такие показатели не должны вводить в заблуждение относительно создания впечатления о благополучном состоянии дел в вопросе самого факта надлежащего и своевременного оказания медицинской помощи, в том числе в контексте наступления тяжкого вреда здоровью или смерти в ре-

зультате бездействия медицинских работников. Каждый такой случай несет в себе огромный общественный резонанс, наносит серьезный удар по профессиональной репутации врачей и системе здравоохранения в целом. Но, в конечном счете, эти аспекты – далеко не главное. Катастрофические неблагоприятные последствия в масштабе отдельной человеческой жизни и его семьи несут в себе гораздо существенное содержание социального эффекта совершения рассматриваемого преступления.

Вместе с этим изучаемое преступление имеет высокую степень латентности, известную автору как действующему, практикующему и имеющему более чем 40-летний профессиональный стаж специалисту, что особенно проявляется в сфере онкологии, когда в силу бездействия медицинских работников, банальной неосмотрительности или профессиональной врачебной ошибки невыявленные заболевания, как непосредственно связанные, так и несвязанные со злокачественными образованиями, ведут к самым печальным последствиям. Однако здесь также следует учитывать необходимость разграничения преступлений, совершенных по части 2 статьи 124 УК РФ, когда смерть или тяжкий вред здоровью больного наступили в результате бездействия специального субъекта без уважительных причин, от преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 118 УК РФ, когда аналогичные неблагоприятные последствия имели место в результате ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей. Кроме того, существующая степень латентности связана с множеством субъективных факторов и со стороны потерпевшего, в том числе его родственников, и со стороны учреждений здравоохранения. Одновременно с этим существует ряд сложностей нормативного и правоприменительного характера установления события преступления по части 2 статьи 124 УК РФ и выявления элементов состава преступления неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью.

Каждый элемент состава рассматриваемого преступления имеет свои нюансы. Так, объектом выступает жизнь и здоровье человека.

² См. подробнее: Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.07.2023)

Таблица 1

Данные о числе осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам по части 2 статьи 124 УК РФ за 2009–2022 гг.

Table 1

Data on the number of convicted under sentences that have entered into legal force and other persons against whom judicial acts were passed in criminal cases under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation for 2009–2022

Год	Число осужденных	Число оправданных	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям
2009	12	До 2015 г. форма 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» / «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам»	
2010	10		
2011	7		
2012	6		
2013	5		
2014	0		
2015	6	0	6
2016	7	1	4
2017	4	2	0
2018	4	0	3
2019	5	0	6
2020	3	1	4
2021	5	1	4
2022	3	3	2
Итого	77	8	29

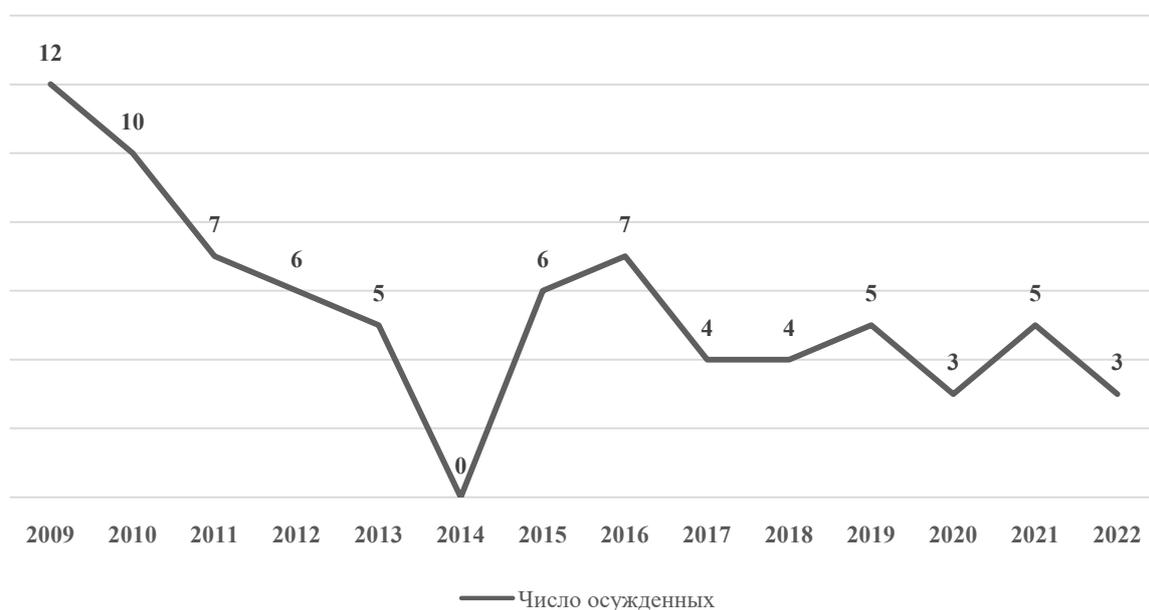

Рис. 1. Число осужденных по части 2 статьи 124 УК РФ за 2009–2022 гг.
Fig. 1. Amount of convicted under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation for 2009–2022

Рис. 2. Соотношение количества осужденных, оправданных, а также лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям по части 2 статьи 124 УК РФ за 2015–2022 гг.
Fig. 2. Ratio of convicted, acquitted, as well as persons whose criminal cases were terminated on other grounds under part 2 of article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation for 2015–2022

Субъективная сторона выражена в неосторожности, иначе деяние требует перекалфикации и соответствующего пересмотра фактических обстоятельств, а также нормативных оснований уголовной ответственности. Но более существенные вопросы доктринального и практического толка несут в себе субъект, который носит специальный характер, и объективная сторона, выражающая материальную характеристику рассматриваемого преступного деяния и, следовательно, предполагающего установление причинно-следственной связи между деянием специального субъекта и наступившими неблагоприятными последствиями.

Выявление специального субъекта предполагает, что в данном составе преступления требуется установить, как это указано в УК РФ, «лицо, обязанное оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом».

В ныне действующем Уголовном кодексе РФ определение понятия «специальный субъект» не дается, несмотря на то, что ряд статей предусматривает его наличие (например, статьи 106, 121-122, 136, 301-303, 305 и иные).

Подобным образом складывалась ситуация в период действия Уголовных кодексов РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г., в которых также не было закреплено рассматриваемое понятие.

Сущность и правовая природа отдельных составов преступления предполагает, что, исходя из законодательного закрепления, субъект помимо установленных общих признаков должен обладать дополнительными свойствами, необходимыми для выполнения объективной стороны преступления. Отметим также, что специальный субъект преступления всегда находится в неразрывной связи с объектом преступления, то есть общественными отношениями, на которые направлено общественно опасное посягательство. Таким образом, лицо, совершающее действие или бездействие преступного характера, должно быть участником соответствующего взаимодействия.

Наличие дополнительных признаков у субъекта преступления влияет на определение правильной квалификации преступления и назначение наказания. Исходя из этого, определение понятия «специальный субъект» является важной составляющей как в

теоретической, так и практической деятельности по борьбе с преступностью.

На сегодняшний день в российской доктрине уголовного права сложилось несколько различных подходов к пониманию рассматриваемого понятия. Обусловлено это, в первую очередь, тем, что ученые вкладывают в его содержание внушительное количество признаков, которые влияют на общее представление о специальном субъекте. В результате этого и классификация признаков представлена в нескольких вариантах: от более узкого к более обширному.

В частности, С.А. Андреев определяет специальный субъект преступления как «физическое лицо, обладающее, помимо признаков общего субъекта преступления, еще и дополнительными признаками, указанными в диспозиции статьи УК РФ либо однозначно вытекающими из его толкования» [6, с. 125]. По его мнению, с которыми мы солидарны, данное определение достаточно четко определяет рассматриваемого субъекта, поскольку однозначно устанавливает лицо, привлекаемое к уголовной ответственности за конкретный состав преступления, определяет границы правоотношений, а также ограничивает круг субъектов.

М.А. Любавина считает, что «специальный субъект преступления – это субъект, наделенный дополнительным обязательным признаком, который установлен в диспозиции нормы Особенной части УК РФ и который представляет собой выражение в виде гражданства, пола, возраста, родственных отношений, занимаемой должности и другого» [7, с. 3]. Данное определение по отношению к ранее рассмотренному является более обширным, поскольку дает указание на конкретные признаки, которые оказывают влияние на квалификацию преступления.

Стоит указать на то, что особенность составов преступления со специальным субъектом заключается в том, что такие преступления в силу занимаемого ими положения не могут совершаться иными лицами, не обладающими соответствующими дополнительными признаками. Таким образом, специальный субъект преступления имеет ограничительный характер, который существенным образом сужает круг лиц, способных совершить конкретное преступное деяние.

Применительно к изучаемому составу преступления, специальный субъект и его признаки определяются исходя из обязанности оказывать помощь больному в соответствии с законом или специальным правилом.

Основная норма, определяющая таких лиц, закреплена в статье 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³, действующая здесь в системной взаимосвязи с критериями оценки качества медицинской помощи, утвержденными Приказом Минздрава России от 10 мая 2017 г. № 203н⁴, а также вытекающими отсюда нормативными и локальными актами, определяющими профессиональные обязанности конкретного медицинского работника.

Так, в Кассационном определении СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 апреля 2021 г. по делу № 7У-2139/2021[77-1074/2021] было установлено, что «в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 73 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, а также в соответствии с подпунктом «в» пункта 2.2 Приказа Минздрава России «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» от 10 мая 2017 г. № 203н, на которые суд сослался в обоснование своих выводов, на медицинских работников возлагается обязанность оказывать медицинскую помощь в соответствии с квалификацией, должностными инструкциями, служебными и должностными обязанностями, однако ФИО1 приняв больного ФИО7, неотложных мер реагирования, направленных на устранение угрозы для его здоровья не направил, при этом располагал возможностью их принять, поскольку ФИО7 был доставлен бригадой скорой медицинской помощи с предварительным диагнозом

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н (зарегистрировано в Минюсте России 17.05.2017 № 46740) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 17 мая. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2023).

«закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, множественные ушибы и ссадины лица»⁵. Таким образом, специальный субъект был определен исходя из, с одной стороны, норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также критериев оценки качества медицинской помощи и, с другой стороны, квалификации, должностных инструкций, служебных и должностных обязанностей.

Однако специальный субъект, определяемый по должностному положению, в силу определенных обстоятельств может быть освобожден от уголовной ответственности. Так, согласно положениям Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19⁶ в случае, если злоупотребление или превышение должностных полномочий связано с устранением опасностей, угрожающих личности, обществу или государству, данное деяние не может быть признано преступным, и должностное лицо не привлекается к уголовной ответственности.

Состав преступления неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью, предусматривает материальный характер, то есть ответственность наступает не только за деяние, но и за наступившие вредные последствия. Таким образом, к обязательным признакам объективной стороны рассматриваемого состава относится причинно-следственная связь между преступным деянием и наступившими последствиями. В.Д. Иванов и А.П. Бохан определяют причинно-следственную связь как «объективно существующую связь между общественно опасным деянием и наступившим последствием в случае, когда деяние предшествует по времени последствию, а также является главным условием и создает реальную возможность его наступления» [8, с. 92]. При этом отмечается, что послед-

ствие неизбежно вытекает из конкретного преступного деяния.

В рассматриваемых преступлениях установление причинно-следственной связи требует специальных познаний и предопределяет назначение специальной судебной экспертизы. Практике известны случаи, когда суд самостоятельно установил такую связь в деле о неоказании помощи больному, а вышестоящая инстанция определила данное обстоятельство как обстоятельство, фактически оставленное без внимания⁷.

Достаточно обстоятельно и обоснованно к разграничению преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 124 УК РФ, подходят Е.В. Хромов и А.В. Кафиатулина: «Преступление, предусмотренное частью 2 статьи 124 УК РФ, отличается от иных составов профессиональных преступлений медицинских работников не только характер причинной связи, но и нарушение, в первую очередь, деонтологической этики в сфере медицины. Сказанное вовсе не означает, что преступления, предусмотренные частью 2 статьи 124 УК РФ, могут совершаться лишь исходя из недобросовестности медицинского работника, хотя именно данный фактор установлен по большинству уголовных дел, оконченных вынесением обвинительных приговоров. Профессиональная некомпетентность также может выступать формой негативного поведения медицинских работников в рамках неоказания медицинской помощи (врач неверно интерпретировал данные анамнеза и симптоматики, выбрал неверную форму, условия, вид помощи, хотя должен и мог при соответствии профессиональных навыков и знаний верно определить потребности пациента и оказать необходимую помощь)» [9].

Подобный подход к разграничению части 2 статьи 124 УК РФ от иных преступлений занимает и И.И. Нагорная относительно того, что «в случае ошибочной постановки диагноза или недооценки тяжести состояния больного и оказания достаточной, по мнению медицинского работника, помощи правоприменительно следует квалифици-

⁵ Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2021 по делу № 7У-2139/2021[77-1074/2021]. Доступ из СПС Гарант.

⁶ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Российская газета. 2009. № 207.

⁷ Кассационное определение СК по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 по делу № 7У-3613/2021[77-1475/2021]. Доступ из СПС Гарант.

ровать содеянное по части 2 статьи 109 или части 2 статьи 118 УК РФ, обосновав, что в данном случае имеет место дефект оказания медицинской помощи, а не неоказание помощи больному» [10, с. 53].

То есть при разграничении части 2 статьи 124 и смежных составов, в первую очередь, с частью 2 статьи 109 УК РФ, требуется установление обстоятельств, выступающих причиной и следствием между деянием и наступившими последствиями. Наступившим вредным последствием по части 2 статьи 124 УК РФ предусматривается смерть или причинение тяжкого вреда здоровью, что предусмотрено в части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ, соответственно.

Нормативно установлена дифференциация причины, которая и выступает критерием для разграничения указанных составов, а именно неоказание помощи без уважительных причин специальным субъектом. Таким путем, причина раскрывает и дополняет противоправное деяние отдельными признаками. Формулировка «без уважительных причин» предполагает нарушение должностных обязанностей с учетом нарушения профессиональных норм, в том числе этических.

В этом контексте при установлении признаков преступления, предусмотренного частью 2 статьи 124 УК РФ, обоснованным и целесообразным видится установление правоприменителем взаимосвязи нарушения норм статьи 73 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ в совокупности с критериями оценки качества медицинской помощи⁹ или стандартов по оказанию медицинской помощи¹⁰. Но такие нарушения должны характеризовать совершенное деяние с недобросовестностью, в то время деяния как по части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118

УК РФ – с некомпетентностью. Примером может послужить дело, когда онколог-хирург удалил не ту почку, не установив надлежащим образом предмет медицинского вмешательства, и оставил почку, пораженную опухолью, что повлекло за собой прогрессирование и распространение заболевания и смерть пациента¹¹. То есть здесь причина – ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, которое можно определить как компетентный медицинский дефект. В свою очередь, причина в преступлениях по части 2 статьи 124 УК РФ заключается в отсутствии уважительных оснований для неоказания помощи больному, например, в бесосновательном отложении начала оказания помощи больному, отказе в проведении диагностики при наличии необходимых ресурсов, необоснованному перенаправлению в другое медицинское учреждение или другому специалисту. Это позволяет характеризовать деяние, предопределенное профессионально-деструктивным фактором, то есть причина заключается в профессиональной деструкции медицинского работника и представляет собой личностный профессиональный медицинский дефект, отражая недобросовестность медицинского работника.

По сути, определяющее значение для применения положений статьи 124 УК РФ имеет наличие у медицинского работника возможности оказать больному медицинскую помощь. Законодатель, во избежание трудностей в правоприменительной практике, ввел в содержание диспозиции соответствующей нормы словосочетание «без уважительных причин», что позволяет утверждать, что при наличии таких причин медицинский работник освобождается от ответственности. Уважительные причины неоказания помощи больному имеют как объективную, так и субъективную природу. В первом случае речь идет об обстоятельствах, которые традиционно связываются с понятием «непреодолимая сила», которое существенно интегрирует в себя как опасные естественные явления (землетрясения, из-

⁸ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁹ Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2021 по делу № 7У-2139/2021[77-1074/2021]. Доступ из СПС Гарант.

¹⁰ Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2022 по делу № 7У-4223/2022[77-1949/2022]. Доступ из СПС Гарант.

¹¹ Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 29.03.2013 № 1-68/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/46GgX0U9ufbv/> (дата обращения: 14.06.2023).

вержения вулканов, цунами, горные лавины, оползни, наводнения и т. д.), так и катаклизмы техногенного характера (аварии, катастрофы техногенного характера, пожары, отравления водоемов и атмосферы, увеличение радиоактивного фона и т. д.) [11, с. 57; 12, с. 191]. С уголовно-правовой точки зрения непреодолимая сила лишает лицо возможности действовать определенным образом, следовательно, исключает наступление ответственности. В случае, когда медицинский работник действительно не может совершить свое намерение по оказанию помощи больному, поскольку существуют обстоятельства природного или техногенного характера, и вынужден предпринять действия, независимо от его воли, то такое бездействие не будет носить преступный характер, состав которого предусмотрен статьей 124 УК РФ.

Уважительной причиной неоказания помощи больному являются обстоятельства, обусловленные общественно-опасным поведением людей, которые, по большей части, имеют временное и пространственное ограничение (например, массовые беспорядки, хулиганство, совершаемое организованной группой, и другие преступления против общественного порядка) [13, с. 28].

Детерминирующим признаком объективной стороны составов преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 124 УК РФ, является неисполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей, выраженное в отказе в оказании медицинской помощи. Таким образом, данное преступление совершается путем бездействия, которое может выражаться, например, в необоснованном отказе в обследовании и госпитализации больного, неявке к больному по вызову, непроведении диагностических и лечебных мероприятий и т. д. Бездействие является признаком объективной стороны преступления только в случае установления, в чем оно было выражено, иными словами, какие конкретные действия не совершило лицо, наличие у лица обязанности, а также существовали условия для реальной возможности их совершения.

Так, в настоящее время отсутствуют четкие легальные критерии объема экстренной медицинской помощи, обязанность ока-

зания которой, как уже было отмечено, лежит на всех без исключения медицинских работниках, а также перечень состояний больного, которые свидетельствуют о необходимости ее оказания. В этой связи в доктрине уголовного права и судебной практике получило распространение толкование объективной стороны неоказания помощи больному как смешанного бездействия [14, с. 15]. В данном контексте показателен пример из практики, когда суд вынес приговор по части 2 статьи 124 УК РФ фельдшерам выездной бригады отделения скорой и неотложной помощи, которые «ненадлежащим образом исполнили свои должностные обязанности, что выразилось в отказе в госпитализации больной без проведения специальных методов диагностики, позволив исключить у нее наличие вирусно-бактериальной инфекции, которая впоследствии осложнилась двусторонней субтотальной гнойно-бактериальной пневмонией, что привело к затягиванию диагностического процесса по времени, позднему началу лечения и смерти пациентки от развившихся осложнений» [15, с. 321-322]. Исходя из проведенного установления особенностей объективной стороны преступления, предусмотренного частью 2 статьи 124 УК РФ, представляется, что в таких случаях действия медицинских работников надлежало квалифицировать по части 2 статьи 109 УК РФ, так как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, повлекшее смерть пациента, характеризует именно этот состав преступления.

Медицинский работник, бездействуя, не причиняет, а влечет за собой причинение вреда здоровью пациента, то есть способствует наступлению приведенных последствий, не являясь их непосредственной причиной (например, смерть в результате болезни, которая прогрессирует при неполучении показанного лечения). В иной ситуации – когда деяние виновного причиняет вред, его действия квалифицируются с применением иных норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за криминальные ятрогении (часть 2 статьи 109, часть 2 статьи 118 УК РФ). Наиболее емко, на наш взгляд, отличие чистого и смешанного бездействия выражено А.К. Романовым, предложившим следующую фор-

малу: «смешанное бездействие создает инкриминируемые виновному лицу последствия, тогда как чистое – лишь не предупреждает такие последствия» [16, с. 39].

Полагаем, что для квалификации деяния по статье 124 УК РФ установление причинной связи является необходимым, но ее не нужно рассматривать без привязки к медицинским критериям причинности, то есть вне связи последствия (например, смерти больного) с конкретным заболеванием, его тяжестью, степенью проявления тех или иных клинических симптомов. С уголовно-правовой точки зрения речь идет о социальном аспекте причинности, когда закономерным следствием оказания своевременной медицинской помощи является предотвращение вреда здоровью и смерти больного. При таком подходе неисполнение медицинским работником возложенной на него профессиональной обязанности нарушает приведенную выше закономерность и является причиной наступления предусмотренных законом вредных последствий.

Выводы

Рассматриваемый состав преступления содержит две особенности среди обязательных элементов. Во-первых, это специальный субъект. Во-вторых, это материальный характер данного состава преступления.

Наличие специального субъекта предполагает, что к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, которое обязано было оказывать такую помощь в соответствии с установленными нормами, порядком и правилами оказания медицинской помощи.

Материальный характер преступления, предусмотренного частью 2 статьи 124 УК РФ, предусматривает наличие причинно-следственной связи между деянием и вредным последствием, выраженным в смерти или причинении тяжкого вреда здоровью. Уголовный закон устанавливает такие признаки деяния как бездействие и его совершение без уважительных причин. Эти признаки создают условия и основания для разграничения преступлений, совершенных по части 2 статьи 124 УК РФ, от преступлений, предусмотренных в части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ. Если применительно к части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ причина неблагоприятных последствий заключается в конкретных действиях, приведших к смерти или тяжкому вреду, то есть здесь причина выражается в профессионально-компетентностном медицинском дефекте, то по части 2 статьи 124 УК РФ причина носит характер профессионально-деструктивного (добросовестного) медицинского дефекта.

Список источников

1. Щетинина Н.В. Неоказание помощи больному: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 143-149. <https://elibrary.ru/qlnggh>
2. Коробеев А.И. Неоказание помощи больному // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 1-2. С. 35-39 <https://elibrary.ru/ijtwwt>
3. Радов В.В. Разграничение ятрогенных преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 7. С. 128-130. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-128-130>, <https://elibrary.ru/qadmux>
4. Пискун А.И. Уголовная ответственность за неоказание помощи больному в зарубежном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. С. 147-150 <https://elibrary.ru/pvfwrt>
5. Иванникова Е.П. К проблеме уголовной ответственности за неоказание помощи больному в российском и зарубежном законодательстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 170-176 <https://elibrary.ru/vxlizv>
6. Андреев С.А. Специальный субъект преступления // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 2 (19). С. 122-125. <https://elibrary.ru/pxktfr>
7. Любавина М.А. Субъект преступления. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т (ф-л) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 62 с. <https://elibrary.ru/zuxwqx>
8. Иванов В.Д., Бохан А.П. Причинная связь в преступлении (на примере статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 92-96. <https://elibrary.ru/uiqcwv>
9. Хромов Е.В., Кафиатулина А.В. Уголовная ответственность за смерть пациента (потребителя услуг медицинского характера). 2023. Специально для системы ГАРАНТ.

10. Нагорная И.И. Неоказание помощи больному: трудности квалификации (ст. 124 УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 6 (154). С. 51-61. https://doi.org/10.52390/20715870_2023_6_51, <https://elibrary.ru/anxywg>
11. Орешикина Т.Ю. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. 2003. № 2. С. 57-59.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право: в 2 т. М.: Юрид. лит., 2004. Т. 1. 743 с. <https://elibrary.ru/qwaiud>
13. Амелина А.С. Уважительные причины неоказания помощи больному как основания для исключения уголовной ответственности // Медицинское право. 2018. № 1. С. 27-29. <https://elibrary.ru/ymjrtw>
14. Ившин И.В. Судебно-медицинские аспекты профессиональных преступлений медицинских работников против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2013. 604 с.
16. Романов А.К. Квалификация преступлений, совершаемых бездействием // Законность. 2016. № 5 (979). С. 38-41. <https://elibrary.ru/weanmx>

References

1. Shchetinina N.V. (2019). Failure to provide assistance to the sick: criminal legal characteristics and qualification issues. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (81), pp. 143-149 (In Russ.) <https://elibrary.ru/qlnggh>
2. Korobeyev A.I. (2007). Withholding help to a sick person. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law], no. 1-2, pp. 35-39 (In Russ.) <https://elibrary.ru/ijtwvt>
3. Radov V.V. (2021). Differentiation of iatrogenic crimes, prohibited by articles 109 and 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakon i pravo = Legal and Law*, no. 7, pp. 128-130. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-128-130>, <https://elibrary.ru/qadmux>
4. Piskun A.I. (2013). Responsibility for the failure to render assistance to a sick person in the foreign law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 1, pp. 147-150 (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvfwrt>
5. Ivannikova E.P. (2016). The problem criminal liability for failure to assist patients in the Russian and foreign legislation. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, no. 1-2, pp. 170-176 (In Russ.) <https://elibrary.ru/vxlizv>
6. Andreev S.A. (2012). Special subject of the crime. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy], no. 2 (19), pp. 122-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxktfr>
7. Lyubavina M.A. (2014). *Sub'ekt prestupleniya* [The Subject of Crime]. St. Petersburg, St. Petersburg Law Institute (branch) of the of the General Prosecutor's Academy of the Russian Federation Publ., 62 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zuxwqx>
8. Ivanov V.D., Bokhan A.P. (2015). Causality in a crime (on the example of article 264 of the Russian Criminal Code). *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, no. 3 (70), pp. 92-96. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uiqcwv>
9. Khromov E.V., Kafiatulina A.V. (2023). *Ugolovnaya otvetstvennost' za smert' patsienta (potrebitelya uslug meditsinskogo kharaktera)* [Criminal Liability for the Death of a Patient (Consumer of Medical Services)]. Special for GARANT system. (In Russ.)
10. Nagornaya I.I. (2023). Failure to provide medical care: the difficulties of qualification (article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], no. 6 (154), pp. 51-61. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2023_6_51, <https://elibrary.ru/anxywg>
11. Oreshkina T.Yu. (2003). Ugolovno-pravovoe znachenie nepreodolimoj sily [Criminal law significance of force majeure]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], no. 2, pp. 57-59. (In Russ.)
12. Naumov A.V. (2004). *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: v 2 t.* [Russian Criminal Law: in 2 vols.]. Moscow, Legal Literature Publ., vol. 1, 743 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwaiud>
13. Amelina A.S. (2018). Valid excuses for failure to provide health care as pp ground for indemnity against criminal liability. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], no. 1, pp. 27-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymjrtw>
14. Ivshin I.V. (2005). *Sudebno-meditsinskie aspekty professional'nykh prestuplenii meditsinskikh rabotnikov protiv zhizni i zdorov'ya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic and Medical Aspects of Professional Crimes Against Life and Health of Medical Workers. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 26 p. (In Russ.)
15. Chuchaev A.I. (ed.). (2013). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Contract Publ., 604 p. (In Russ.)

16. Romanov A.K. (2016). Classification of crimes committed through omission. *Zakonnost'* [Legality], no. 5 (979), pp. 38-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/weanmx>

Поступила в редакцию / Received 12.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 20.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-434-440>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Итальянской Республики

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Аннотация

Проанализированы вопросы подведомственности споров субъектов экономического оборота разбирательству посредством негосударственного арбитража и компетенции арбитражных институтов разрешать конкретные виды споров. Исследовано законодательство Итальянской Республики и деятельность итальянских арбитражных учреждений. Вышеуказанное государство характеризуется достаточно развитой экономикой и крупным торговым оборотом, что влечет за собой большое количество договоров между субъектами предпринимательской деятельности как внутри страны, так и в рамках международных экономических отношений. Следовательно, коммерческий арбитраж, как средство разбирательства споров, имеет богатую историю и высокий уровень развития в рамках итальянской правовой системы. Подробно рассмотрена сфера коммерческого арбитража Италии и правовое регулирование вопросов подведомственности споров и компетенции арбитражных учреждений. Сделаны выводы об особенностях и проблемах в указанных правовой и экономической отраслях.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, третейское разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, Итальянская Республика

Для цитирования

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Итальянской Республики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 434-440. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-434-440>

Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Italian Republic's legislation analysis

© Vladimir A. GAVRILENKO,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Abstract

Economic turnover subjects' disputes subordination issues to proceedings through non-state arbitration and the arbitration institutions competence to resolve specific disputes types are analyzed. The Italian Republic legislation and Italian arbitration institutions' activities are investigated. The above-mentioned state is characterized by a sufficiently developed economy and a large trade turnover, which entails a large number of agreements between business entities both within the country and within the framework of international economic relations. Consequently, commercial arbitration, as a dispute resolution means, has a rich history and a high development level within the Italian legal system. The scope of commercial arbitration in Italy and the legal regulation of the disputes jurisdiction and the arbitration institutions' competence are considered in detail. Conclusions are drawn about the features and problems in these legal and economic sectors.

Keywords

commercial arbitration, disputes' arbitration, arbitral court, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, Italian Republic

For citation

Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Italian Republic's legislation analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 434-440 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-434-440>

Введение

Важность и актуальность исследования обусловлена тем, что институт арбитражной подведомственности и вопросы компетенции определенных арбитражных учреждений имеют большое значение в современной юридической науке.

Справедливо утверждение, что «под подведомственностью понимается круг дел, отнесенных законодательством к рассмотрению и разрешению определенных органов судебной системы» [1, с. 38]. Арбитрабельность споров подразумевает возможность их разбирательства третейским судом. «Абитрабельность позволяет провести демаркационную линию между юрисдикцией государственных судов и арбитражей» [2, р. 249].

В начале следует дать небольшое пояснение о применении термина арбитраж, который понимается как синоним термина

третейское разбирательство споров. Вышеуказанное использование терминологии характерно для мировой юриспруденции.

В основном третейскому разбирательству споров подлежат споры между сторонами гражданско-правовых отношений в области экономического и торгового оборота. Отметим, что не имеется препятствий для разбирательства арбитрабельных споров органами государственного правосудия, если не имеется надлежащим образом заключенного арбитражного соглашения (оговорки), где стороны спора четко договариваются о намерении разрешения возможных конфликтов посредством процедуры третейского разбирательства.

Отметим также следующее обстоятельство. «Некоторые виды споров не могут быть рассмотрены арбитражами, поскольку они содержат существенный публично-правовой элемент. Например, правоотноше-

ния в области административного и уголовного права не могут быть разрешены посредством процедуры арбитража, поскольку назначение административного и уголовного наказания является императивной процедурой, осуществляемой от имени государства уполномоченными органами исполнительной и судебной власти» [3, с. 304].

Автор выбрал исследование вопросов арбитрабельности споров в итальянской правовой и экономической системе. Италия характеризуется высоким экономическим оборотом и развитым институтом предпринимательства. Соответственно, востребован институт арбитража для разрешения споров и конфликтов.

Отметим, что законодательство Италии, регулирующее вопросы арбитража, напрямую не имплементирует положения Типового закона «О международном коммерческом арбитраже», разработанного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1985 г. и одобренного Резолюцией № 40/72 Генеральной Ассамблеи ООН¹ и сохраняет собственную оригинальную структуру, о чем будет сказано ниже.

Далее планируется исследование регулирования законодательством Италии нижеперечисленных вопросов:

- законодательное определение арбитража;
- законодательное регулирование и правовые свойства арбитражного соглашения;
- арбитрабельность видов споров и исключительно государственная подведомственность споров;
- компетенция арбитражных учреждений на рассмотрение определенных видов споров;
- оспаривание и отмена арбитражного решения в связи с нарушением правил подведомственности или компетенции определенного третейского суда.

Результаты исследования

1. Законодательство Италии. Исследуем вопросы регулирования арбитража в

Италии. Гражданский процессуальный кодекс Италии, книга 4, раздел 8 Арбитраж, введенный в действие Декретом № 1443 от 28 октября 1940 г.², регулирует исследуемую отрасль. Последние изменения в указанный документ были внесены посредством Законодательного декрета № 40 от 2 февраля 2006 г.³ Отметим, что, в отличие от законодательства многих государств, в Италии не имеется отдельного закона, регулирующего коммерческий арбитраж. Все необходимые нормы права включены в Гражданский процессуальный кодекс Италии (далее Кодекс).

В Кодексе не указано определение термина арбитраж. В работах итальянских ученых-юристов предлагается следующее понимание института арбитража. «Мы можем говорить об арбитраже только как об альтернативном средстве решения споров относительно государственной юрисдикции. Другими словами, арбитраж будет результатом выбора в его пользу вместо юрисдикции государства» [4, р. 2]. Также справедливо мнение, что «юрисдикция арбитража, регулируемая разделом VIII четвертой книги Кодекса, в определенном смысле имеет функцию замены государственной юрисдикции» [5, р. 351].

2. Арбитражное соглашение. Вопросы арбитражного соглашения регулируются статьей 808 Кодекса. Стороны могут заключить как отдельное арбитражное соглашение, так и арбитражную оговорку в основном договоре. Причем его действительность оценивается независимо от основного договора. То есть недействительность договора не влечет автоматически недействительность арбитражного соглашения. Также стороны имеют право заключать арбитражное соглашение по правоотношениям, находящимся вне основного договора (статья 808 bis Кодекса).

Отметим, что обязательным условием является письменная форма арбитражного соглашения (статья 807 Кодекса), причем подтверждение воли сторон телеграфом,

¹ UNCITRAL “Model Law on International Commercial Arbitration” of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985 No 40/72 and of December 4, 2006 No 61/33. URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration>

² Codice di proceduracivile, Libro IV, Titolo VIII Dell'arbitrato. Regio Decreto 28 ottobre, 1940, n. 1443 in G.U. 28 ottobre, 1940. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/home>

³ Decretolegislativo, 02.02.2006, no. 4.0, G.U. 15.02.2006. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/home>

факсом и электронным сообщением признается в качестве письменной формы. Соответственно, несоблюдение письменной формы повлечет недействительность арбитражного соглашения.

Толкование или интерпретация арбитражного соглашения проводится в пользу последнего. Априори считается, что арбитражное соглашение касается всей совокупности правоотношений, возникающих из договора (статья 808 quater Кодекса).

Законодательство справедливо признает арбитражное соглашение как выражение воли сторон и основание для арбитражного разбирательства спора и предусматривает положения, направленные на защиту указанной воли сторон. Причем стороной спора, помимо частных субъектов экономического оборота, могут быть и государственные организации. Органами законодательной власти «возможность арбитража в спорах против государственных учреждений была подтверждена в принципе» [4, р. 8].

3. Арбитрабельность споров. Рассмотрим далее вопрос подведомственности споров. Статья 806 Кодекса указывает, что стороны имеют право арбитражного разрешения возникших между ними споров, за исключением споров, предметом которых являются недоступные правоотношения, и за исключением споров, арбитражное разрешение которых запрещено законом. Очень общая и неконкретная формулировка, по сути отсылающая к другим положениям законодательства.

В той же статье 806 Кодекса указывается, что категория споров, предусмотренная статьей 409 Кодекса, может быть предметом арбитражного разбирательства, если это предусмотрено законом или коллективным трудовым соглашением. Вышеуказанная статья 409 Кодекса касается индивидуальных трудовых споров в рамках трудовых правоотношений. Данные споры могут быть предметом арбитражного разбирательства при наличии согласия сторон (статьи 412, 412 ter, 412 quater Кодекса).

Обратим внимание, что в предыдущей редакции Code до вступления в действие Законодательного Декрета № 40 от 2 февраля 2006 г., в статье 406 Кодекса было прямо указано на неарбитрабельность индивиду-

альных трудовых споров, а также споров по вопросам брачно-семейных отношений.

Сейчас, как было указано ранее, трудовые споры могут быть рассмотрены арбитражем. Процедуры, относящиеся к семье и статусу лиц, регулируемые разделом II четвертой книги Кодекса, подведомственны исключительно государственным судам. Например, споры в области брачно-семейных отношений (статьи 706, 736 bis Кодекса), ответственности родителей (статья 709 ter Кодекса), признания умершим (статья 721 Кодекса), признания недееспособным (статья 712 Кодекса), правоотношений несовершеннолетних и инвалидов (статья 712 Кодекса). Наследственные правоотношения, регулируемые разделом IV четвертой книги Кодекса; правоотношения в сфере расторжения общего имущества, регулируемые разделом V четвертой книги Кодекса, правоотношения в сфере ипотеки, регулируемые разделом VI четвертой книги Кодекса, также разбираются государственными судами.

Обратим внимание на вопрос возможности арбитражного разбирательства определенных видов корпоративных споров. Законодательство «исключило возможность арбитража в рассмотрении споров относительно правоотношений, возникающих из договора концессии» [4, р. 8].

В свою очередь, споры в сфере общественных работ в целом являются арбитрабельными, несмотря на некоторые ограничения, налагаемые антикоррупционным законодательством [4, р. 8-10].

Представляется, что отсутствие прямого и четкого указания видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных арбитражным учреждениям, в одной статье Кодекса является упущением законодателя и усложняет работу практикующих юристов. В соответствии с эффективной юридической техникой целесообразно указать все виды вышеуказанных споров в одном положении Кодекса, а не распылять данную информацию по всему документу.

Конкретный спор признается арбитрабельным или неарбитрабельным самим составом арбитража. Статья 817 Кодекса гласит, что стороны могут оспорить компетенцию арбитров и вопросы арбитражного соглашения (действительность, объем, содер-

жание). В таком случае арбитры самостоятельно принимают решение об определении собственной компетенции на рассмотрение спора. Причем, если сторона спора не оспаривала указанные вопросы, впоследствии она не может оспорить арбитражное решение по данным основаниям.

О решении вопроса компетенции арбитража и арбитров при отсутствии оспаривания данной компетенции одной из сторон Кодекса прямо не говорит.

Представляется, что состав арбитража априори сам решает вопрос о собственной компетенции и возможности разбирательства дела. Что следует из признанной доктрины компетенции. Также итальянская правовая доктрина утверждает «признание концептуальной автономии арбитража» [6, р. 54].

4. Оспаривание и отмена арбитражного решения по основаниям нарушения правил подведомственности и компетенции. Далее рассмотрим вопросы отмены арбитражного решения. Статья 808 ter Кодекса указывает перечень оснований для аннулирования арбитражного решения компетентным государственным судом. Перечислим данные основания: недействительность арбитражного соглашения или вынесение решения арбитрами за пределами арбитражного соглашения (если сторона выдвинула возражение в ходе разбирательства спора), нарушение правил назначения арбитров (или условий арбитражного соглашения о назначении арбитров), вынесение решения лицом, не имеющим право быть арбитром, нарушение правил разбирательства (предусмотренным арбитражным соглашением или регламентом арбитража), несоблюдение принципа состязательности. Последняя формулировка достаточно общая. Действительно, принцип состязательности «позволит сторонам процесса более эффективно защищать свои права и законные интересы» [7, с. 47]. Но в каждой конкретной ситуации вопросы соблюдения или несоблюдения данного принципа будет решать компетентный государственный суд.

Следовательно, если арбитры в процессе разбирательства споров выходят за пределы собственной компетенции, возможно аннулирование арбитражного решения при соблюдении вышеупомянутых условий.

Также статья 829 Кодекса содержит обширный перечень оснований для признания недействительным арбитражного решения. Помимо оснований, предусмотренных статьей 808 ter Кодекса, содержатся также и другие основания, связанные с решением арбитража, такие как несоблюдение правил оформления решения (предусмотренных настоящим Кодексом), объявление решения после истечения установленного срока, противоречие решения вступившему в законную силу иному арбитражному или судебному решению, противоречивость решения, если в решении нет определения существа споров и разрешения вопросов, предложенных сторонами.

Также основание отмены арбитражного решения является несоблюдение формальных процедур во время разбирательства дела, если оно может повлечь неблагоприятные последствия, связанные с юридической ничтожностью. Формулировка не слишком ясная, но возможно ее трактовать как нарушения подведомственности арбитража на рассмотрение спора. Если арбитраж разбирает спор, который не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону, решение будет юридически ничтожно.

Заключение

Законодательство Италии указывает, что предметом арбитражного разбирательства могут быть споры между сторонами при отсутствии законодательного запрета. То есть разрешено то, что не запрещено законом. Более вопрос подведомственности не конкретизируется в Гражданском процессуальном кодексе Италии, книга 4, раздел 8 Арбитраж. Информация о неарбитрабельных спорах имеется в ряде разрозненных статей настоящего Кодекса.

Прочитую одну из своих предыдущих публикаций. «Автор полагает необходимым предусмотреть указание всех видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одном правовом акте, регулирующем институт коммерческого арбитража, при необходимости делая на него ссылки в иных правовых актах. С точки зрения научных положений юридической техники, реализация данного предложения существенно увеличит

удобство работы с правовыми актами и в итоге качество законодательства» [3, с. 318].

Настоящее утверждение применимо также и законодательству Италии. Полагаю целесообразным добавить статью в рассматриваемый Кодекс, которая четко и без противоречий будет указывать круг неарбитрабельных споров.

В окончании настоящей статьи приведем следующую оценку института арбитража, который «представляет собой альтернативный метод разрешения споров по отношению к деятельности государственных су-

дов и поручается выбранному сторонами частному арбитру, потенциально способному гарантировать принятие решения, которое в большей степени соответствует особенностям спора и в любом случае будет более оперативно» [8, р. 805].

Согласимся, что «в настоящее время институт коммерческого арбитража действительно имеет перспективы» [9, р. 2].

Следовательно, необходимо совершенствовать правовое регулирование вопросов арбитрабельности споров во избежание юридических ошибок.

Список источников

1. *Гавриленко В.А.* Третейское разбирательство споров. Великий Новгород, 2007. 166 с. <https://elibrary.ru/qxkdgl>
2. *Shelkopyas N.* The Application of EC Law in Arbitration Proceedings. Groningen: Europa Law Publ., 2003. 488 p.
3. *Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuy>
4. *Verde G.* Lineamenti di diritto dell'arbitrato. Torino: Giappichelli Editore, 2015. 262 p.
5. *Mandrioli C., Carratta A.* Corso di diritto processuale civile. Torino: Giappichelli Editore, 2019. 400 p.
6. *Guido A., Vincenzo V.* Arbitrato: profili di diritto sostanziale e di diritto processuale. Torino: UTET Giuridica, 2013. 1518 p.
7. *Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е.* Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42-49. <https://elibrary.ru/lzyfjg>
8. Commentario breve al diritto dell'arbitrato nazionale ed internazionale / ed. by M.V. Benedettelli, C. Consolo, L. Radicati di Brozolo. Padova: Cedam, 2017. 1408 p.
9. *Schinazi M.* The Three Ages of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>

References

1. Gavrilenko V.A. (2007). *Treteiskoe razbiratel'stvo sporov* [Arbitration of Disputes]. Veliky Novgorod, 166 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxkdgl>
2. Shelkopyas N. (2003). *The Application of EC Law in Arbitration Proceedings*. Groningen, Europa Law Publ., 488 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuy>
3. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuy>
4. Verde G. (2015). *Lineamenti di diritto dell'arbitrato*. Torino, Giappichelli Editore, 262 p. (In Ita.)
5. Mandrioli C., Carratta A. (2019). *Corso di diritto processuale civile*. Torino, Giappichelli Editore, 400 p. (In Ita.)
6. Guido A., Vincenzo V. (2013). *Arbitrato: profili di diritto sostanziale e di diritto processuale*. Torino, UTET Giuridica, 1518 p. (In Ita.)
7. Kovaleva N.V., Kuznetsov E.E. (2023). Appointment of examination in civil proceedings under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 1 (58), pp. 42-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzyfjg>
8. Benedettelli M.V., Consolo C., Radicati di Brozolo L. (eds.). (2017). *Commentario breve al diritto dell'arbitrato nazionale ed internazionale*. Padova, Cedam, 1408 p. (In Ita.)

9. Schinazi M. (2021). *The Three Ages of International Commercial Arbitration*. Cambridge, Cambridge University Press, 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>

Поступила в редакцию / Received 11.06.2023

Поступила после рецензирования / Revised 14.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-441-449>

Шифр научной специальности 5.1.4

Тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела (эмпирический анализ)

© **ЦВЕТКОВ Юрий Анатольевич**,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0000-0002-7699-5898>, Yutsvet@yandex.ru

Аннотация

Объектом исследования являются основные направления уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела. Исследование построено в индуктивном порядке (от фактов к выводам) и направлено на решение ключевой исследовательской задачи – выявить объективные тенденции правоприменения на этой стадии уголовного процесса. Основной эмпирической базой исследования стали данные федерального и ведомственных статистических наблюдений о количестве поступающих сообщений о преступлениях, результатах их проверки, стабильности процессуальных решений об отказе и о возбуждении уголовного дела, эффективности прокурорского надзора, ведомственного (процессуального) и судебного контроля за обоснованностью и законностью указанных решений. Наряду с отдельными проблемами установлена в целом положительная динамика правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела. Опровергнут тезис ряда ученых о якобы неэффективности существующих процессуальных механизмов проверки сообщений о преступлениях и необходимости отказа от института возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова

эмпирические исследования права, сообщение о преступлении, возбуждение уголовного дела, качество уголовно-процессуальной деятельности

Для цитирования

Цветков Ю.А. Тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела (эмпирический анализ) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 441-449. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-441-449>

Law enforcement trends at the stage of initiating a criminal case (empirical analysis)

© Yuri A. TSVETKOV,

PhD (Law), Associate Professor, Head of Criminal Procedure Department, Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7699-5898>, Yutsvet@yandex.ru

Abstract

The study object is the criminal procedure activities main directions of the preliminary investigation bodies at the stage of initiating a criminal case. The study is built in an inductive order (from facts to conclusions) and is aimed at solving a key research task – to identify objective trends in law enforcement at this criminal process stage. The main empirical basis of the study was the data of federal and departmental statistical observations on the number of incoming reports of crimes, the results of their verification, the stability of procedural decisions to refuse and initiate criminal proceedings, the effectiveness of prosecutorial supervision, departmental (procedural) and judicial control over the validity and legality of these decisions. Along with certain problems, a generally positive dynamics of law enforcement at the stage of initiating a criminal case has been established. The thesis of a number of scientists about the alleged inefficiency of the existing procedural mechanisms for checking reports of a crime and the need to abandon the institute of initiating a criminal case is refuted.

Keywords

empirical studies of law, a crime reporting, initiation of a criminal case, quality of criminal procedure activity

For citation

Tsvetkov, Yu.A. (2023). Law enforcement trends at the stage of initiating a criminal case (empirical analysis). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 441-449 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-441-449>

Введение

Одной из знаковых для уголовно-процессуальной науки тем последнего десятилетия является стадия возбуждения уголовного дела. Под дискуссии о ней выделяют целые выпуски «толстых» журналов¹ и площадки научных форумов². Отдельные ученые, представляющие преимущественно ведомственную науку МВД России, упорствуют в идее полного ее исключения из УПК, не утруждая себя ответом на многочисленные аргументы противников этой деструктивной инициативы [1].

С момента принятия УПК Российской Федерации в его раздел VIII значимые из-

менения внесены тринадцатью федеральными законами, приняты межведомственные и иные подзаконные нормативные акты, регламентирующие порядок учета сообщений о преступлениях и прокурорского надзора за обоснованностью процессуальных решений на этой стадии. Однако принятые меры, по мнению ряда авторов, не только не решили существующих, но лишь добавили новых проблем [2].

Большинство высказанных учеными оценок носит спекулятивный характер, а формулируемые предложения представляют собой оторванное от реальности доктринерство. Наблюдается дефицит суждений, основанных на эмпирических исследованиях и отражающих действительность правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела. Если же отдельные авторы и пытаются подвести под свои предложения эмпирическую базу, например, статистические данные, то делают это выборочно, иллюстративно, вне системного контекста и понимания глу-

¹ Дискуссионная трибуна (18 статей) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 20-201. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33943796>

² Секция «Стадия возбуждения уголовного дела – за и против» // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.): в 2 ч. М.: Академия СК России, 2014. Ч. 1. С. 29-347. <https://elibrary.ru/ylubch>

бинных явлений, которые просматриваются за теми или иными данными [3].

Задачей настоящей статьи является построение исследования в обратном, индуктивном направлении – от фактов к выводам, то есть проанализировать статистические данные в их системной взаимосвязи, с тем чтобы выявить объективные тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела.

Методология исследования

Представляемое исследование автор реализует с позиций правового реализма. В основе этого подхода лежит разделение концепции правовой действительности на аксиологическую и эмпирическую составляющие. Они восходят к идеям немецкого социолога М. Вебера, который в изучении правопорядка выделял два аспекта: должное (*sein*) и сущее (*sollen*). Реалисты делают акцент на изучении сущего, то есть эмпирической действительности, в которой реализуются нормы права [4]. Так сформировалось отдельное направление правовых исследований – *Empirical Legal Studies* (эмпирические правовые исследования), приверженцы которого широко используют методы социальных и естественных наук [5].

Эмпирический анализ правовых явлений следует проводить на трех уровнях. Первый уровень – это изучение статистических данных в масштабе *big data*. Только так выявляют крупные тенденции, переходящие в тренды. Второй уровень – казуистический, на котором происходит сбор и обобщение следственной и судебной практики [6–8]. На третьем уровне изучают поведение и механизмы принятия решений конкретных правоприменителей, для чего применяют социологические исследования либо модельные эксперименты [9]. Использование трех уровней создает предпосылки для получения наиболее полных, всесторонних и объективных выводов. Так, глубокий анализ статистических данных возможен только при условии понимания того, как они формируются в практической деятельности процессуальных акторов. В то же время фокус на казусах создает риски однобокости, когда какому-то пусть даже яркому, но все же единичному случаю приписывают качество типичности.

Рамки настоящей статьи ограничивают исследование преимущественно первым уровнем – анализом статистических данных на основе федерального статистического наблюдения № 2-Е «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлениях» за период с 2019 по 2022 г. (данный период взят во избежание ситуативных искажений, исходя из того, что 2019 г. оказался последним «предковидным», а 2022 г. – первым «постковидным» годом). Для более детального анализа отдельных тенденций использованы статистические данные о деятельности Следственного комитета Российской Федерации.

Результаты исследования

1. Основной тренд правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела

Анализ статистических данных о результатах рассмотрения органами предварительного расследования сообщений о преступлениях позволяет выделить две магистральные тенденции: стабильность по трем базовым показателям (количества сообщений о преступлениях и принятых по результатам их проверки процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела) при постоянном сокращении числа отмененных постановлений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела (табл. 1).

На каждое уголовное дело приходится примерно 3,5 «отказных» материала. Однако такое соотношение существовало не всегда. Б.Я. Гаврилов отмечает, что с 2006 г. произошло двукратное (с 3,3 млн) сокращение количества возбужденных уголовных дел с одновременным увеличением массы «отказных» материалов (с 4,5 до 6,8 млн) при неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях. Выявленное обстоятельство ученый ставит в вину возбуждению уголовного дела и аргументирует таким способом необходимость исключения данного института из УПК [3]. Приведенная позиция – пример поверхностного анализа статистических данных, когда соответствующие показатели искусственно «притягиваются» к заранее сделанным выводам.

Во-первых, утверждение профессора содержит логическую ошибку. Стадия возбуждения уголовного дела введена в уголовный процесс не с 2006 г., а гораздо раньше – с

момента принятия УПК РСФСР 1960 г. Законодатель лишь воспроизвел ее с некоторыми модификациями в УПК РФ 2001 г. Поэтому если соотношение между количеством уголовных дел и «отказных» материалов изменилось только после 2006 г., причина здесь явно не в самом институте возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, сделанный профессором вывод имплицитно содержит в себе другую более серьезную гипотезу: происходит не сокращение преступности, а массовое сокрытие ее от учета посредством необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела. Опровергнуть ее с помощью прямых доказательств почти невозможно, впрочем, как и доказать. Между тем существуют косвенные

показатели, по которым можно оценить достоверность тренда на общее снижение уровня преступности – это сокращение числа преступлений, которые характеризуются низкой латентностью в силу того, что их сложно утаить. Таким индикативным видом преступлений, безусловно, являются убийства. За последние 15 лет мы регистрируем неуклонное сокращение их числа с 20 тыс. в 2008 г. до 7,6 тыс. в 2022 г. Таким образом, уменьшение количества возбужденных уголовных дел является следствием снижения уровня преступности, хотя и фактор регулируемого сокращения, особенно в части регистрации корыстных преступлений, полностью исключать нельзя.

Результаты рассмотрения сообщений о преступлениях в 2019–2022 гг. Таблица 1
Table 1
 The review results of crimes reports in 2019–2022

Параметры		Годы			
		2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Поступило сообщений о преступлениях	СК	849 429	795 245	785 587	747 560
	МВД	12 300 934	11 579 385	11 625 063	11 937 538
	Иные органы*	343 444	316 276	329 398	318 291
	Всего	13 493 807	12 690 906	12 740 048	13 003 389
Возбуждено уголовных дел	СК	134 741	134 129	134 557	132 951
	МВД	1 685 556	1 709 354	1 669 580	1 615 309
	Иными органами	62 452	54 321	66 067	66 782
	Всего	1 882 749	1 897 804	1 870 204	1 815 042
Отказано в возбуждении уголовного дела	СК	452 396	424 034	417 883	385 928
	МВД	6 027 536	5 546 740	5 694 244	5 963 959
	Иными органами	134 397	127 029	130 590	118 686
	Всего	6 614 329	6 097 803	6 242 717	6 468 573
Отменено постановлений о возбуждении уголовного дела → с последующим возбуждением уголовного дела	СК	745 → 143	361 → 66	319 → 51	457 → 66
	МВД	16 376 → 3 762	14 207 → 2 819	12 891 → 2 336	9 743 → 1 559
	Иных органов	404 → 88	284 → 76	633 → 117	420 → 94
	Всего	17 525 → 7 898	14 852 → 2 961	13 843 → 2 504	10 620 → 1 719
Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела → с последующим возбуждением уголовного дела	СК	45 642 → 682	38 553 → 488	36 074 → 399	32 405 → 306
	МВД	1 242 559 → 181 511	1 109 994 → 185 042	1 018 865 → 172 037	966 941 → 171 164
	Иных органов	20 303 → 1 444	19 453 → 1 425	19 351 → 2 025	17 161 → 1 888
	Всего	1 308 504 → 183 637	1 168 000 → 186 955	1 074 289 → 174 461	1 016 507 → 173 358

Примечание: * – ФСБ России, ФТС России, ФССП России, МЧС России и ФСИН России.

В-третьих, такое соотношение наблюдается только в СК России и МВД России, в то время как для органов предварительного расследования на базе ФСБ России, ФТС России, ФССП России и МЧС России характерно как раз преобладание числа возбуждений в 3–5 раз над отказами в возбуждении уголовных дел. Причина этого может скрываться в подследственности и, соответственно, структуре самих сообщений о преступлениях. Так, в структуре сообщений о преступлениях, поступивших в органы безопасности, будут превалировать результаты оперативно-розыскной деятельности, содержащие более надежные сведения о совершенном преступлении, нежели те, что содержатся в заявлениях граждан и организаций, поступающих преимущественно в органы внутренних дел и Следственного комитета.

2. Как работают процессуальные «фильтры»?

Одной из важнейших функций возбуждения уголовного дела как института уголовного процесса является «фильтрация» сообщений о преступлениях. На этой стадии происходит отделение «зерен от плевел», препятствующее распылению активности правоохранительных органов на заведомо негодные объекты и сосредоточивающее ее на том, что юридически и социально значимо. В 2012 г. в СК России поступило 985 612 сообщений о преступлении, а возбуждено только 131 974 уголовных дела – 13,39 % от общего числа поступивших сообщений³, что указывало на низкую пропускную способность «фильтра». За десять лет ситуация существенно изменилась. Удельный вес возбужденных уголовных дел в общей массе рассмотренных сообщений о преступлении к 2022 г. составил уже 22,1 %⁴.

В то же время обращает на себя внимание резкое несоответствие между количест-

вом поступивших сообщений о преступлениях и принятых процессуальных решений. Каждый год куда-то «пропадает» до 5 млн сообщений о преступлениях. Одним из способов объяснить эти мистерии является феномен двойного учета, который возникает при передаче сообщений о преступлениях по подследственности. Однако сложно поверить, что он один дает такую большую погрешность.

«Фильтрация» сообщений о преступлениях, которая происходит на стадии возбуждений уголовного дела, является вторичной. Первичную «фильтрацию» следователи реализуют в силу их полномочия признавать за тем или иным обращением статус сообщения о преступлении и тем самым «запускать» процессуальный механизм их проверки. В практике следственных органов для придания тому или иному обращению статуса сообщения о преступлении выработались соответствующие критерии, которые отчасти нашли отражение и в ведомственных нормативных документах СК России⁵. В 2012 г. в системе СК России рассмотрено 279 702 обращения граждан и организаций. Непросто вычленив из общей массы рассмотренных обращений те, в которых содержались требования о возбуждении уголовного дела, однако, по ряду косвенных признаков к этой категории можно отнести обращения по вопросам приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, которые составили 71 485 обращений⁶. В настоящее время сокращение в Следственном комитете количества сообщений о преступлениях происходит кратно росту числа рассмотренных обращений граждан (в 2022 г. – 485 653). Таким образом, правовой механизм, заложенный в пункте 20 названной Инструкции, следователи исполь-

³ См.: Статистический отчет «Сведения о деятельности следственных органов СК России на досудебной стадии уголовного судопроизводства за 2012 г.».

⁴ Здесь и далее, если это специально не оговорено, данные о работе СК России приводятся по: Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2022 год и задачах на 2023 год: материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации. М.: СК России, 2023. 116 с. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1771051/>

⁵ Положения пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы СК России, утвержденной приказом Председателя СК России от 11.10.2012 № 72, позволяют не регистрировать в ряде случаев в качестве сообщений о преступлениях заявления о возбуждении уголовных дел в отношении судей, прокуроров и следователей.

⁶ См.: Статистический отчет «Сведения о деятельности следственных органов СК России на досудебной стадии уголовного судопроизводства за 2012 г.».

зуют более активно, и сообщения о преступлениях «переквалифицируются» в обращения граждан. Тем самым сокращается дисперсия в числе решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела.

3. Качество процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела

Основным косвенным признаком качества работы органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела является количество процессуальных решений, отмененных субъектами прокурорского надзора, процессуального (ведомственного) и судебного контроля. Как мы отметили в самом начале, по всем этим показателям наблюдается тенденция к их сокращению: на десятки по решениям о возбуждении и на сотни тысяч – по решениям об отказе в возбуждении уголовного дела. Конечно, хотелось бы думать, что данный тренд стал результатом только того, что следователи и дознаватели стали работать лучше. Однако нельзя исключать действия субъективного фактора, связанного с назначением в 2020 г. нового Генерального прокурора Российской Федерации и, как следствие, отхода от установки на «отмену ради отмены». Ведь именно прокуроры остаются основными «производителями» постановле-

ний об отмене процессуальных решений, принимаемых на стадии возбуждения уголовного дела (см. рис. 1).

Примерно такое же соотношение инициаторов отмены постановлений о возбуждении уголовного дела: в 2022 г. отменили 82 % таких постановлений прокуроры, 13,1 % – руководители следственных органов и 4,5 % отменены в связи с исполнением постановления суда. Так, если ежегодно отменяется каждое шестое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, нельзя утверждать, что в каждом шестом случае происходит сокрытие преступления от учета. Для оценки эффективности прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля необходимо оценивать эти показатели во взаимосвязи с данными о том, какая доля возбужденных уголовных дел образуется из общей массы отмен. Эффективность деятельности по отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2022 г. составила всего 17 % – такова доля уголовных дел, возбужденных по результатам дополнительной проверки. Прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль за обоснованностью и законностью возбуждения уголовного дела гораздо более эффективен: после отмены таких постановлений возбуждается только 16 % уголовных дел.

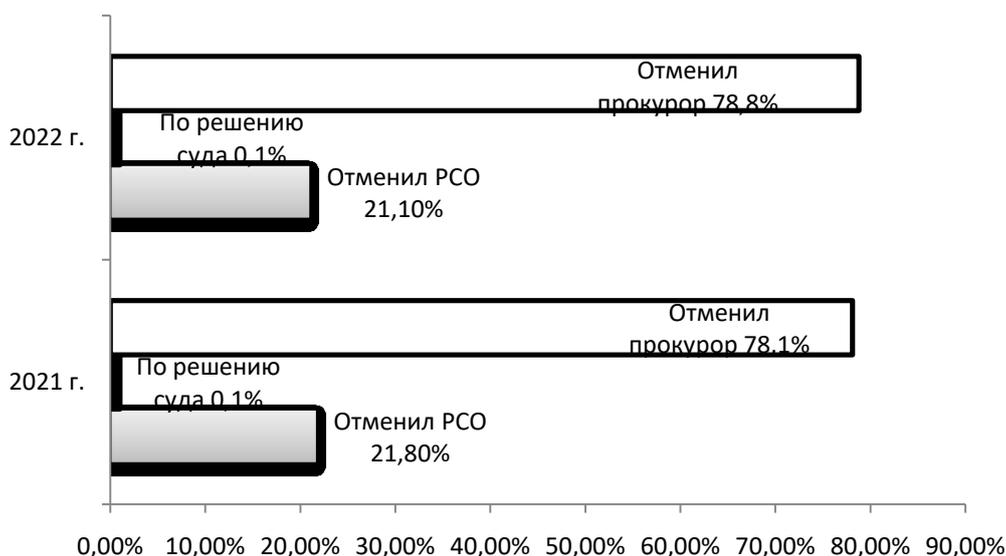

Рис. 1. Инициаторы отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в СК России
Fig. 1. The decisions abolition initiators to refuse to initiate criminal proceedings in the Russian Investigative Committee

Между тем поверхностным было бы утверждать и обратное, что если по результатам дополнительной проверки уголовное дело так и не возбудили, то отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела была необоснованной. Если проверка проведена неполно, то в ее материалах просто не хватит данных для определения наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела.

4. Проблема распределения нагрузки по рассмотрению сообщений о преступлениях

Основным процессуальным актором на стадии возбуждения уголовного дела, как, впрочем, и во всем уголовном судопроизводстве, является МВД России, сотрудники которого рассматривают сообщений о преступлениях и принимают по ним процессуальных решений в десять раз больше, чем сотрудники всех иных вместе взятых органов предварительного расследования. На втором месте по объему процессуальной работы, хотя и с большим отрывом от МВД России, находится Следственный комитет Российской Федерации. Его сотрудники разрешают сообщений о преступлениях в два раза больше, чем все пять оставшихся органов предварительного расследования в совокупности. Разрыв между объемом процессуальной нагрузки МВД России и СК России сохраняется и тогда, когда мы учитыва-

ем деятельность только следственных органов (без дознания). По количеству возбужденных уголовных дел он составил 1 : 7 (см. рис. 2).

Если неравномерность распределения нагрузки на стадии возбуждения уголовного дела между различными органами предварительного расследования предопределена их закрепленной в законе подследственностью, то аналогичное явление внутри ведомства обусловлено другими факторами. Среднемесячная нагрузка следователей СК России по проверке сообщений о преступлениях незначительно сократилась по сравнению с прошлым годом с 6,2 до 5,8 сообщений. Вместе с тем необходимо учитывать, что распределена она неравномерно. Следователи региональных и центрального аппаратов следственных органов проводят такие проверки лишь в единичных случаях. В республиках Коми, Крым, Удмуртия, городе Севастополе, Оренбургской, Смоленской и Омской областях нагрузка следователей по разрешению сообщений о преступлениях составляет более 10 в месяц.

Возникает вопрос, почему отдельные регионы по объему нагрузки на следователей выпадают из общего тренда?

Простым объяснением могло бы стать то, что большое количество материалов проверки – это лишь составная часть в общей более высокой нагрузке следователей того

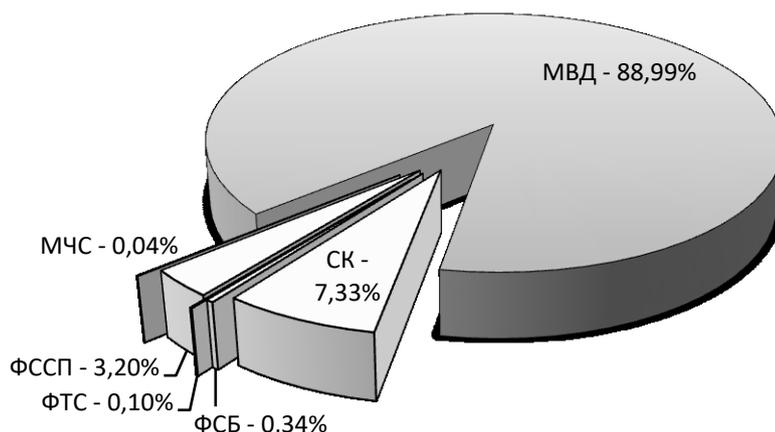

Рис. 2. Доля уголовных дел, возбужденных органами предварительного расследования в 2022 г.
Fig. 2. Proportion of criminal cases initiated by preliminary investigation authorities in 2022

или иного регионального управления либо районного отдела. Однако это «простое» объяснение (по крайней мере, на 2022 г.) эмпирически не подтверждается. Статистически значимый отрыв в сторону роста среднемесячной нагрузки по оконченным уголовным делам показал в 2022 г. только одно следственное управление – по Самарской области (1,6 против 1,1 общефедерального).

Второй фактор – позиция прокуратуры, требующая проведения процессуальных проверок без достаточных к тому оснований, например, по всем фактам обнаружения трупов, в том числе и без явных признаков криминальности смерти (что как раз характерно для Смоленской области) [10].

В-третьих, на объем сообщений о преступлениях оказывают влияние особенности самого региона, жители которого чаще обращаются с заявлениями о преступлении. Последнее свойственно новым регионам, таким, как Крым и Севастополь, где становление системы правоохранительных органов стимулирует гражданскую активность населения.

Заключение

Эмпирический анализ правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела показал, что статистические данные, которые не поддавались бы рациональному объяснению, отсутствуют. Все они укладываются в рамки закономерностей, обусловленных такими объективными факторами, как особенности законодательного регулирования, в частности, подследственность, вносимые в законодательство изменения, а также динамика преступности.

Проведенное исследование позволило выявить положительные тенденции, указывающие на «оздоровление» практики правоприменения на этой стадии уголовного судопроизводства, а именно:

– стабилизация основных показателей (количества поступающих сообщений о преступлении, решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела);

– улучшение качества проверок сообщений о преступлениях и принимаемых по их результатам процессуальных решений, что проявилось в сокращении числа отмененных решений;

– повышение эффективности прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля за обоснованностью и законностью решений об отказе в возбуждении и о возбуждении уголовного дела, выражающееся в сокращении необоснованно отмененных процессуальных решений;

– рост «пропускной способности» стадии возбуждения уголовного дела как процессуального «фильтра», повлиявший на увеличение удельного веса постановлений о возбуждении уголовного дела в общей массе процессуальных решений, принимаемых по результатам проверки сообщений о преступлениях.

Результаты объективного анализа деятельности органов предварительного расследования опровергают утверждения некоторых ученых о том, что существующий порядок проверки сообщений о преступлениях неэффективен и не отвечает назначению уголовного судопроизводства. Отдельные проблемы, как, например, неравномерность распределения нагрузки на стадии возбуждения уголовного дела, должны решаться при помощи мер организационно-управленческого характера.

Реалистический подход к исследованию процессуальных институтов, опирающийся на методы объективного анализа, надежно предохраняет от опасных законодательных авантюр, инспирируемых учеными, жаждущими геростратовой славы в истории науки.

Список источников

1. *Гаврилов Б.Я.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: законодательство, наука и практика // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2022. С. 76-83. <https://elibrary.ru/miaknc>
2. *Логунов О.В., Умнов С.П., Кутуев Э.К.* Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 88-93. <https://elibrary.ru/ypdapb>

3. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 68-76. <https://elibrary.ru/whzzjg>
4. Holtermann J., Madsen M. European new legal realism and international law: how to make international law intelligible // *Leiden Journal of International Law*. 2015. Vol. 28. Issue 2. P. 211-230. <https://doi.org/10.1017/S0922156515000047>
5. Epstein L., Martin A.D. *An Introduction to Empirical Legal Research*. N. Y.: Oxford University Press, 2014. 352 p.
6. Следственные ошибки / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ, 2016. 157 с.
7. Новые следственные ошибки / под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ, 2019. 302 с.
8. Новейшие следственные ошибки / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: ЮНИТИ, 2021. 415 с. <https://elibrary.ru/ryddae>
9. Цветков Ю.А. Психология принятия управленческих решений в следственных органах в ситуации этической неопределенности // *Юридическая психология*. 2018. № 1. С. 3-6. <https://elibrary.ru/ysuxeg>
10. Цветков Ю.А. Как был «взломан» УПК // *Уголовный процесс*. 2016. № 7 (139). С. 11. <https://elibrary.ru/wcnztd>

References

1. Gavrilov B.Ya. (2022). Aktual'nye problemy ugovornogo sudoproizvodstva: zakonodatel'stvo, nauka i praktika [Current issues of criminal proceedings: legislation, science and practice]. *Sbornik materialov 7 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovnyi protsess i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika»* [Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference “Criminal Procedure and Criminalistics: Theory, Practice, Didactics”]. Ryazan, The Academy of the FPS of Russia Publ., pp. 76-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/miaknc>
2. Logunov O.V., Umnov S.P., Kutuev E.K. (2018). The stage of initiation criminal proceedings: for and against. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3 (79), pp. 88-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypdapb>
3. Gavrilov B.Ya. (2019). Sovremennoe dosudebnoe proizvodstvo: videnie uchenogo i praktika [Modern pre-trial proceedings: the vision of a scientist and practice]. *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya: teoriya i praktika»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Actual Issues of the Preliminary Investigation: Theory and Practice”]. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot Publ., pp. 68-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/whzzjg>
4. Holtermann J., Madsen M. (2015). European new legal realism and international law: how to make international law intelligible. *Leiden Journal of International Law*, vol. 28, issue 2, pp. 211-230. <https://doi.org/10.1017/S0922156515000047>
5. Epstein L., Martin A.D. (2014). *An Introduction to Empirical Legal Research*. New York, Oxford University Press, 352 p.
6. Bastrykin A.I. (ed.). (2016). *Sledstvennye oshibki* [Investigative Mistakes]. Moscow, UNITY Publ., 157 p. (In Russ.)
7. Bagmet A.M. (ed.). (2019). *Novye sledstvennye oshibki* [New Investigative Mistakes]. Moscow, UNITY Publ., 302 p. (In Russ.)
8. Tsvetkov Yu.A. (ed.). (2021). *Noveishie sledstvennye oshibki* [Newest Investigative Mistakes]. Moscow, UNITY Publ., 415 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ryddae>
9. Tsvetkov Yu.A. (2018). Psychology of making managerial decisions in investigative bodies in a situation of ethical uncertainty. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology], no. 1, pp. 3-6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ysuxeg>
10. Tsvetkov Yu.A. (2016). How the CCP was hacked. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, no. 7 (139), p. 11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wcnztd>

Поступила в редакцию / Received 14.04.2023

Поступила после рецензирования / Revised 07.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ NATIONAL SECURITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>

Шифр научной специальности 5.1.1

Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования

© КОЛОТКИНА Оксана Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Российская Федерация, Свердловская область, 620000, г. Екатеринбург, 8 Марта/Народной Воли, 62/45, <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>, oks-kolotkina@yandex.ru

© ЯГОФАРОВА Инара Дамировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Российская Федерация, Свердловская область, 620000, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>, vaina3@yandex.ru

Аннотация

Представлен теоретико-правовой анализ нового для российского законодательства понятия «комплексная безопасность детей», закрепляемого в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358. Подчеркивается необходимость разработки определения понятия «комплексная безопасность» на доктринальном уровне в связи с отсутствием соответствующего предписания, устанавливающего его содержание в самом документе стратегического планирования. Цель исследования – определить содержание понятия «комплексная безопасность детей» для обоснования возможности рассмотрения последней в качестве обособленного вида национальной безопасности, ориентированного на реализацию конкретных стратегических национальных интересов, заявленных в Стратегии национальной безопасности 2021 г. Комплексная безопасность детей является составной частью безопасности личности в целом, но на определенном этапе ее развития – детстве. Вопросы обеспечения безопасности детей в комплексной увязке с национальными интересами, стратегическими национальными приоритетами и стратегическим планированием в целом являются не изученными на доктринальном уровне и требуют их теоретической разработки. В качестве методов исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, включая специально-юридические. В качестве основных методов исследования использованы анализ, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. На основе анализа документов стратегического планирования сформулировано авторское определение понятия «комплексная безопасность детей», обозначены его содержательные элементы. Сделан вывод, что основной целью обеспечения комплексной безопасности детей является достижение беспрепятственной реализация несовершеннолетними своих

прав и законных интересов, предусмотренных нормами действующего законодательства. Обеспечение такого состояния позволит достичь гармоничного развития ребенка в качестве личности в будущем.

Ключевые слова

комплексная безопасность детей, виды национальной безопасности, стратегическое планирование, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, безопасность личности

Для цитирования

Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 450-457. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>

Comprehensive child safety is a new type of national security in the strategic planning system

© Oksana A. KOLOTKINA,

PhD (Law), Associate Professor of Competition Law and Anti-Monopoly Regulation Department, Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoi Voli, Yekaterinburg, 620000, Sverdlovsk Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>, oks-kolotkina@yandex.ru

© Inara D. YAGOFAROVA,

PhD (Law), Associate Professor of Competition Law and Anti-Monopoly Regulation Department, Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoi Voli, Yekaterinburg, 620000, Sverdlovsk Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>, vaina3@yandex.ru

Abstract

The article presents a theoretical and legal analysis of the concept of “comprehensive child safety”, which is new to Russian legislation, and is enshrined in the Strategy of comprehensive child safety in the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the President of the Russian Federation Decree no. 358 of May 17, 2023. It is emphasized that it is necessary to develop a definition of “comprehensive safety” concept at the doctrinal level due to the absence of an appropriate prescription establishing its content in the strategic planning document itself. The purpose of the research is to determine the content of “comprehensive child safety” concept to substantiate the possibility of considering the latter as a separate type of national security focused on specific strategic national interests’ implementation stated in the National Security Strategy 2021. Comprehensive child safety is an individual security integral part as a whole, but at childhood development stage. Ensuring the child safety issues in an integrated relationship with national interests, strategic national priorities and strategic planning as a whole are not studied at the doctrinal level and require theoretical development. General scientific and private scientific methods, including special legal ones, were used as research methods. The main research methods used are analysis, comparative legal and formal legal methods. Based on the strategic planning documents’ analysis, the author’s definition of “comprehensive child safety” concept is formulated, its content elements are indicated. The conclusion is made that the main purpose of ensuring the comprehensive child safety is to achieve the unhindered realization by minors of their rights and legitimate interests provided by current legislation norms. Ensuring such a state will allow achieving the harmonious development of the child as a person in the future.

Keywords

comprehensive child safety, national security types, strategic planning, national interests, strategic national priorities, personal security

For citation

Kolotkina, O.A., & Yagofarova, I.D. (2023). Comprehensive child safety is a new type of national security in the strategic planning system. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 450-457 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-450-457>

Введение. Постановка проблемы

В современных условиях актуализируется проблема выделения как на доктринальном, так и на законодательном уровнях новых видов национальной безопасности [1, с. 68]. Особое значение в связи с этим приобретает анализ документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Базовым документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400¹. Именно этот документ содержит перечень традиционных видов национальной безопасности. При этом важно отметить, что в отличие от действующего Федерального закона «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г.² и иных федеральных законов, регулирующих отношения в сфере обеспечения безопасности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации виды национальной безопасности ориентированы, прежде всего, на стратегические национальные приоритеты, а не на сферы ее обеспечения, что было характерно для периода конца 1990-х и начала 2000 гг. [2, с. 12].

В целом, в нормах действующего законодательства (федеральных законах и документах стратегического планирования) содержится достаточно широкий перечень видов национальной безопасности. Например, в Федеральном законе «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. такой перечень является открытым. В обозначенном Федеральном законе речь идет о четырех видах национальной безопасности – безопасность государства, общественная безопасность, безопасность личности, экологическая безопасность (статья 1). При этом в норме статьи 1 Федерального закона «О безопасности» не исключается наличие и иных видов безопасности, предусмотренных

законодательством Российской Федерации. В свою очередь, в Стратегии национальной безопасности перечень видов национальной безопасности в текстуальном выражении фактически отсутствует. Вместо видов национальной безопасности в Стратегии 2021 г. перечислены конкретные стратегические национальные приоритеты, которые выступают в современных условиях основным критерием для проведения классификации национальной безопасности и выделения ее отдельных видов/подвидов.

К традиционным видам национальной безопасности, обозначенным на законодательном уровне, можно отнести государственную, общественную, военную, информационную и иные виды. В то же время нельзя не согласиться с утверждением о том, что национальная безопасность является сложной и постоянно саморазвивающейся системой [3, с. 33]. Со временем перечень видов национальной безопасности объективно может быть дополнен иными видами национальной безопасности с учетом трансформации приоритетов стратегического планирования, появлением новых рисков и угроз национальным интересам, разработкой как на доктринальном, так и на законодательном уровнях новых параметров и критериев оценки национальной безопасности.

Анализ документов стратегического планирования позволяет сделать вывод о появлении нового особого вида национальной безопасности – комплексная безопасность детей. Такой вывод следует на основании анализа положений «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358³ (далее – Стратегия 2023 г.). Само понятие «комплексная безопасность» является достаточно новым как для действующего законодательства, так и для правовой доктрины в целом. О последнем свидетельствует фактическое отсутствие научных исследований комплексной безопасности применительно к различным субъектам, включая детей, пред-

¹ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

³ Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.: утв. Указом Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

ставителями юридической науки. Таким образом, вопросы становления понятия «комплексная безопасность детей», определения его содержания и места в системе стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности требуют дальнейшего теоретического изучения в тесной взаимосвязи с анализом норм действующего законодательства.

Цель настоящего исследования – обоснование комплексной безопасности детей в качестве особой разновидности национальной безопасности в системе стратегического планирования.

Методы

Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод). Большое внимание в работе было уделено специально-юридическим методам – методу компаративистики и формально-юридическому методу.

Результаты исследования

Видовая характеристика национальной безопасности в современных условиях находится в состоянии постоянного изменения.

Это обусловлено рядом объективных факторов. Одним из таких объективных факторов является изменение архитектуры документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности (принятие новых документов, внесение изменений в ранее действующие и др.). Так, к примеру, принятие новой Стратегии национальной безопасности 2021 г. привело к тому, что виды национальной безопасности стали классифицироваться с учетом такого критерия, как «стратегический национальный приоритет», а не «сфера обеспечения национальной безопасности».

В Указе Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обозначено *девять стратегических национальных приоритетов*. На основе проведенного анализа раздела IV Стратегии национальной безопасности «Обеспечение национальной безопасности» можно прийти к выводу о том, что в состав каждого из девяти обозначенных стратегических национальных приоритетов включен конкретный вид (подвид) национальной безопасности (табл. 1).

Соотношение стратегических национальных приоритетов с видами/подвидами национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.

Таблица 1

Table 1

Correlation of strategic national priorities with national security types/subtypes in the National Security Strategy of the Russian Federation 2021

№ п/п	Стратегический национальный приоритет	Виды/подвиды национальной безопасности
1	Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала	Безопасность нации Безопасность личности Демографическая безопасность
2	Оборона страны	Военная безопасность
3	Государственная и общественная безопасность	Политическая безопасность Криминологическая безопасность
4	Информационная безопасность	Информационная безопасность
5	Экономическая безопасность	Экономическая безопасность
6	Научно-технологическое развитие	Научно-технологическая безопасность
7	Экологическая безопасность и рациональное природопользование	Экологическая безопасность Радиационная безопасность Климатическая безопасность
8	Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти	Духовная безопасность Культурная безопасность
9	Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество	Международная безопасность

Как показал анализ положений действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, многие виды/подвиды национальной безопасности, которые объективно существуют в рамках правового поля в настоящее время, в названном документе не были обозначены. К таким видам/подвидам, к примеру, можно отнести транспортную безопасность⁴, энергетическую безопасность⁵, продовольственную безопасность⁶ и др. Обозначения таких видов национальной безопасности в данном текстуальном выражении мы не находим, притом что они объективно существуют и нашли законодательное закрепление, в том числе в отдельных документах стратегического планирования.

Начиная с 2014 г., с момента вступления в силу Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷, был утвержден целый ряд документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. К таким документам можно отнести: Стратегию национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., Доктрину продовольственной безопасности 2020 г., Доктрину информационной безопасности 2016 г.⁸, Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г.⁹

⁴ О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 30.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

⁵ О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 26.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4604.

⁶ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Фед. от 21.01.2020 № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

⁷ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Фед. от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Фед. от 14.11.2013 № Пр-2685 (документ опубликован не был).

Все эти документы дополняют друг друга в части совершенствования понятийно-категориального аппарата, используемого в сфере обеспечения национальной безопасности, а также в части расширения границ видовой характеристики национальной безопасности.

Как было отмечено ранее, появление новых видов национальной безопасности представляет собой объективный процесс, что обусловлено сложной природой самой национальной безопасности, ее ориентированием на социально-экономическое развитие страны. В современных условиях любой новый вид национальной безопасности должен (1) составлять основу стратегических национальных приоритетов (2) способствовать социально-экономическому развитию страны.

Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 была утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г. Это обусловило появление в системе документов стратегического планирования нового вида национальной безопасности – «комплексной безопасности детей». Анализ отдельных положений Стратегии 2023 г. позволяет акцентировать внимание на следующих моментах:

во-первых, исходя из общих положений Стратегии 2023 г. следует, что на законодательном уровне понятия «безопасность детей», «безопасность ребенка» и «безопасность несовершеннолетнего» являются тождественными;

во-вторых, 2023 г. отсутствует легальная дефиниция понятия «комплексная безопасность детей»;

в-третьих, содержание «комплексной безопасности детей» определяется основными направлениями государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности детей;

в-четвертых, комплексная безопасность детей должна рассматриваться в качестве одной из составляющих комплексной безопасности личности в целом. Важным жизненным этапом развития личности является детство, которое должно проходить в безопасных условиях, способствующих беспрепятственной реализации ребенком своих

прав и законных интересов в целях дальнейшего развития в качестве полноценной личности. Государство в лице государственных органов и органов местного самоуправления должно способствовать созданию таких благоприятных условий в целях обеспечения комплексной безопасности детей;

в-пятых, комплексная безопасность детей напрямую связана с такими национальными интересами, обозначенными в пункте 25 Стратегии национальной безопасности 2021 г., как сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан (пункт 1); развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия (пункт 4); укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России (пункт 7);

в-шестых, комплексная безопасность детей представлена особым механизмом противодействия со стороны государства различного рода угрозам, таким как детская смертность, детская инвалидность, низкий уровень благополучия детей, криминализация детства и др.;

в-седьмых, комплексная безопасность детей может рассматриваться в качестве особой разновидности национальной безопасности, включающей в себя отдельные элементы физической, духовной, культурной, информационной, продовольственной, демографической, криминологической [4], лекарственной, эпидемиологической, антитеррористической, образовательной, противопожарной и иных видов безопасности личности ребенка;

в-восьмых, разработка механизма обеспечения комплексной безопасности детей позволяет определить критерии безопасности несовершеннолетних и дать их оценку в целях достижения ожидаемых результатов, обозначенных в Стратегии 2023 г. в период с 2023 по 2030 гг.

Таким образом, «комплексная безопасность детей» представляет собой новое понятие, используемое в системе документов стратегического планирования в Российской Федерации. В то же время стоит отме-

тить, что легальная дефиниция, устанавливающая содержание понятия «комплексная безопасность детей», в настоящее время отсутствует.

На доктринальном уровне понятие «комплексная безопасность детей» является фактически не изученным. Работы ряда ученых посвящены отдельным вопросам, связанным с безопасностью ребенка, ее содержанием и механизмом обеспечения, включая виды данной безопасности. Так, к примеру, О.С. Рыбакова рассматривает безопасность ребенка в качестве конституционной ценности и в качестве разновидности безопасности личности в целом [5, с. 105]. Исследователь М.А. Задорина отмечает, что вопрос о разновидностях и содержании безопасности детей в настоящее время является весьма дискуссионным [6, с. 154]. Ряд авторов изучают отдельные составляющие безопасности ребенка [7–10 и др.]. Ни в одной из перечисленных работ, а также иных исследованиях, посвященных вопросам обеспечения безопасности несовершеннолетних, термин «комплексная безопасность детей» не встречается и не анализируется.

В свою очередь, предлагаем под *комплексной безопасностью детей* понимать состояние жизнедеятельности и дальнейшего развития личности ребенка, гарантированное со стороны государства в рамках единой государственной политики в условиях появления разноплановых рисков и угроз физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию с целью беспрепятственной реализации несовершеннолетним своих конституционных прав и свобод.

Заключение

Подводя итог, можно определить, что в современных условиях основным критерием для проведения классификации национальной безопасности выступает критерий «стратегический национальный приоритет», фактически заменяющий критерий «сфера обеспечения национальной безопасности», который был характерен для периода начала 2000-х гг.

В системе обеспечения национальной безопасности объективно появляются новые виды национальной безопасности, которые вне зависимости от законодательного закреп-

ления ориентированы в современных условиях на реализацию стратегических национальных приоритетов, в рамках достижения формулы «взаимодействие национальной безопасности с социально-экономическим развитием страны».

Комплексная безопасность детей включена в систему стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, получив в 2023 г. законодательное закрепление. На наш взгляд, комплексная безопасность детей представляет собой особую разновидность национальной безопасности, включающей в себя такие подвиды безопасности личности несовершеннолетнего, как физическая, духовная, культурная, информационная, образовательная, психологическая безопасность и др.

Комплексная безопасность детей представляет собой новое понятие для норм действующего законодательства в целом и системы стратегического планирования в частности. Содержание понятия «комплексная безопасность детей» как на законодательном, так и на доктринальном уровне отсутствует.

Авторы статьи предлагают под «комплексной безопасностью детей» понимать такое состояние жизнедеятельности несовершеннолетнего, при котором будут обеспечены со стороны государства и институтов гражданского общества отдельные виды безопасности (физическая, духовная, культурная и др.) с целью беспрепятственной реализации им своих конституционных прав и свобод, а также дальнейшего его развития в качестве полноценной личности.

Список источников

1. Рожкова А.К., Кочеткова И.В. Правовые основы выделения новых видов национальной безопасности // *Правоприменение*. 2020. Т. 4. № 2. С. 62-72. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(2\).67-72](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(2).67-72), <https://elibrary.ru/utjvop>
2. Афиногенов Д.А., Назаров В.П. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации // *Власть*. 2020. Т. 28. № 1. С. 9-19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7035>, <https://elibrary.ru/uxfvyb>
3. Липинский Д.А., Макарейко Н.В., Мусаткина А.А. и др. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей. М.: РИОР, 2020. 578 с. <https://doi.org/10.29039/02039-5>
4. Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Криминологическая безопасность личности и право личности на криминологическую безопасность как приоритеты стратегического планирования в РФ: теоретико-правовой аспект исследования // *Всероссийский криминологический журнал*. 2023. Т. 17. № 1. С. 44-53. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).44-53](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).44-53), <https://elibrary.ru/moencu>
5. Рыбакова О.С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 103-111. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.103-111>, <https://elibrary.ru/ozclkg>
6. Задорина М.А. Безопасность детей и ее место в системе обеспечения национальной безопасности // *Национальная безопасность / Nota Bene*. 2022. № 6. С. 152-163. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2022.6.39431>, <https://elibrary.ru/zscojc>
7. Дзанагова М.К., Бетеева М.М. Информационная безопасность детей: понятие и принципы // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 3 (183). С. 273-274. <https://elibrary.ru/xwhpig>
8. Сухов А.Н. Социально-психологическая характеристика безопасности личности // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 2. С. 317-323. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>, <https://elibrary.ru/ixnqqt>
9. Терещенко М.Н., Евтушенко И.Н., Иванова И.Ю., Комарова А.Ю. Психологическая безопасность детей в дошкольной образовательной организации // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 336-340. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0078>, <https://elibrary.ru/pjvfrd>
10. Хакимова М.В., Шепилова Н.А. К понятию «социальная безопасность» детей дошкольного возраста // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 7. С. 45-47. <https://elibrary.ru/sdktuj>

References

1. Rozhkova A.K., Kochetkova I.V. (2020). The legal issues of the substantiation of new types of national security. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, vol. 4, no. 2, pp. 62-72. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(2\).67-72](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(2).67-72), <https://elibrary.ru/utjvop>

2. Afinogenov D.A., Nazarov V.P. (2020). Problems of development of the general theory of national security in the context of adjustment of national security strategy of the Russian Federation. *Vlast'*, vol. 28, no. 1, pp. 9-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7035>, <https://elibrary.ru/uxfvyb>
3. Lipinskii D.A., Makareiko N.V., Musatkina A.A. et al. (2020). *Natsional'naya bezopasnost', yuridicheskaya otvetstvennost' i bezotvetstvennost': problemy mekhanizma vzaimodeistviya i sistemnykh svyazein* [National Security, Legal Responsibility and Irresponsibility: Problems of the Mechanism of Interaction and Systemic Relations]. Moscow, RIOR Publ., 578 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/02039-5>
4. Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. (2023). Criminological security of an individual and an individual's right to criminological security as strategic planning priorities in the Russian Federation: a theoretical-legal aspect of the problem. *Vserossiiskoi kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 17, no. 1, pp. 44-53. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).44-53](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).44-53), <https://elibrary.ru/moencu>
5. Rybakova O.S. (2020). Child safety in the context of the Russian Federation constitutional values. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 3 (112), pp. 103-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.103-111>, <https://elibrary.ru/ozclkg>
6. Zadorina M.A. (2022). Child safety and its place in the national security system. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene = National Security / Nota Bene*, no. 6, pp. 152-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2022.6.39431>, <https://elibrary.ru/zscojc>
7. Dzanagova M.K., Beteeva M.M. (2020). Children's information safety: concept and principles. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 3 (183), pp. 273-274. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xwhpig>
8. Sukhov A.N. (2022). Socio-psychological characteristics of personal safety. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 2, pp. 317-323. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>, <https://elibrary.ru/ixnqqf>
9. Tereshchenko M.N., Evtushenko I.N., Ivanova I.Yu., Komarova A.Yu. (2021). Psychological safety of children in preschool educational organizations. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 10, no. 4 (37), pp. 336-340. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0078>, <https://elibrary.ru/pjvfrd>
10. Khakimova M.V., Shepilova N.A. (2014). K ponyatiyu «sotsial'naya bezopasnost'» detei doshkol'nogo vozrasta [To the concept of "social security" of preschool children]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], no. 7, pp. 45-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdktuj>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.06.2023

Поступила после рецензирования / Revised 13.09.2023

Принята к публикации / Accepted 22.09.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
REVIEW OF LEGISLATION
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.81

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-458-464>

Шифр научной специальности 5.1.4

**Проект учреждения объединенного типа по положениям
Концепции развития УИС до 2030 года**

© ЦАРЕВА Елена Александровна,

кандидат юридических наук, начальник кафедры организации охраны и конвоирования в УИС, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, Кемеровская область, 654066, г. Новокузнецк, проспект Октябрьский, 49, <https://orcid.org/0009-0003-0338-0133>, kadaneva_elena@mail.ru

Аннотация

В целях реализации норм Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. о создании учреждений объединенного типа предпринята попытка разработки модели подобного исправительного учреждения. В исследовании рассмотрен вопрос, касающийся создания правовых и организационных основ функционирования учреждения объединенного типа. Для закрепления на правовом уровне какого-либо явления прежде всего должна быть создана теоретическая модель, предложено ее научное обоснование. При этом и в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, и в зарубежном уже присутствуют элементы предлагаемой Концепцией развития УИС модели учреждений объединенного типа. На законодательном уровне РФ предусмотрено изменение вида исправительного учреждения либо увеличивая объем прав и свобод осужденного, либо уменьшая. Статистические данные подтверждают практическую реализацию данных институтов, в связи с чем прослеживается необходимость наличия участков колонии-поселения и тюрьмы в составе проектной модели учреждения объединенного типа. Модель учреждения объединенного типа могла бы быть дополнена исправительными колониями без выделения их режимов, но с выделением условий отбывания наказания внутри одной исправительной колонии. Также в предложенной модели следует предусмотреть помещение следственного изолятора, что позволит обеспечить последовательный исправительный процесс работы с лицами, совершившими преступление. Что касается создания участка для несовершеннолетних осужденных, вызывает сомнение. Поскольку специфичность спецконтингента в виде несовершеннолетних осужденных предполагает отдельное содержание от взрослых осужденных. Наиболее оптимальной представляется идея о едином комплексе исправительных учреждений для лиц, совершивших преступление до достижения ими восемнадцатилетнего возраста, представляющим собой соединение на одной территории следственного изолятора, воспитательной и исправительной колоний. Модель учреждения объединенно-

го типа может структурно быть представлена следующим образом: помещение следственного изолятора; исправительная колония; помещение в режиме тюрьмы; участок колонии-поселения.

Ключевые слова

учреждение объединенного типа, исправительное учреждение, мультирежимное учреждение

Для цитирования

Царева Е.А. Проект учреждения объединенного типа по положениям Концепции развития УИС до 2030 года // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 3. С. 458-464. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-458-464>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-458-464>

The project of a united type institution according to the provisions of the Concept for the penitentiary system development until 2030

© Elena A. TSAREVA,

PhD (Law), Head of Security and Convoy Organization in the Penitentiary System Department, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Kemerovo Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-0338-0133>, kadaneva_elena@mail.ru

Abstract

In order to implement the norms of the Concept for the penitentiary system development of the Russian Federation until 2030 on the creation of a united type institution, an attempt was made to develop a model of such a correctional institution. The study addresses the issue of creating the legal and organizational foundations for the functioning of a united institution. To fix any phenomenon at the legal level, first of all, a theoretical model should be created, its scientific justification should be proposed. At the same time, both in the national penitentiary legislation and in the foreign one, there are already elements of the model of the united type institutions proposed by the Concept for the development of the penitentiary system. At the Russian Federation legislative level, a change in the correctional institution type is provided, either by increasing the rights and freedoms scope of the convict, or by reducing it. Statistical data confirm the practical implementation of these institutions, in connection with which there is a need for the sites presence of a colony-settlement and a prison as the design model part of a united type institution. The model of the united type institution could be supplemented by correctional colonies without distinguishing their regimes, but with the allocation of conditions for serving sentences within one correctional colony. Also, in the proposed model, it is necessary to provide for the placement of a pre-trial detention center, which will ensure a consistent corrective working process with persons who have committed a crime. As for the site creation for juvenile convicts, it raises doubts. Since the specificity of the special contingent in the form of juvenile convicts implies a separate content from adult convicts. The most optimal idea seems to be about a single complex of correctional institutions for persons who have committed a crime before they reach the age of eighteen, which is a combination of a pre-trial detention center, educational and correctional colonies on the same territory. The model of a united type institution can be structurally represented as follows: pre-trial detention center; Correctional Facility; a room in a prison regime; the colony area.

Keywords

integrated facility, correctional facility, multi-mode facility

For citation

Tsareva, E.A. (2023). The project of a united type institution according to the provisions of the Concept for the penitentiary system development until 2030. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 3, pp. 458-464. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-458-464> (In Russ., abstract in Eng.)

Введение. Постановка проблемы

Разработка проекта учреждения объединенного типа представляется основным на-

учным направлением в современном уголовно-исполнительном праве РФ в связи с определением вектора развития исправи-

тельных учреждений Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

Некоторые авторы акцентируют внимание на том факте, что Концепция является дорожной картой, которая раскрывает потенциал в соответствии с вызовами, стоящими перед УИС РФ, выстраивая цели и вектор ее развития на указанный период в соответствии с законодательством, а также с учетом международных норм и стандартов [1, с. 192].

Создатели Концепции развития УИС до 2030 г. предлагают подготовить и утвердить Генеральную схему размещения учреждений УИС, которая будет представлять собой комплекс проектных и управленческих мер, направленных на создание различных видов исправительных учреждений, учитывая специфику отдельных регионов нашей страны.

По замыслу Концепции развития УИС до 2030 г. проект учреждения объединенного типа предполагает создание подобного учреждения либо на межрегиональной основе, либо в одном регионе и должен включать в себя:

- финансово-экономическое обоснование;
- подготовку технической документации;
- создание правовых условий;
- создание организационных условий.

В данном исследовании будет рассматриваться вопрос, касающийся создания правовых и организационных основ функционирования учреждения объединенного типа. Для закрепления на правовом уровне какого-либо явления, прежде всего, должна быть создана проектная модель, предложено ее научное обоснование.

Результаты исследования

В национальном уголовно-исполнительном законодательстве и в зарубежном праве уже присутствуют элементы предлагаемой Концепцией развития УИС модели учреждений объединенного типа.

Объединенный вид дислокации учреждений присутствует практически во всех регионах страны, и это однозначно подтверждает, что в отечественной пенитенциарной

системе широко развиты явления мультирежимности и гибридности [2, с. 199].

Законодатель как будто воспринял некоторые идеи ученых о мультирежимности (гибридности) ИУ и внес в Концепцию идею об учреждениях объединенного типа. Р.З. Усеев все названные учреждения подразделяет на учреждения межвидовой и внутривидовой гибридности [3].

По мнению некоторых ученых, данные исправительные учреждения целесообразно именовать «комплексными». В первую очередь потому, что это более широкое понятие, охватывающее собой гибридные и мультирежимные учреждения и даже учреждения объединенного типа [4, с. 22].

Однако, по нашему мнению, научные термины имели место быть до того, как Концепцией развития УИС до 2030 г. данные учреждения названы учреждениями объединенного типа, поэтому оперировать следует именно этим понятием.

Российское действующее уголовно-исполнительное законодательство РФ демонстрирует примеры, когда на одной территории функционируют различные виды исправительных учреждений. Например, на территории исправительных колоний могут одновременно функционировать следственные изоляторы, исправительные колонии, участки тюрьмы или колонии-поселения. Также на территории исправительного учреждения могут отбывать наказание осужденные к принудительным работам, но изолированно на участках исправительных центров. Все это позволяет проводить научные исследования по дальнейшей практической реализации внедрения гибридных исправительных учреждений, мультирежимных или полифункциональных в систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы [5, с. 61]. В положениях Концепции развития УИС до 2030 г. подобные учреждения определены как учреждения объединенного типа.

Зарубежным странам также уже знаком опыт функционирования исправительных учреждений объединенного типа. Зарубежная система учреждений для исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, представлена многоступенчато с поэтапной сменой режима и уровня безопасности:

максимальный, средний, минимальный с полуоткрытым режимом содержания, открытые учреждения.

Каждый представленный вид учреждения имеет своим отличием от другого степень изолированности содержащихся в них осужденных от внешнего мира и остальных осужденных друг от друга.

В тюремную систему европейских стран традиционно входят полуоткрытые учреждения и открытые.

По мнению В.А. Уткина, фактически существуют всего три вида учреждений: «открытые» (исправительные колонии-поселения), «закрытые» (охраняемые исправительные и воспитательные колонии) и тюрьмы (которые, как известно, в лексиконе осужденных именуется как «крытые») [6, с. 10-11].

Существование полуоткрытых учреждений и открытых учреждений для отбывания наказания реализует на практике постулаты прогрессивной системы отбывания наказания, представляя собой способ стимулирования правопослушного поведения осужденных.

В уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации предусмотрены аналогичные полуоткрытым и открытым учреждениям колонии-поселения, в которых могут содержаться следующие категории осужденных: осужденные за преступления по неосторожности и умышленные преступления, которым колония-поселение назначена изначально по приговору суда, и переведенные осужденные из колоний общего и строгого режима в соответствии с частью 2 статьи 78 УИК РФ.

Проводя исследование дисциплинарной практики осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок в исправительных учреждениях, за истекший 2022 г. представлены следующие статистические данные. 960 осужденных признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и переведены из колонии-поселения в исправительную колонию, вид которой был ранее определен судом. 1088 осужденных признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и переведены из колонии-поселения, в которую они были направлены по приговору суда, в исправительную колонию общего режима. Числен-

ность осужденных, в отношении которых возможен перевод в колонию-поселение, составляет 37678 осужденных, в том числе в отношении которых материалы о переводе в колонию-поселение направлены в суд составляет 11695 осужденных¹.

В связи с чем прослеживается необходимость наличия участка колонии-поселения в составе проектной модели учреждения объединенного типа, поскольку положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены из исправительной колонии общего режима и строгого режима в колонию-поселение, а нарушители установленного порядка отбывания наказания могут быть переведены в обратном порядке.

Перевод, ухудшающий правовое положение осужденного, предусмотрен нормами уголовно-исполнительного законодательства РФ. Изменение вида исправительного учреждения является одним из правовых последствий признания осужденного злостным нарушителем отбывания наказания, а именно: перевод из колонии общего, строгого, особого режимов в тюрьму в соответствии с пунктом «в» части 4 статьи 78 УИК РФ и перевод осужденного из колонии-поселения в исправительную колонию общего и строгого режимов в соответствии с пунктами «а», «б» части 4 статьи 78 УИК РФ.

В связи с данными нормами УИК РФ в проектной модели объединенного учреждения следует предусмотреть участки исправительных колоний и участки тюрем.

Однако законодатель выделяет несколько видов исправительных колоний: общего, строгого, особого режимов и для пожизненно лишенных свободы особого режима. Что касается пожизненно лишенных свободы, их отдельное содержание от остальной массы осужденных сомнений не вызывает и не требует включения в учреждения объединенного типа. А относительно исправительных колоний для осужденных к лишению свободы на определенный срок возникает вопрос в критериях их разграничения и необходимости выделения участков всех видов режимов в модели учреждения объединенного типа.

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.). Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. С. 367.

В.А. Уткин определяет, что вид пенитенциарного учреждения, в сущности, определяется двумя критериями: 1) качественно отличной степенью (мерой) изоляции от общества и 2) способами внутреннего организационно-пространственного размещения осужденных (общежития или камеры) [7, с. 150].

Следует согласиться с мнением В.А. Уткина, что предусмотренный нормами УИК РФ единый критерий для разграничения и условий отбывания наказаний и видов исправительных колоний в виде числа посылок, передач, бандеролей, свиданий, размера денежных средств для приобретения предметов первой необходимости и времени прогулки не позволяет в полной мере измерить степень кары наказания в виде лишения свободы в различных видах исправительных колоний.

Осуществляя перемещение осужденного из одного исправительного учреждения в другое, увеличивая объем его прав и свобод, осужденный приобретает право на увеличение количества посылок, передач, бандеролей и свиданий. Данная льгота для осужденного недостаточно эффективна для стимулирования его правоупослушного поведения, в связи с чем не представляется целесообразным выделение видов режимов колоний: общего, строго и особого. В проектной модели объединенного учреждения предлагается функционирование исправительной колонии без выделения режимов, но с разграничением видов условий отбывания наказания в пределах исправительной колонии.

Существующая проблема отбывания наказания осужденным по месту жительства ввиду отсутствия каждого вида исправительной колонии во всех субъектах РФ может быть успешно решена путем создания учреждения объединенного типа в каждом субъекте РФ.

Согласно пункту «в» части 4 статьи 78 УИК определяется, что осужденные, являющиеся злостными нарушителями отбывания наказания, могут быть переведены из исправительной колонии в тюрьму.

Законодательно закреплены категории осужденных, которые могут содержаться в тюрьме: злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания в исправительной колонии и осужденные мужчины

за совершение тяжких и особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет, а также при особо опасном рецидиве преступлений, которым часть наказания суд назначил отбывать в тюрьме. Указанные категории осужденных представляют наиболее криминальную часть осужденных, которых необходимо содержать отдельно от остальной массы осужденных к лишению свободы.

Численность осужденных лиц в 2022 г., переведенных из исправительной колонии в тюрьму, составляет 437 осужденных. Численность осужденных, переведенных из тюрем в исправительную колонию, составляет 20 человек. Численность лиц, содержащихся в тюрьмах, на конец 2022 г. составляет 1498 осужденных, из них осужденных к отбыванию уголовного наказания в тюрьме – 1333 и оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию – 165².

В связи с чем в проектной модели учреждения объединенного типа необходимо предусмотреть участок тюрьмы для изоляции наиболее опасных осужденных от остальных осужденных. При этом наличие данного участка будет стимулировать всех осужденных к правоупослушному поведению в связи с возможностью изменения своего правового положения как в сторону ухудшения (перевода из колонии в тюрьму), так и в сторону улучшения (перевода из тюрьмы в колонию).

Некоторые авторы утверждают, что должно произойти сближение «тюремно-камерного» и «колонийско-отрядного» типа содержания осужденных, то есть переход к концепции камеры/общежития с небольшим количеством проживающих в ней [8, с. 320].

Также Концепцией развития УИС до 2030 г. в составе учреждения объединенного типа предусмотрен участок, функционирующий в режиме следственного изолятора, что даст возможность проводить непрерывный процесс исправления с лицами, изолированными от общества, начиная с момента их заключения их под стражу и завершая их освобождением из пенитенциарных учреждений.

Что касается создания участка для несовершеннолетних осужденных, вызывает со-

² Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.). Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. С. 366.

мнение. Поскольку специфичность спецконтингента в виде несовершеннолетних осужденных предполагает отдельное содержание от взрослых осужденных. Наиболее оптимальной представляется идея о едином комплексе исправительных учреждений для лиц, совершивших преступление в возрасте, не достигшем восемнадцати лет. Поэтапное изменение следственного изолятора на воспитательную колонию, а после достижения совершеннолетия несовершеннолетних осужденных перевод из воспитательной колонии в исправительную колонию создает все необходимые условия для полноценного и эффективного воспитательного и исправительного процесса на каждом этапе применения уголовной ответственности: в процессе следствия и дознания, на стадии исполнения наказания и подготовки его к освобождению.

Создание вышеуказанных учреждений в каждом субъекте РФ позволит соблюдать принцип отбывания наказания по месту жительства, сохраняя социально полезные связи.

Представляется целесообразность создания учреждения объединенного типа для несовершеннолетних осужденных, в структуру которого включить помещение следственного изолятора, непосредственно воспитательную колонию и исправительную колонию для лиц, достигших совершеннолетия во время отбывания наказания.

Заключение

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до

2030 г. представила совершенно новое положение о создании учреждений объединенного типа, что требует разработки модели подобного исправительного учреждения. Научная новизна исследования заключается в принятии попытки создать структурную проектную модель такого учреждения, предложить ее научное обоснование для создания возможности ее дальнейшего закрепления на законодательном уровне и практической реализации.

Поставленная научная проблема разрешена, и предложена проектная модель учреждения объединенного типа, которая может структурно быть представлена следующим образом:

- помещение следственного изолятора;
- исправительная колония;
- помещение тюрьмы;
- участок колонии-поселения.

Предложенная проектная модель учреждения объединенного типа имеет практическое значение. Данная модель позволит обеспечить более эффективный исправительный процесс с лицами, совершившими преступление, на всех этапах реализации уголовной ответственности, начиная с заключения их под стражу и завершая освобождением из пенитенциарных учреждений, реализуя постулаты прогрессивной системы отбывания наказания.

Проектная модель учреждения объединенного типа носит общий характер и в дальнейшем требует более детальной научной разработки каждого ее элемента.

Список источников

1. *Дмитриев А.Л.* Концепция УИС 2030 – доктринальный НПА // Современная юриспруденция: теория, методология, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Соловьевой. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. С. 192-197. <https://elibrary.ru/okkxbz>
2. *Сироткина М.Л.* Особенности создания и развития учреждений уголовно-исполнительной системы объединенного типа // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний: сб. материалов IV круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рожд. Владимира Савельевича Харичева. Тверь: Науч.-исслед. ин-т информац. технологий Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 196-203. <https://elibrary.ru/pncptj>
3. *Усеев Р.З.* Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 4 (179). С. 30-35. <https://elibrary.ru/wbjded>
4. *Горбань Д.В., Южанин В.Е.* Комплексные исправительные учреждения: какими они должны быть // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 20-35. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/2\(51\)/20-35](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/2(51)/20-35), <https://elibrary.ru/irzzle>
5. *Селиверстов В.И., Посмаков П.Н.* Концептуальные и организационные основы создания объединенных (многофункциональных) исправительных учреждений // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 59-64. <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2021-4-59-64>, <https://elibrary.ru/fwrznm>

6. Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 21. С. 9-18. <https://elibrary.ru/syjrns>
7. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: Изд. Дом Томск. гос. ун-та, 2018. 240 с.
8. Савонов Р.М. Тюрьма как вид исправительного учреждения и особенности режимов содержания в ней осужденных // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1 (28). С. 316-321. <https://elibrary.ru/yvunxj>

References

1. Dmitriev A.L. (2022). UIS 2030 concept – doctrinal RLA. In: Solov'eva V.V. (gen. ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennaya yurisprudentsiya: teoriya, metodologiya, praktika»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Modern Jurisprudence: Theory, Methodology, Practice”]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., pp. 192-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okkxbz>
2. Sirotkina M.L. (2022). Features of the creation and development of institutions of the penal system of the combined type. *Sbornik materialov 4 kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Savel'evicha Kharicheva «Aktual'nye voprosy informatizatsii Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii»* [Proceedings of the 4th Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Vladimir Savelyevich Kharichev “Current Issues of Informatization of the Federal Penitentiary Service”]. Tver, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service Publ., pp. 196-203. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pncptj>
3. Useev R.Z. (2017). The hybridity of places of deprivation of liberty in the view of security of the criminal-executive system. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Bulletin of the Penitentiary System], no. 4 (179), pp. 30-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wbjded>
4. Gorban' D.V., Yuzhanin V.E. (2022). Comprehensive correctional institutions: what they should be. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], no. 2 (51), pp. 20-35. (In Russ.) [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/2\(51\)/20-35](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/2(51)/20-35), <https://elibrary.ru/irzzle>
5. Seliverstov V.I., Posmakov P.N. (2021). Conceptual and organizational bases of the establishment of joint (multifunctional) correctional facilities. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, no. 4, pp. 59-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2021-4-59-64>, <https://elibrary.ru/fwrznm>
6. Utkin V.A. (2014). “Multiregime” correctional facilities: reality and prospects. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], no. 21, pp. 9-18. <https://elibrary.ru/syjrns>
7. Utkin V.A. (2018). *Problemy teorii ugovolnykh nakazanii* [Problems of the Theory of Criminal Penalties]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 240 p. (In Russ.)
8. Savonov R.M. (2020). Prison as a correctional institution and its features of the prisoner's regime. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Lex. Jus. Civitas*, no. 4-1 (28), pp. 316-321. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvunxj>

Поступила в редакцию / Received 27.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 13.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная